

Лаванда
Май

НЕ ТИХОНЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Он уверен: молчаливая Одария Крылова — мизантроп и зубрилка. Дом её — студенческая библиотека, а главная страсть — отчуждение и чтение никому не интересных книг. Влюбиться в самую странную девушку в группе? Просто невозможно.

Она уверена: новенький, Артем Угольников, перешедший к ним на очное обучение, — просто нелепый в своей самоуверенности дурак. Влюбиться в самого несерьёзного и поверхностного парня в группе? Слишком глупо.

Но так ли они просты, какими кажутся, и не скрываются ли за их публичными масками тёмные секреты?

Одаря

Десятое апреля, понедельник. Кофе сегодня был невкусный, так как шоколад закончился, конфеты тоже. Отпариватель оказался предателем, обрызгавшим меня горячей водой, вместо того, чтобы просто выполнить свою функцию — разгладить морщинки на любимом хлопковом топе. Солнце не светит — пасмурно. Выходить из квартиры совсем не хочу, но у меня пары и постоянное напоминание самой себе о том, как много дней пропустила в начале этого учебного года.

Я взрослая, большая девочка, и должна продолжать функционировать, хотя делаю это не намного лучше своего отпаривателя. Мне двадцать один год но, не смотря на свою фамилию (Крылова), летать, наслаждаясь своей молодостью, пока не очень получается.

Зато новенький, Артём Угольников, полон сил и энергии жизни. С первой минуты он меня бесит одним своим видом. Хи-хи, ха-ха, балагурство, клоунада. Одним идиотом в группе стало больше. Вот зачем Полина пошла по наклонной, забив на учёбу, и ушла из вуза, освободив место этому смазливому мальчику с угольно-чёрными волосами?

Терпеть не могу веселящихся людей, которым всё нипочём, и жизнь удалась. Отгородиться, сделаться невидимкой — что угодно, только не трогайте меня и не втягивайте в свой водоворот чудесной жизни, где есть место радуге и парящим над ней белоснежным пони!

— Погода сегодня не ахти, — Маша Мартынова, типичная скромница и интроверт, пожалуй, единственная, кто меня не раздражает. Понятия, правда, не имею, зачем она говорит со мной о погоде.

— А тебе солнышка надо? — принимаюсь ритмично щёлкать кнопкой ручки, чтобы хоть как-то отвлечься от довольной морды Угольникова в трёх метрах от нас.

Быстро же он в компанию влился. Прошла лишь одна пара, а уже в толпе самых громких парней и самых красивых девушек, как на сцене, мол, вот я такой вот интересный парень, работаю, машину за свой счёт арендую, квартиру снимаю сам. «Ой, а тату какие крутые на руке набил!». «Где и у кого забивался?». «А чего под конец учебного года на очное вдруг перевёлся?». Бла-бла-бла.

— Весна же, — отвечает Мартынова, невинно хлопая натуральными ресничками без следов туши.

— Аргумент железобетонный, прямо как твоя любовь к джинсовым рубашкам, — кладу ручку на аудиторный стол. Палец болит от неё уже.

Маша смотрит на меня, слегка нахмутив брови. Я вижу по растерянности на её лице, как она совершает сложные мыслительные процессы в своей голове. Прямые тёмно-русые волосы по грудь, серые глаза и какая-то природная скромность — такую и обижать не хочется.

— Это не оскорбление, — успокаиваю бедолагу.

— Ладно, — и правда, кажется, успокаивается.

Нормальная она девчонка: в душу лишней раз не полезет, много не болтает, ничего не пытается мне доказать. Просто ходит на пары, учится. Просто студентка, просто Маша.

Вскоре звенит долгожданный звонок. Наконец-то, эти громкие мужские басы и женские крики стихнут, а мои нежные ушки отдохнут. Все расходятся по местам, а Артём уже раз в

пятидесятый за сегодняшний день скользит по мне взглядом, когда поднимается наверх, чтобы занять место рядом с нашим старостой, Даней Рыжковым. Вот что он уставился опять? Ясно уже дала понять, что мне всё равно какой он харизматичный, крутой, весёлый и просто мечта, а не парень.

Произошло это утром. Всё началось с того, что я оказалась первой из группы, кто подвернулся Угольникову под руку. Не спроста же сегодня кофе был невкусный, сладкое кончилось и небо тучами затянуло. Это всё были красные флажки скорого выноса мозга.

— Привет, ты же из 621 группы? — с широкой белоснежной улыбкой обратился ко мне новенький, когда я фотографировала изменения в расписании. — Видел тебя в «ВКонтакте» в чате.

Однако, красив. Уверенное выражение карих глаз, низкий голос, высокий рост, мускулистое тело, развязная поза — всё с ним ясно.

— Как увидел, так и развидь.

— Не понял, — удивился.

— Что тебе нужно? Вот расписание, — показываю рукой. — Скоро остальные одноклассники придут. С ними и общайся, а меня не трогай.

— Да я и пальцем не коснулся даже. Просто спросил.

— Просто ответила.

— У вас тут все такие?

— Какие? — зачем вообще вступаю с ним в дальнейший диалог?

— Злые, как собаки.

— Только я. Держись от злых собак подальше, а то для здоровья опасны.

— У тебя ПМС, что-ли? — усмехается. Ещё и заинтересованным смеет выглядеть. Так пора решительно избавляться от его компании.

— Климакс.

На этом моменте я бодро разворачиваюсь и ухожу прочь, слыша в спину:

— Собачий климакс? Звучит, как что-то очень страшное. Я не ветеринар, конечно, но может тебе нужна помощь?

Как же смешно, блин. «Не отвечай, Ри, не реагируй», — успокаиваю себя. Как какие-то жалкие пять минут общения с новеньким смогли так расшатать мою нервную систему с самого утра? Аура токсичная у парня, видимо. Нам такие точно не нужны.

Меня радует, что сейчас он сидит достаточно далеко от меня, а значит перестанет пялиться и вскидывать недоуменно свои густые брови. Не ожидал, что не все от него без ума? Пусть привыкает — мне не интересны смазливые лица.

К тому же и без меня поклонницы найдутся: две перемены подряд девчонки нашей группы бабочками порхают вокруг Артёма, пытаюсь привлечь его внимание и разузнать о нём как можно больше. И все такие разные! Тут тебе и рыжая, и блондинки, и брюнетки — выбирай не хочу!

Одна Машка молодец. Об учёбе только и думает, да за погодой следит. Созидательная, золотая девочка. Чудо! Но таким, как мои одноклассники, не понять всей прелести наличия мозгов в голове.

— Новым этапом в истории отечественной радиожурналистики стал семидесятый год двадцатого века... — препод, Антон Павлович, зачитывает лекцию монотонным усыпляющим голосом, уставившись в потрёпанную книгу. В чём смысл? Я могла бы просто

почитать этот самый учебник в любое удобное для меня время.

— Есть запасная ручка? — шепчет Мартынова.

— Только карандаш, — достаю его из сумки и протягиваю Даше. Она благодарно принимает временный заменитель ручки и продолжает писать теперь уже им.

Я тоже пишу, но то и дело отвлекаюсь, упуская отдельные слова. За качество написанного в тетради не переживаю, так как почти уверена, что эту лекцию можно найти даже в Интернете. Мне сейчас больше другое интересно... Какого чёрта свалился такой черноволосый сюрприз нам на голову? Этого только и не хватало.

Это вообще очень странно: новенький посреди весны. Никто такого не ожидал, но на прошлой неделе просочился слух о заочнике, который должен прийти к нам в группу. Будет этот незнакомец теперь ходить вместе с нами на пары, как простой смертный. Зачем вообще на третьем курсе, да ещё и в апреле, являться с тетрадью и ручкой к нам в аудиторию? Учился бы и дальше вне стен вуза, занимаясь какими-то там своими важными делами!

— Радио по прежнему играло огромную роль в жизни общества, — продолжает препод, — не смотря на то, что активно начиналось производство телевизоров, которые всё сильнее захватывали внимание и спрос потребителей...

Антон Павлович громко чихнул в свою морщинистую ладонь, и все тут же стройным хором принялись желать ему здоровья. Да у него же аллергия на собственную дисциплину, что он преподаёт! Какое тут здоровье... На пенсию бы старичку, если честно. По нему видно, что уже не горит преподаванием, если когда-то вообще горел.

За следующие полтора часа я пережила многое: длинные задумчивые паузы препода, борьбу со сном, сопротивление безумно странному желанию посмотреть туда, где сидит ОН. Но я не посмотрела ни разу. «Ри, да перестань ты думать о нём! Зачем тебе этот пустоголовый шут?», — мысленно отчитываю саму себя. Мне не до веселья, и у меня совсем нет времени и даже сил на всякие глупости.

Звонок на перемену. Мне почти радостно, так как впереди последняя на сегодня пара и скорое отбытие домой.

Мы все высыпаем в коридор, а затем поднимаемся на второй этаж, где у нас будут проходить следующие полтора часа. Впереди маячат широкие спины Рыжкова и Угольников. Они слегка отстали от остальных, болтая о своём, и явно не подозревают, что я иду сзади. Потому что разговорчики их принимают интересный поворот...

— А что это у вас тут за тихоня? — слышу голос Артёма. — С длинными русыми волосами которая. С косами, или что это у неё там...

— Ты про Одарию что-ли? — уточняет Даня, проводя рукой по своим чёрным кудрям, что вечно опадают на лоб.

— Наверное. Она настолько необщительная, что я даже имени её не знаю, хотя подошёл к ней и сам первый заговорил. Со всеми познакомился, кроме неё.

Ой, прям имени не знаешь? Ну-ну. А как же чат, в котором увидел меня? Всё в «ВКонтакте» есть на моей странице: и имя и фото.

— Ну, Крылова... не очень любит общество в последнее время... Просто забей.

— Понял, — коротко усмехается Угольников.

Надеюсь, и правда понял. Вот уже как минимум два человека посоветовали не приставать ко мне, включая меня саму. Вот и забей, как говорит Рыжков. Старосту слушать надо, староста плохого не посоветует.

Артём

Первый учебный день, в первый раз вошёл в двери главного корпуса не для того, чтобы сдать экзамены и затем свалить, а для того, чтобы отсидеть пары. Давно пора было, а то годы студенчества идут, а я даже не знаю толком какво это — общаться с одногруппниками, зевать на скучных лекциях, ходить в буфет на переменах... Теперь узнаю.

Давно хотел, но всё разрешения не получал от деканата. То место занято, то документы не оформлены. Думал уже, что дотянут до следующего учебного года, и ведь пытались. «Зачем тебе это?», — говорили они. «Весна уже на дворе, почти конец третьего курса. Не лучше ли потерпеть до сентября?». Нет, не лучше. Это же ещё многие месяцы! Я не готов так долго ждать. Хочу уже влиться в общий поток молодёжи, приобщиться к студенческому обществу, да даже просто новых друзей найти! Замотался уже от взрослой жизни, где есть место только работе, коммунальным счетам и скучным походам в магазин за продуктами.

И общаться-то не с кем особо стало. Так активно погрузился во взрослую самостоятельную жизнь сразу после школы, что растерял добрую половину своего круга друзей. Остались лишь коллеги по работе, и разговоры наши в основном о рабочих хлопотах.

Ну, теперь и об учёбе можно будет поболтать. Знаю уже заранее где висит моё расписание, и сразу следую к нему, так как то, что висит в чате в «ВКонтакте» потеряло свою актуальность, как написал всем староста, Даня Рыжков.

Возле стенда стоит она. Девушка с длинными русыми волосами, собранными узелками в две причудливые косы. Оригинальная причёска, я такие разве что в Интернете раньше видел. Подхожу ближе и сразу, при виде лица, понимаю, что это моя одногруппница. Я видел её в чате, когда изучал список его участников — моих будущих одногруппников.

Казалось бы, ничего плохого не делаю, гадостей не говорю, а девушка огрызается и нос от меня воротит. Что за чёрт? Смешная, красивая, злая, как собака. Сама же мне и подтвердила!

— Собачий климакс? Звучит, как что-то очень страшное. Я не ветеринар, конечно, но может тебе нужна помощь? — говорю вдогонку быстро удаляющейся спине с узкими плечиками, но в ответ молчание.

Да не больно-то и хотелось! Кроме неё и другие собеседники найдутся для меня. Один из них подошёл почти сразу после ухода девчонки.

— Даня, — протягивает мне руку староста, когда подходит к стенду и видит меня.

— Артём, — пожимаю протянутую руку.

Парень на первый взгляд уверенный в себе. Стильная укладка на кудрявых чёрных волосах, дорогие очки, приличная одежда.

— Ну, что, готов к первому дню? — спрашивает он меня.

— Ко всему готов. Ты же староста, да? Уж помоги новенькому: расскажи кто тут рукопожатный, кто вредный, кто крыса. Да по преподам что, чего в буфете лучше не покупать...

— Сразу к делу? — усмехается Даня. — Хорошая хватка! Таких я люблю, — он хлопает меня по плечу.

От Рыжкова узнаю много всего интересного, пока идём вдоль длинного коридора к нужной аудитории.

— Значит смотри, — рассказывает он мне, — Сейчас пара будет проходная — по истории журналистики. Вторая по радиожурналистике. Преподаёт Антон Павлович. Ты его не трогай, он мужик хороший, пожилой уже. А что там третьей я уже забыл.

— Понял.

— Нас в группе с тобой теперь девятнадцать человек. До тебя Полинка была, но свалила, увлѣкшись всякими непотребствами. Забила, короче, на учёбу. Вылетела даже, а не просто свалила.

— Я теперь за неё буду, не расстраивайтесь.

— Да я вот лично рад. Она меня бесила с самого первого курса. Вот, смотри, — тычет пальцем в длинноволосую блондинку в синей ветровке, что стоит у окна и говорит по телефону. — Это Алина Иванова. Не идеал, но и придраться особо не к чему. Своя, в общем.

— Этот тоже наш? — киваю на кривляющегося посреди коридора русоволосого высокого парня в толпе ржущих студентов.

— О, да. Это Стѣпа- шалун, как мы его зовѣм, — усмехается староста.

— Почему шалун? — мне уже смешно даже без знания предыстории. Просто смотрю на этого дылду, а в голове «Стѣпа- шалун», и уже смеяться хочется.

— Да ты посмотри на его волосы!

Длинные, как у Алины, с густой чѣлкой. Я даже не заметил сразу. Похоже, скучно мне теперь точно не будет с такими ребятами. Кто бы мог подумать, что на журфаке такие кадры водятся... Злые собаки, шалуны, всякие там Полины с непотребствами... Весело, однако!

Заходим в аудиторию, а там даже ещё более шумно, чем в коридоре. Всё внимание сразу на меня. «Максимальная собранность и уверенный вид!», — напоминаю себе на всякий случай. Хотя излишней стеснительностью никогда и не страдал.

Всех интересуется моё тату, как докатился до жизни такой, зачем перевѣлся на очное посреди апреля, да и кто я вообще такой. Девчонки, смотрю, симпатичные, кто-то кокетничает, не скрываясь, кто-то более сдержан. Глядишь, и замутить с кем получится.

Кстати, о девчонках... «Злая собака» сидит в третьем ряду, отвернувшись к окну, и в общем переполохе участия никакого не принимает. Никто внимания на неё не обращает — так и должно быть?

Следует вереница имён, которые не знаю как и запомнить: Маша Мартынова, Катя, Никита, Вика...

— Новенький! — восклицает один из парней. — Руку пожмѣшь?

— Конечно, — пожимаю его здоровенную лапу. Он и сам огромный, как медведь. — Артѣм.

— Кирилл, — отвечает, пристально глядя мне в глаза. А он нагловат, похоже. Позже узнаю у Дани.

Пока всё идёт хорошо, и я быстро нахожу со всеми общий язык. Мы стоим, шутим, как старые друзья. Но звонку я всё же радуюсь — даже от веселья порой нужен отдых. Мы все расходимся по местам, и я не упускаю случая ещё раз посмотреть в сторону третьего ряда, где сидит самая необщительная девушка группы.

Во время второй перемены всё повторяется: я в центре внимания, отвечаю на вопросы и задаю свои. Интерес ко мне не угасает, и я даже начинаю утомляться. Зато с пользой провёл время на прошедшей паре. Узнал, что «злую собаку» зовут Одарией Крыловой — зашёл в чат и посмотрел имя, так как сама она представиться мне не захотела. Да что там! Даже

«привет» не сказала... Грубиянка или стеснительная? Не ясно.

Она снова сидит у окна, хотя мы уже сменили аудиторию. Рядом Мартынова Маша — одна из немногих, кого я успел запомнить по имени. Ещё старосту, конечно запомнил. И Кирилл Ермолина, который тот ещё болтун оказался. Рот у этого здорового медведя просто не закрывается! Ну, Стёпу тоже сложно будет забыть. Просто за счёт своей нелепой стрижки парень выделяется так, как мне и не снилось.

Только вот мысли все о Крыловой. Своим игнором только раззадоривает, подстёгивает моё любопытство. Что с ней такое? Ни с кем ведь, кроме Маши, не общается! Это не я ей не понравился, а вообще все, похоже, ей не интересны. Мизантропка какая-то. И зачем так много думаю о ней? Кроме неё других девчонок полно, которым я интересен и нравлюсь.

И всё же нет мне покоя.

— А что это у вас тут за тихоня? — спрашиваю у Дани во время следующей перемены, когда идём по коридору к аудитории, где будет проходить следующее занятие. — С длинными русыми волосами которая. С косами, или что это у неё там...

— Ты про Одарию что-ли? — уточняет Даня, проводя рукой по своим чёрным кудрям.

— Наверное, — делаю вид, что не знаю её имени, чтобы не выдать свою излишнюю заинтересованность.

Рыжков посоветовал забить на Крылову. Последую ли я его совету? Сомневаюсь.

Одаря

На следующий день, к моему великому облегчению, шум по поводу появления новенького несколько поутих. Сегодня присутствие Угольникова уже не напоминает реалити-шоу, в котором все дружной толпой берут у парня интервью, не находя себе более интересных занятий.

Но теперь этот новенький один из самых популярных людей в группе. Впрочем, мне-то какая разница? Ещё бы глазел на меня меньше, и тогда бы вообще проблем не знала. Ну, то есть... новых проблем.

Пары идут своей чередой, местами скучно, местами интересно. Во время большой перемены привычно хватаю свой битком набитый рюкзак и натягиваю его лямки себе на плечи. Если большинство в это время путь держит в буфет, то я следую в библиотеку. Мимо стайки ещё совсем зелёных и сопливых первокурсников, мимо группы ребят с камерами на штативах, что снимают какие-то ролики для сайта вуза, мимо очереди в гардеробную.

Всё мимо. Есть лишь одно место, куда влечёт меня сейчас. Библиотека это по истине райское место: тишина, покой, запах книг.

Библиотекарь, Елизавета Петровна, при виде меня улыбается. Отвечаю ей тем же. Мне нравится эта женщина, так как она ни разу не заметила одну мою маленькую страсть...

Стягиваю с плеч безумно тяжёлый рюкзак, от которого уже заныли плечи, ставлю его на специальную выступающую полку для сумок и со свистом дёргаю молнию.

Выгружаю стопку из шести книг на стол. Все, как под копирку, имеют обложку синего цвета, хотя между собой книги никак не связаны общей серией или даже издательством.

Елизавета Петровна щёлкает мышью, ища мою фамилию в базе на компьютере.

— Новые набирать будешь? — спрашивает меня, уже заранее зная ответ.

— Да.

Следую к стеллажам, на которых остановилась в прошлый раз. Третий по счёту, во втором ряду, вторая верхняя полка... Я вновь ищу синий цвет, я вновь чувствую, как сдавливает грудь от горького чувства. Оно только моё и только со мной.

Спустя несколько минут с пятью книгами в руках вновь возвращаюсь к стойке библиотекаря. Елизавета Петровна кивает, принимаясь заносить новые данные.

Весеннее солнце бьёт в окна библиотеки, и мне приходится щурить глаза, чтобы не ослепнуть от его яркого света. Верчу головой, ища ракурс, при котором бы оно меня не пыталось поджарить. А лучше бы вообще закрыла глаза, так как моему взору предстаёт Артём, сидящий за одним из столов в рабочей зоне с компьютерами. Он щёлкает кнопкой мыши и то и дело вынимает бумагу из лотка работающего принтера. словно почувствовав слезку, парень поворачивает голову в мою сторону. Спешно отворачиваюсь. Теперь я мысленно молю Елизавету Петровну как можно скорее занести в базу данные о книгах.

Какого чёрта он здесь делает? Этот клоун должен быть где угодно, но только не в обители учебной атмосферы для ботанов.

— У тебя обсессивно-компульсивное расстройство? — вздрагиваю от насмешливого голоса Угольникова, что незаметно оказался рядом со мной.

Он на весу кладёт свои распечатки в чёрный, похожий дизайном на мой, рюкзак.

— С чего это? — как-то вновь само собой выходит, что я отвечаю ему.

Я же не собиралась делать этого! Нашёл же, гад, способ увлечь меня в диалог.

— У тебя все книги синего цвета, — вешает лямку рюкзака на одно плечо, полностью освобождая руки.

— Фэн-шуй практикую. Стихия воды.

— Ты расставляешь их дома по углам, используя все стороны света, или ещё как-то по особенному?

Я молчу, приняв твёрдое решение в дальнейшем игнорировать парня. Но у меня не получается не заметить, что под ярким солнечным светом его волосы оказываются вовсе не чёрными, а с каштановым оттенком. Горький шоколад или кофе, что я пью по утрам прежде чем покинуть квартиру и отправиться на учёбу...

— «Введение в электроэнергетику и электротехнику», — Артём зачитывает название одной из книг, что Елизавета Петровна только что занесла в базу и вернула мне. — Полковниченко и Гуляева... Хм... Проводку дома будешь менять под свой фэн-шуй?

— Что ты пристал ко мне? Иди куда шёл.

— К тебе я шёл. Мы когда познакомимся-то? Я Артём, — протягивает мне руку, а по глазам вижу, что веселится.

— Я знаю, что ты Артём, — игнорирую приветственный жест.

— Я потому и пристал, что имени твоего не знаю. Чего бука такая? Стесняешься?

Боже, помоги! Я хочу треснуть его по голове этой самой «электроэнергетикой»!

— Ты знаешь моё имя.

— Да как же? Мало ли что где написано, и как другие люди тебя называют! Ты вот подтверди мне, что тебя Одарией зовут, а никак иначе.

— Что за чушь, — бурчу себе под нос.

— Твоё имя вовсе не чушь! — коротко хохочет. — Нормально же звучит: «О, да, Рия». О, да!

Артём делает сейчас такой тон, от которого Машка Мартынова бы тысячу раз уже покраснела и побледнела разом. Вот же идиот редкостный! Меня вдруг посетила дикая сексуальная фантазия, в которой я пускаю пятерню в его чёрные волосы... а затем опрокидываю голову парня о стойку библиотекаря. О, да, Артём! О, да!

— Я больше не намерена терпеть твою компанию, — отвечаю вместо этого. — Оставь меня в покое.

Елизавета Петровна начинает хмуро поглядывать на нас исподлобья, но не вмешивается, занятая своей работой.

— Разве я обидел чем? Я же просто познакомиться с одноклассницей пытаюсь. Твоя подружка, знаешь ли, более дружелюбна, чем ты.

— Вот с ней и общайся.

— Так я с тобой хочу.

Любая другая бы уже растаяла от скользкой нагловатой улыбки на его лице и искорок смеха в карих глазах. Но не я. Демонстративно делаю шаг назад, увеличивая расстояние между нами, и со всей твёрдостью говорю:

— Зато я не хочу.

— Конфликт интересов, получается. Что делать будем?

— Ничего я с тобой делать не буду! Отвали! — воскликнула я громче, чем планировала.

— Вот это темперамент! А я думал, ты тихоня забитая.

— Сейчас я тебя забью, если не свалишь! — шиплю, стреляя в него молниями гнева из глаз. Только Угольникову всё нипочём. Смеётся, развлекаясь за мой счёт.

— Я вот даже и не знаю предвкушаю или боюсь...

— Молодые люди! — не выдержала нашей перепалки Елизавета Петровна. — шуметь идите в другое место! А здесь люди занимаются — не мешайте!

Она кладёт на стол передо мной последнюю книгу, которую я тут же бросаю в рюкзак. Визг молнии, ляжки на плечи — пора валить из этого дурдома.

— При всём уважении, — не унимается Артём, — из нас двоих молод только я. А эта пожилая дама, — выразительно смотрит на меня, — с климаксом в голове никак мне проходу не даёт. Даже в библиотеке! Безобразие полное! Пришёл, блин, на очном учиться...

Можно я его побью? Вот прямо своим же рюкзаком. А то зря что-ли тяжёлый такой? Огреть бы им макушку одного идиота... Мечта.

Я выхожу из библиотеки в коридор, Артём идёт следом, посмеиваясь где-то у меня за спиной. Игнорирую, не оборачиваюсь, не смотрю. Мне нет никакого дела до этого парня. Мне не нужно реагировать на его провокации. Мне не нужно лишний раз угождать ему своими вспышками раздражения, которые для него лишь повод для веселья. Нет никакого Артёма, нет ничего, кроме меня и моей тайны.

Этот пустоголовый дурачок не стоит моего внимания. Поверхностный, ничего не смыслящий в том, каково думать, чувствовать разъедающую изнутри боль. Рано или поздно ему надоест приставать ко мне со своими глупостями — нужно просто продолжать игнорировать его. И желательно справляться с поставленной задачей более успешно, чем в эти два дня.

Артём

Она странная. Я подумал об этом, когда заметил, как она выбирает себе книги.

Меня не удивил приход Одарии в библиотеку и то, какой груз она таскает на своих плечах (я насчитал шесть толстенных книг, когда она начала извлекать их из своего рюкзака). Такие тихони, как правило, исходя из моих личных наблюдений, всё время что-то пытаются доказать себе или ещё кому-то, и поэтому не обращаются за помощью и не ищут лёгких путей. Таскать самостоятельно такой вес? Конечно, да!

Меня также не удивило то, что девушка после направилась к стеллажам за новой порцией знаний. Она без лишних раздумий, целенаправленно, подошла к одному из них и, не глядя, просто начала набирать книги одну за другой. Одарию не интересовала аннотация, имя автора или даже название художественного произведения или учебного пособия. Не знаю точно, что там за отдел, но, видимо, моя одноклассница большая его поклонница.

Я несколько завис, наблюдая за ней, хотя искренне пришёл сюда поработать, пользуясь большой переменной и тем, что в местной библиотеке студентам предоставляется отличная возможность посидеть в рабочей зоне за компьютером с подключенным интернетом и принтером. Весь процесс моего наблюдения за девушкой занял от силы семь минут, и вот Крылова уже с новым грузом на руках направляется к стойке библиотекаря.

Я поспешно завершаю процесс печати на компьютере, за которым работал последние минуты, извлекаю флэш-накопитель, хватаю в руку распечатки, что успел сделать, и вскакиваю с места. Нет времени подумать, что я делаю и зачем. Просто вижу русые, сверкающие под солнечным светом из окон, волосы девушки, и понимаю, что просто обязан подойти к ней, пока рядом никого нет и никто нам не мешает.

— У тебя обсессивно-компульсивное расстройство? — вырывается у меня вопрос при виде цветовой гаммы набранных Одарией книг. Они все оказались с обложкой синего цвета. В этот момент я ещё раз подумал: «Она странная».

Крылова легко вздрогнула, и это вдруг показалось мне милым. Как и немногочисленные тонкие короткие волоски у шеи, выбившиеся из общей причёски.

А вот что не показалось мне милым, так это «Введение в электроэнергетику и электротехнику» на стойке библиотекаря. Одария в самом деле будет читать это? Она читает всё подряд или эта книга для её парня? Последняя мысль мне не очень-то нравится.

Да нет же: откуда у такой буки парень? Бред какой-то.

Между нами завязывается небольшая перепалка, от которой я прямо таки получаю удовольствие. Дразнить тихих молчаливых девочек, оказывается, очень даже весело и приятно! Кайф обломала библиотекарь, которая просто взяла и практически выгнала нас.

В итоге мы выходим в коридор, и я не могу сдержать смеха при виде явно злой спины Крыловой.

— Тебе помочь может? — спрашиваю, нагоняя девушку.

Она молчит. Только шаг ускоряет, чтобы отвязаться от меня, но не на того напала! Мне не составляет никакого труда не отставать от коротких женских шагов, пусть и поспешных.

— Точно помощь не нужна? — продолжаю приставать. — Я не отстану, пока не ответишь.

— Хочешь предложить мне визитку классного ветеринара? — бурчит раздражённо.

— Нет, я предлагаю услуги грузчика. Думаю, рюкзак тяжёлый у тебя. В твоём-то возрасте и такие тяжести! Не боишься собакой сутулой стать?

— А ты не боишься по морде получить?

Мне начинает казаться, что не такая уж это и скромная девочка. Разве они так разговаривают?

— А ты только климаксом страдаешь или ещё и бешенством? — дразню её.

— Хочешь проверить? — зло стреляет в меня взглядом. Ух сколько в нём страсти!

— Предлагаешь меня покусать? Я не против, только местами нежней надо быть. А то смотришь волком — мне ведь страшно.

Она открывает рот, чтобы что-то ответить мне, но, похоже, я уже никогда не узнаю, что именно девушка собиралась мне сказать, так как Кирилл Ермолин выскочил откуда-то со стороны:

— О, Артёмка! — хватает он меня за плечи и увлекает за собой в незнакомую мне прежде аудиторию.

— Куда ты меня тащишь? — поддаюсь этому громиле, но недоумеваю при виде незнакомых лиц студентов из другой группы.

— Удача на моей стороне, — громко объявляет Кирилл, оглядывая всех присутствующих и подмигивая напоследок мне. — Своего поймал! Это Артём, одноклассник мой!

Раздаётся дружный одобрительный гул голосов и даже чей-то свист. Ермолин всё ещё держит меня за плечи, словно боясь моего побега. Я же непонимающе таращусь на всех и едва сдерживаю раздражение.

Оказалось, этот медведь просто проиграл в споре и должен был выйти в коридор, взять первого попавшегося человека и притащить сюда. «Добычу» было оговорено отпустить только при условии выполнения задания: рассмешить всех присутствующих.

Деваться некуда — пришлось на время стать комиком. В таких компаниях главное поддерживать общую игру и не выделяться. Вышел к доске, как ученик на уроке литературы, и принялся нести всякую чушь... Это я умею, что уж скрывать. Вон, даже Одария подтвердит!

Даже сам смог развеселиться и удовольствие получить. Только вот перемена так и пролетела впустую. Ну, ничего — ещё будет время поиграть с девчонкой.

На лекции Крылова снова сидит у окна, рядом с ней Мартынова. Вот о чём с ней Маша разговаривает? О косметике? О шмотках? А, может, о парнях?.. Или всё гораздо сложнее, и разговоры их носят исключительно серьёзный характер... Учёба, любимые книги, кулинарные рецепты...

Преподавательница, имя которой я так и не смог пока запомнить, чертит на доске сложные схемы алгоритма взятия интервью для разных ситуаций и целей. Многие из нас предпочитают не перерисовывать её к себе в тетрадь, а просто сфотографировать на свой телефон. Я тоже беру в руку мобильник, а, разблокировав экран, вижу входящее сообщение от матери. Давненько мы не общались...

Делаю нужную мне фотографию, а затем открываю непочитанный диалог, параллельно делая вид, что внимательно слушаю и записываю лекцию.

— Привет. Артём, я слышала, ты на очное перевёлся. Это правда? — гласит сообщение, отправленное мне полчаса назад.

С минуту подумав, набираю текст:

— *Привет. Да. Сегодня второй день, как на пары хожу.*

Я вижу, как спустя ещё две минуты мать появляется «онлайн» и сразу читает моё сообщение. Ответ от неё тоже приходит быстро:

— *А с работой что?*

— *Всё нормально — работаю.*

— *Нравится на пары ходить?* — ничего не значащий, казалось бы вопрос, но мы действительно давно не общались. Это не просто обмен любезностями, а маленький жест перемирия.

— *Да, мне этого не хватало,* — печатаю ответ.

— *В гости не заглянешь?*

Вопрос, который неизбежно влечёт за собой напряжённую паузу. Я смотрю на эти буквы, под косым взглядом Дани Рыжкова, что сидит рядом и тоже время от времени берёт в руку свой телефон, чтобы скрасить скучное времяпрепровождение.

— *Нет. Пока Константин дома, не загляну,* — отправляю, наконец, ответ.

На этом наш короткий разговор и завершился. Он теперь всегда обрывается именно на этом моменте. Раньше вслед за моим отказом приехать в родительский дом начинались долгие бесполезные и выматывающие ссоры. Теперь же только тишина. Никому из нас больше нечего сказать.

— *Твоя девчонка?* — шёпотом спрашивает Даня, когда я отодвигаю телефон в сторону.

— *Вроде того,* — отвечаю, обнаружив вдруг в этот момент свой взгляд на узкой спине Одарии.

Одаря

Долгожданный и вместе с тем ненавистный вечер.

Я сижу на своём раскладном диване, на котором обычно сплю. Вокруг меня взятые сегодня книги, а внутри меня очередная доза разочарования. Ничего. Снова ничего. Это обычные учебники с равнодушием вещающие о своей науке.

Иногда мне хочется прекратить свои страдания: отнести в библиотеку стопку книг в последний раз и больше никогда не набирать их снова. Сколько дней я уже таскаю рюкзак, камнем лежащий не только на моей спине, но и душе?

Поворачиваю голову и смотрю на стол с лежащим на нём почтовым конвертом. Тянусь, беря его в руки. Извлекаю сложенный вдвое тетрадный лист, где размашистым нервным почерком написано то, ради чего вообще всё это происходит уже почти полгода.

Я знаю, что сейчас снова перечитаю его. И знаю, что завтра опять вернусь из вуза с новой порцией книг.

Делаю глубокий вдох, прикрыв на секунду глаза, а затем открываю их, опуская вниз, на текст.

«Привет. Одаря, это очень важное письмо, касающееся тебя и Ани. Пожалуйста, не игнорируй его — прочти до конца. Это правда важно!»

Я знаю, ты меня никогда не сможешь простить после того, как я расскажу тебе то, что собираюсь рассказать в этом письме. Именно поэтому ты не видишь на конверте обратного адреса. Я не хочу, чтобы ты знала, кто я, чтобы посмотрела на меня определённым взглядом. «Мы знакомы?» — спросишь ты. Лишь отчасти. Поэтому не думай об этом. Зови меня Евгенией (конечно, это не моё настоящее имя). Возможно, я даже не женского пола — кто знает?

Я хочу рассказать тебе одну важную вещь, которую ты должна знать о своей сестре. Но прежде начну с другого. Меня терзает чувство вины, и я надеюсь облегчить его этим письмом. Мне нужно выговориться, и прости, но не лицом к лицу.

Я должна попросить у тебя прощения. У тебя, твоих родителей, а у Ани, к сожалению, попросить уже никогда не смогу.

Это я. Я была с ней в тот вечер, так как мы близко дружили уже какое-то время. Я видела, что Аня не трезва, что Витя тоже пьян. Он не планировал напиваться, так как было оговорено, что именно он сядет за руль и будет помогать развозить нас по домам после вечеринки. Но я, не думая о последствиях, хотела повеселиться и устроила марафон алко-игр. Витя проигрывал раз за разом, опрокидывая в себя одну стопку за другой.

Не могу сказать, что подтолкнула его сесть за руль после всего случившегося. Я не видела, упустила из виду момент, когда Аня, Витя и ещё двое из нашей компании скрылись вместе с машиной. Я в этот момент была в туалете и звонила своему парню, чтобы приехал заменить пьяного Витю.

Мне хотелось насолить своему уже бывшему, но никак не думала, что всё это приведёт к таким трагичным последствиям.

Я прошу прощения, зная, что не получу его от тебя. Но могу я попросить? Передай, пожалуйста, своим родителям мои слова раскаяния. Мне жаль, что так вышло. Это и со мной теперь на всю жизнь.

Но теперь я хочу перейти к тому, для чего вообще пишу тебе письмо. В тот вечер Аня на пьяную голову призналась мне о том, что её убивает конфликт со старшей сестрой — тобой. Но она никак не может переступить через себя, и начать с тобой диалог. Поэтому она пошла другим путём...

Аня сказала, что подложила записку для тебя в одну из тех книг, что ты таскала ей из вуза. И ты эту книгу к тому моменту уже забрала назад. Я посмеялась над подругой, потому что мне показалось это глупым. Ведь ты не заметишь такого послания. Просто отнесёшь книги и сдашь их в студенческую библиотеку. И когда я спросила у неё, а помнит ли вообще куда подложила записку, она ответила, что не помнит... Книга с обложкой синего цвета. Это единственное, что Аня запомнила.

И теперь мне страшно подумать, что ты и правда не заметила. Одаря, если ты всё же не обнаружила никакой записки, то знай: она существует в одной из тех книг, что ты приносила домой сестре.

Я не могу успокоиться от мысли, что послание Ани так и не попало тебе в руки. Потому что она хотела, чтобы ты его обнаружила.

Это всё, Одаря, что я хотела сказать тебе. Надеюсь, ты дочитала до конца».

Никакой записки я тогда, конечно не обнаружила. Мне не было даже дела до того, какие книги я притаскиваю Ане, чтобы та «вставала на путь исправления», как хотели того родители. Странная была идея: пытаться привить младшей дочери любовь к чтению и знаниям вместо постоянных побегов из дома и вечеринок в сомнительных компаниях. Неужели и правда верили, что семнадцатилетняя девчонка послушно читает всё, что я приношу из вуза?

У меня на этот счёт иллюзий не было. Поэтому и хватала в библиотеке первое, что под руку попадётся. И, конечно, понятия не имею, что за книги, благодаря мне, попадали в руки Ани.

Я даже не подозревала, что сестру мог волновать наш конфликт. Думала, это только меня беспокоит. Всё, что я слышала от неё в последнее время, это острое: «Ненавижу тебя». Эти слова, даже спустя почти год, мне иногда снятся по ночам, и произносит их голос Ани. Далёкий, доносящийся словно сквозь стекло или вату. Потому что нет больше Ани, и других слов я от неё никогда не услышу.

«Ненавижу тебя» стало последним, что сестра сказала мне.

Эта фраза готова была снова пронестись в моей голове, но тишину комнаты нарушил сигнал на моём телефоне, оповещающий о входящем сообщении. Моргаю несколько раз, возвращаясь к реальности. Убираю вновь сложенный тетрадный лист в конверт, который затем отодвигаю в сторону, чтобы заменить его мобильником.

На экране телефона раздражающее имя. Артём Угольников.

— Я знаю, чем ты занята, — читаю единственное сообщение в нашей переписке.

Игнорирую, даже и не думая печатать ответ. Но Артём не желает просто мириться с этим или послушно ждать моей благосклонности:

— Ты очень весело проводишь время! Веселей, чем кто-либо другой из нашей группы. Пенная вечеринка, океан алкоголя, мускулистые стриптизёры... Чего ещё ожидать от Крыловой в вечер вторника? А уж что в пятничный вечер творится... Ой-ой...

— Ты реально идиот? — не выдерживаю.

— Самую малость. А знаешь почему? Потому что не умею веселиться так, как ты.

Научишь меня?

— Лучше бы к людям научился не приставать.

— Так вот и научи! Пока у тебя плохо получается.

— Я не подписывалась на то, чтобы быть твоим репетитором по хорошим манерам.

— Хорошие манеры? Тебе просто противопоказано преподавать подобное!

— Вот и отстань от меня.

— Уверена, что хочешь этого? Зачем тогда вступаешь в диалог со мной всё время?

— Пытаюсь донести одну простую вещь: общайся с теми, кто действительно этого хочет. Я не жажду твоей компании. Ты мне не интересен, и шутки твои омерзительны. Ещё один выпад с твоей стороны, и полетишь в чёрный список.

— И всё же ты зануда, как я и подозревал. Книжки свои читаешь, а не пенную вечеринку устраиваешь. Скукота смертная! И правильно, что не общаешься с остальными: по возрасту не подходишь. Слишком ты стара, подруга...

Я выхожу из переписки, оставляя сообщение не отвеченным. Да пошёл он! Откидываю телефон в сторону и далее принимаюсь заниматься обычными домашними делами: готовка ужина, выполнение практического задания на завтра, чтение параграфа, который будем вскоре обсуждать на одной из ближайших пар.

Телефон в следующий раз я взяла только перед сном, когда уставшая легла, наконец, под одеяло. Ещё одно сообщение от Артёма, что висит строкой оповещения уже не один час:

— Ну, а если серьёзно... Предлагаю начать знакомство заново. Сделаю завтра вид, что вижу тебя впервые. А ты обещаю не кусаться, а прикинуться, что вовсе не страдаешь собачьим климаксом.

Артём

Словно кот в засаде, шарю глазами по аудитории в поисках одной упрямой мышки. Я видел, как Крылова вошла в двери практически прямо передо мной. Мой взгляд останавливается на местах у она. Конечно, Одария села туда. Мартыной ещё нет, и я решаю, что это лучший момент для нашего нового «знакомства».

Мимоходом здороваюсь с двумя парнями, что тоже уже сидят на своём месте и за чем-то наблюдают у себя в телефоне, тихо переговариваясь между собой, и иду прямо к девушке.

Она не ответила вчера на моё последнее сообщение, заставив его сначала ещё и провисеть непрочитанным несколько часов. Но кто я такой, чтобы надуть важно щёки и заявить: «Тогда и я не буду с тобой дружить!». Ну, уж нет — так дело не пойдёт!

— Привет, с тобой я ещё не знаком. Меня Артём зовут, — улыбаюсь просто и дружелюбно, без лишних кривляний.

Может это сработает? Но Одария окатила меня странным не читаемым взглядом и явно не светится восторгом при виде меня.

— Привет, Артём. Ты что-то перепутал: мы знакомы уже третий день.

— Не правда, — отрицательно качаю головой. — Мне всё ещё не известно твоё имя.

— Я должна отдельно представляться для особо умных?

— Да брось, это общественная норма. Люди при знакомстве говорят, как их зовут. В чём смысл такой твоей принципиальности?

В помещении становится более шумно, я вижу, как заходит ещё несколько одногруппников. Многие из них смотрят в мою сторону с не понятным мне удивлением.

— Смысл в том, что я тебе уже сотню раз сказала отстать от меня. Что ты носишься за мной, как собачка! Ещё хвостом вилять начни!

— Ай! — кривлюсь, словно от боли или кислого лимона во рту. — Ну и слова ты подобрала! Прямо неприятно стало. Твоя взяла: отчаливаю!

— Ура! — слышу себе в спину, когда иду на своё место, где уже сидит Рыжков.

Староста, поправляет на носу очки в чёрной оправе, приподняв вместе с тем свои брови. Он тоже смотрит на приближающегося меня удивлённо и даже с долей скепсиса. Усаживаюсь рядом, протягиваю руку. Даня пожимает её в ответ.

— Не фортануло? — спрашивает.

— Вроде того. Странная она у вас.

— Ты подкатить что-ли пытался?

— Не сказал бы. Просто бесит игнором своим.

— Так забей тогда, говорил же.

— Что с ней не так?

— Я не болтун особо, — пожимает плечами. — Да и не знаю многого. Титул главного сплетника не я ношу.

— Не Ермолин случайно с титулом таким? — спрашиваю, бросая взгляд в толпу у доски, где громче всех как раз Кирилл вещает.

— И как ты догадался? — посмеивается Даня.

— Я хоть и новенький, но не мог не заметить, что рот у этого парня, как люки во дворах нашего города.

— Не закрывается, — с усмешкой кивает староста. — Ты с ним осторожней будь. Много не выбалтывай, а то всё автоматом в голову Ермолина архивом записывается.

— Да, я это уже понял, когда он вчера начал мне рассказывать какие сексуальные фантазии в голове у Алины Ивановой.

— Вот, а о них тем более не рассказывай, — предостерегает меня староста. — А то не то что к Крыловой, вообще ни к кому подкатить после не сможешь. Кирилл в таких красках всё преподнесёт, что не отмоешься.

— И не собирался.

— Подкатывать? — Даня изгибает бровь, бросая при этом взгляд на стайку девчонок сбоку от нас.

— Делиться своими сексуальными фантазиями с Ермолиным. Странная затея — не находишь?

— И правда.

Вскоре начинается пара, и мы все дружно хватаемся за наши ручки и тетради, так как пришло время записывать лекцию под шустрюю диктовку преподавателя. То и дело поглядываю на Одарию с сидящей рядом Мартыной, и думаю: не бывает ведь такого, чтобы такая эффектная внешность оставалась неостребованной. У Крыловой слегка припухлые губы, выразительные глаза, тонкий нос, длинные блестящие волосы, стильная одежда, гордая осанка... Список достоинств можно перечислять бесконечно, но всё это не имеет значения. Девушка ведь на полном серьёзе не желает общаться с теми, кто учится вместе с ней в одной группе.

Просто потому что не хочет? Какой-то особый подвид человека, который не нуждается в социальных контактах? Она всех ненавидит? Боится?

Я перевожу взгляд на впереди сидящего Кирилла. Лекцию он не записывает, а лишь болтает в пальцах ручкой, изображая бурную деятельность. А сам в телефон косит и пальцем другой руки тычет по экрану. Может, этот болтун сможет дать ответ на мой вопрос? Уж он-то всё, похоже, знает.

Таки решено! Во время перемены прилипаю к Ермолину:

— Ты в буфет идёшь? — ловлю его у выхода из аудитории.

— Иду, — кивает, забрасывая свою сумку через плечо.

— Пошли, разговор есть.

— Ну, пошли, — парень выглядит заинтригованным.

Вместе мы приходим в буфет и встаём в ещё пока немногочисленную очередь. Кирилл берёт себе винегрет и яблоко, я ограничиваюсь колой.

— Рассказывай, уголёк, — заговорил Кирилл, когда мы усаживаемся за небольшой круглый стол со своим перекусом. — Ничего, что угольком называю?

— Лучше по имени, — отвечаю.

Знаю я, к чему такие прозвища ведут: несерьёзное и милое «уголёк» спровоцирует легкомысленное отношение ко мне. А я новенький, и допускать такое мне никак нельзя.

— Ладно, понял, — басит «медведь», как мысленно я его называю.

— Я новый человек тут, — начинаю, — и много не знаю. За эти три дня заметил, что в нашей группе есть одна странная персона... Которая ни с кем практически не общается, и никто не общается с ней. Она почти, как невидимка. Я бы подумал, что она забитая скромняша, но, исходя из наших с ней немногочисленных разговоров, что-то сомневаюсь в

этой теории... Что с ней не так, Кир?

— Скромняша? — усмехается, откусывая следом едва ли не половину своего яблока.

Я жду пока он прожует фрукт. Спустя секунды Ермолин продолжает:

— Одаря не скромняша. Только новичок такое и мог о ней подумать! Ха! Мне даже смешно. Ты видел сколько дерзости в её глазах?

— Видел. На язык тоже ничего.

— Про язык не знаю точно, — Кирилл принимает деловитую позу, как если был адвокатом, консультирующим своего клиента. — Но её бывший у неё на поводке был. Крылова всё время смеялась и грозила, что если Ванёк хотя бы просто посмотрит налево, то та сразу его отстрапонит в наказание.

— Вот как... — удивляюсь.

— А то! Реально думал, что она зубрилка и библиотечная мышка?

— Ну, примерно так...

— Наивный, — тычет пальцем в воздух в моём направлении.

— А кто её бывший?

— Парень со второго курса. Они разбежались год назад примерно. С тех пор Рия и ушла в себя. Говорит, не трогайте, не приставайте. Мы и отстали.

— Из-за парня? Не пятнадцать же лет... Реагировать так на расставание.

— Я слышал, — Кирилл загадочно понижает голос почти до шёпота, — что в семье кто-то умер у неё. Не знаю, правда, кто.

— Кто-то из родителей? — мне даже не по себе становится, когда задаю этот вопрос.

— Не знаю, Артём. Но с Ваньком она после и разошлась. И перестала быть весёлой задирой. А раньше, как помню, зайдёшь в аудиторию, а там Крылова то над Алинкой издевается за мозги блондинки, то на доске половые органы рисует, то старосте косы плетёт с его кудрей...

— Неожиданно, — натурально округляю глаза.

— А то! Ты новенький, наивный ещё. Обращайся, если что!

— Обязательно.

Я, конечно, подозревал, что Одаря не тихоня, но чтобы настолько... Испытал ли я отторжение после такой информации? О, нет. Скорее наоборот: заинтересовался ещё больше. Похоже, игра под названием «Когда же мы познакомимся, наконец?» обещает быть весёлой.

Одаряя

Суббота для меня всегда особенный день. А сегодня ещё более особенный, так как это первый день недели, когда я не увижу ухмыляющейся морды Угольников. В прошлые два дня он не пытался вновь «познакомиться со мной», но его взгляды продолжали преследовать, прожигая во мне дыры.

Я снова вхожу в стены главного учебного корпуса, но на этот раз не в качестве студента. Сегодня я библиотекарь. Студенческая библиотека работает ежедневно, и в выходные дни радостно принимает желающих подработать. Конечно, я желала. Теперь все выходные я имею полный доступ ко всем имеющимся книгам, которых слишком много для того, чтобы я могла довольствоваться лишь пятью или шестью экземплярами в будние дни.

К тому же график работы для меня достаточно комфортный: с девяти утра до шести вечера. И зубрил, желающих позаниматься в выходные не так уж и много. Бывают такие дни, когда всего человек пять придёт посидеть за компьютером. Чаще всего это либо пугливые первокурсники, либо учащиеся четвёртого курса с квадратной головой от мыслей о дипломной работе. Вторые как раз и любят часами здесь сидеть.

Я сижу на работе уже час, обед ещё совсем не скоро. Зря не позавтракала — теперь жалею об этом. Смотрю на кудрявую голову первокурсницы, что бродит между стеллажами книг и думаю: «Вот зачем тебе это, девочка?». Большинство студентов взятые книги так и не читает в итоге. Ну, мне так кажется.

Дверь библиотеки отворяется, и я готовлюсь встречать второго посетителя за утро. Только вот оказалось, что это не просто очередной нуждающийся в новых знаниях.

Артём Угольников. Она удивлённо задирает свои густые брови и следует к стойке библиотекаря, то есть — ко мне.

— Серьёзно? Ты ещё и работаешь здесь? — он так поражён, что даже нагло улыбнуться забывает.

— Да какого чёрта... — бормочу себе под нос.

— Вот и я думаю: какого чёрта ты здесь торчишь в субботу? — с насмешливым прищуром глаз склоняет голову набок.

— Работаю. Не отвлекай меня, иди занимайся своими делами.

— Отвлекать от чего? Посетителей полтора человека, — усмехается.

— Половинкой ты себя считаешь?

— Ты своими глазами-бритвами уже половину меня отсекла за эту неделю.

— Отсеку ещё одну, если не уйдёшь.

— Ты выгоняешь меня из библиотеки? — уже откровенно потешается, намеренно повышая голос.

— Нет, я выгоняю тебя в рабочую зону или к стеллажам с книгами — куда ты собирался?

— Ох, и забавный же поворот событий... — рассуждает парень сам с собой, но послушно следует за один из столов с компьютерами.

— Это ты забавный. В плохом, конечно, смысле, — шепчу сама себе, наблюдая за тем, как Артём включает компьютер и вынимает флэшку из кармана джинс.

Он сидит так достаточно продолжительное время. На моё удивление парень

действительно занят чем-то. Я понимаю это по его сосредоточенному лицу. Угольников смотрит в монитор, щёлкает мышью, а в мою сторону даже голову ни разу не повернёт.

У меня есть прекрасная возможность наблюдать за ним и оставаться при этом незамеченной. Стоп. Я не наблюдаю за ним! Я лишь слежу за порядком на своём рабочем месте. Мало ли что может выкинуть этот клоун. Это сейчас он включает принтер и распечатывает себе листы с неизвестным мне содержимым. А потом что? Возьмёт да и по телефону громко болтать начнёт, по клавиатуре стучать слишком сильно или вообще включит себе сомнительное видео для просмотра, чтобы лишний раз взбесить меня.

Теперь Артём печатает одиночный лист, а затем складывает его надвое и что-то там мастерит руками. Сразу угрожающе щурю глаза, хотя парень на меня не смотрит. Использование бумаги для печати впустую? Мне всё равно, что он купил абонемент на пользование дополнительными библиотечными услугами. Просто это не место для создания поделок в стиле оригами!

Словно почувствовав моё негодование, Угольников начинает завершать свою работу: убирает готовые распечатки в рюкзак, извлекает флэшку, выключает компьютер. Я в это время как раз заношу в базу книги кудрявой первокурсницы, что стоит возле моей стойки и задумчиво тербит пуговицу кардигана.

Девчонка вскоре уходит, на её место является Артём. Мы обмениваемся взглядами: он насмешливым, а я равнодушным. По крайней мере, мне хочется, чтобы он таким был.

— Это тебе, — улыбающийся парень протягивает мне самодельный бумажный конверт, и я понимаю, что он только что мастерил именно его.

— Очередной дибиллизм? — ворчу, но открываю конверт.

Внутри такое же бумажное сердечко с рваными краями и рукописным текстом:

«Четырнадцатое февраля давно позади, но это слишком несправедливо по отношению ко мне. Ведь я не застал его, будучи студентом-очником, а подарить валентинку очень хочется. Так, я решил: может, не надо ущемлять свои права на признание, и просто сделать это?»

Дорогая Одария (тебя же так зовут?), ты просто потрясающая! Признаюсь тебе в своём искреннем желании познать каково это — оказаться в тебе! Целую во все губки, Артём».

— А силёнок хватит, шутник? — сминая «валентинку» в кулаке. — Думаю, ты уже всю свою энергию в шутки сублимировал!

— А я думаю, что ещё не всю, — с вызовом задирает голову.

Ну, мы ещё посмотрим, кто из нас наглей.

— Решил, что самый дерзкий здесь? — выхожу из-за стойки библиотекаря, что до сих пор разделяла нас, и становлюсь прямо напротив Артёма.

— О, да, Рия, — тянет, разбивая моё имя по слогам, сопровождая всё это безобразие своей дурацкой ухмылкой, — я такой!

На всякий случай осматриваю пространство библиотеки, чтобы лишний раз убедиться, что кроме нас двоих здесь никого нет. Позволяю себе не менее вызывающую улыбку и резким выпадом вцепляюсь рукой прямо в самое сосредоточие мужского эго — в область ширинки его джинс.

— Познакомиться хотел? — слегка сжимаю пальцы, удерживая захват.

Карие глаза Угольникова расширились от немого удивления. Я впервые вижу, как он

потерял дар речи, не имея более вдохновения для новой колкости в мой адрес. Бедняга так растерялся, что не может пошевелиться, сделать что-нибудь в ответ. Вот и превратился Артёмка в едва ли не испуганно моргающего обычного парня, способного на смущение. Он смущён? Какое же это приятное наблюдение!

— Вообще, я пошутил... — отмер он, наконец, — но если ты настаиваешь...

— Я настаиваю на том, чтобы ты сейчас же покинул библиотеку, — убираю руку и возвращаюсь на своё рабочее место, демонстративно усаживаясь в кресло и накрывая рукой теперь уже компьютерную мышь.

Принимаюсь работать с библиотечной базой должников, намеренно игнорируя присутствие одногруппника. А тот стоит и молчит. Через минуту фыркает и тихо уходит.

Наконец-то! Смотрю на свою правую руку, вспоминая недавнее ощущение грубой ткани и мягкой выпуклости под ней. Давно забытое ощущение чего-то дразнящего, щекотного внутри.

Мимолётное ощущение разбивается о внезапно громкую вибрацию моего мобильного. Отец.

— Привет, пап, — отвечаю.

— Привет, дочь. Хотел спросить... куда ты переложила аптечку?

— На самую верхнюю полку переложила. Зачем тебе аптечка?

— Не мне. Матери. Она палец порезала — надо обработать и перебинтовать... — его голос звучит отрешённо и устало, как и все последние месяцы.

— О бутылку порезала? — спрашиваю более зло, чем собиралась.

— Не знаю я, — почти раздражённо. — Просто порезала. Ладно, спасибо, что подсказала, а то я обыскался... смысла, — закончил он своё предложение неожиданным образом.

— Смысла? — переспрашиваю.

— Это я о работе ворчу, дочь. Как ты? Работаешь всё ещё в библиотеке?

— Да. Всё в порядке.

— Я рад.

— И я рада. Мне здесь нравится.

Так рада, что выть иногда хочется. Я вот тоже обыскалась, и никак найти не могу... смысла? Эта чёртова записка в книге с синей обложкой вообще существует? Не является ли Евгения с её странным письмом плодом моего воображения?

Оглядываю пространство библиотеки. Сегодня снова предстоит много работы в поисках несчастного клочка бумажки. Ведь именно в выходные дни я имею полный доступ к стеллажам и кучу времени на то, чтобы бродить между ними.

Артём

Тихоня? Беру свои слова назад. Я вспоминаю слова Ермолина об Одари, о её руке на своей ширинке и о самом настоящем вызове, светящимся в глазах девушки в тот момент. Тихоня? Тогда я гимнаст, выполняющий трюки на крыше мчащегося скоростного поезда!

Если бы она не убрала вовремя руку, то могла бы заметить насколько равнодушным меня оставила эта ситуация в библиотеке. В библиотеке! Я буквально только что, почти наверняка, испытал на себе чью-то сексуальную фантазию. О таком Кириллу рассказывал кто-то?

Выхожу из корпуса и пересекаю внутренний двор, огороженный низким заборчиком. Снова солнечно, сухо, и уже пробивается едва заметная мелкая травка.

Достаю из кармана ключи от машины, вынуждая на секунды натянуться ткань джинс. Чёртово давление — хоть в туалет иди уединяйся. Усмехаюсь сам себе. Мало того, что весна, так ещё и Крылова вытворяет всякое. Но я вполне не против...

Но вот что на счёт Одари? Реально оставить её в покое? «Погоди-ка, а чего ты в самом деле пристал к ней?», — обратился ко мне мой внутренний собеседник.

Я усаживаюсь в духоту машины, опускаю стёкла, чтобы пустить свежий весенний воздух.

И вовсе не пристал. Могу хоть с понедельника просто взять и перестать тратить на девушку своё время. Всё равно, видимо, ничего мне от неё не перепадёт. Ну, подумаешь, красивая! Много таких...

Я продолжаю смаковать в памяти ощущение тонких пальчиков Крыловой, лениво ведя машину по городу, но в поток моих фантазий так некстати (а, может, оно и к лучшему?) врывается мелодия входящего звонка. Нажимаю на зелёный логотип и ставлю громкую связь.

— Привет, Кирюх, — отвечаю одnogруппнику.

— Артёмка, будь здоров! Предложение есть!

Сегодня суббота. Впереди воскресенье. Я новенький, а Ермолин любит быть в курсе всего. Как вывод: он пригласит меня выпить.

— Слушаю, — говорю.

— Ты свободен сегодня вечером? Надо бы в компанию вливаться тебе, пройти алкокрещение!

— Звучит заманчиво, — весело усмехаюсь, не смотря на красный свет светофора.

На самом деле я даже ждал его звонка. Староста меня предупредил о том, что Ермолин захочет напоить меня. Кирилл этот трюк уже почти со всеми в группе проделал, кроме, разве что, девчонок типа Маши Мартыновой. Даже Крылова было опоена Кириллом будучи ещё первокурсницей.

— Пьяный человек очень словоохотлив, — говорил мне Даня Рыжков. — Так что будь готов: Ермолин тебя в бар позовёт или на квартиру с друзьями сплетни собирать. Хобби у парня такое.

— Чем бы дитя не тешилось...

— Но выпить всё равно придётся. Ты как к алкоголю, кстати, относишься?

— За компанию могу.

— Вот и смоги, если хочешь в коллектив влиться. Я тоже скорее всего присоединюсь. Только за языком своим следи, если есть что скрывать.

— Помню про язык.

Через полчаса подъезжаю на свою стоянку. Выхожу из машины, впитывая в себя звуки улицы: сигналы светофоров, хлопающие двери подъезда, шуршание шин по асфальту во дворе. В воздухе чувствуется скорое появление первых листьев на деревьях и моё собственное предвкушение предстоящего весёлого вечера.

Едва ли не насвистывая, в порыве хорошего настроения почти спотыкаюсь при виде девушки с чёрным каре на вьющихся волосах. Она стоит спиной, задирая голову на окна моей квартиры, словно понимает, где я живу.

— Ты здесь что делаешь? — спрашиваю, когда подошёл совсем близко.

Девушка оборачивается, и от вида её карих глаз шевельнулось что-то забытое внутри, давно покрытое пылью и уже не нужное.

— Привет, Артём, — мило улыбается.

— Привет, Кристина.

— Я к тебе пришла, нам нам поговорить.

— Тебе надо, а мне нет.

— Не будь таким, — морщится.

— Я тоже тебя просил когда то не быть такой.

— Что было, то было. Я о другом поговорить хочу. Пригласишь? — кивает головой на многоэтажку, где я снимаю квартиру.

— Как ты узнала где я живу?

— Общие друзья подсказали.

— «Друзья», — фыркаю. — Говори здесь. Мне не до гостей.

«Тем более таких», — добавляю мысленно. Она права, говоря «что было, то было», и поэтому соприкоснуться с прошлым у меня нет никакого желания.

— Мне нужно, чтобы ты поговорил со своим отцом. Я из-за него не могу устроиться на работу, меня нигде не принимают, не поясняя причин.

— Он мне не отец.

— Хорошо, как скажешь. Поговори с Константином, Артём.

— Почему бы тебе самой этого не сделать?

— Меня он не слушает, а ты...

— А что я? Тебе он ближе, чем мне.

— Только не начинай...

— Это ты начала, придя сюда. Забуди меня и мой адрес. Говорить ни с тобой, ни с Константином не собираюсь.

Обхожу свою бывшую стороной и направляюсь к подъезду, давая понять, что разговор окончен.

— Артём! — кричит она мне вслед, но я отгораживаюсь, скрываюсь за тяжёлой дверью в молчаливых стенах дома.

Я не видел её три года, и не хотел бы видеть ещё столько же. Стало как-то вдруг неприятно, противно что-ли. Всё хорошее настроение развеялось, как дым. Расслабиться после неожиданной встречи смог только вечером за бокальчиком «северного сияния». Крышесносная вещь...

Я поначалу не понял, что мне подсунули. Спросил: «Это что вообще такое?».

— Это бомба быстрого действия, — со знанием дела ответил Кирилл. — Только я умею твёрдо стоять на ногах после такого коктейля!

— Что в составе?

— Водка и шампанское.

— Звучит как...

— Как будущее жёсткое похмелье, — с каким-то горделивым видом закончил одноклассник.

Что же, видимо этот парень любитель смочить свой болтливый язык. Ещё бы: с таким-то упорством им работать...

Мы сидим в баре: я, Ермолин, Даня, Стёпа-шалун, ещё трое из нашей группы и двое ранее не знакомых мне парней со своими девчонками.

Поначалу всё чинно и благородно: знакомство, обмен рукопожатиями, разговоры о планах на жизнь и марках машин. После неизбежно начался отрыв с матами на весь бар, дружным гоготом над всякой похабщиной, что несёт Стёпа, рассказывая нам байки о том, как позавчера снял себе грузную женщину через сайт знакомств в Интернете...

В какой-то момент все плавно переключаются на разговоры о меркантильных лживых женщинах. Присутствовавшие в компании девчонки бурно отстаивают свою честь, а парни стебуют и доказывают свою правду.

Я слушаю их, посмеиваясь. Меня, откровенно говоря, развезло настолько, что потолок меняется с полом местами и обратно. Уже никуда не рыпаюсь, удерживая свою пятую точку на стуле. Лишь бы не свалиться на пол, честное слово...

— И вообще вы изменщицы лютые! — пьяно вопит Стёпка, тыча пальцем в воздух в направлении девчонок.

— Мы?!

— Не конкретно вы, — успокаивает Даня, хватая Стёпу за предплечье, словно останавливая того от настоящего нападения. — Он просто пьян и несёт чушь!

— Пьяная чушь у Стёпы каждый день, — смеюсь я, забавляясь от картины плавающих в глазах стен и огней бара. — Даже на трезвую голову.

Я едва слышу, что мне отвечают. Вроде, поддержали шутку — я молодец, должно быть. Но битва полов продолжается уже без меня, так как я под действием текущей темы вдруг вспоминаю Крылову с её пальчиками.

Меня накрывает фантазиями о том, а что же ещё она умеет ими делать. Настолько же она горяча, насколько груба в своих высказываниях? О, этот контраст... Не знаю от чего голова больше кругом пошла: от мыслей о ней или выпитого алкоголя.

Беру в руку телефон и печатаю Крыловой сообщение:

— *А эротику тоже любишь читать?*

И хихикаю. Глупо, пьяно, с озорством, на которое способен только человек под действием «северного сияния»...

Одаря

Наступил понедельник. Привычный кофе, сборы на учёбу и поглядывание на часы. Хотя беспокоит меня не возможное опоздание на первую пару, а совсем другая вещь...

«Ты отлично справилась в эти выходные», — пытаюсь успокоить себя. Потому что снова ничего не нашла. Уже которые поиски не привели к нужному мне результату. Этот тот самый случай, когда я безумно расстроена тем, что библиотека в нашем вузе настолько огромна. Сколько ещё времени и нервных клеток я должна убить в её стенах?

Надеюсь, меньше, чем на достижение статуса человека с окончанным высшим образованием.

Погода не прекращает радовать ярким солнцем. Оно слепит мне глаза, пока я сижу в городском автобусе, набитым такими же студентами, как я.

В день похорон Ани тоже было солнечно. Весело чирикали птицы, сидящие на кладбищенских деревьях, лёгкий ветерок гладил шелковистую травку. Всё было в природе нормально, и люди занимались своими прежними делами. Будто и не умер никто. Будто совсем ничего не изменилось.

Только я, родители и, может, пара родственников заметили утрату целого куска жизни. У всего остального мира всё по прежнему.

И я, не смотря на горькое чувство, продолжаю делать привычные вещи. Например, как сейчас, ездить на пары, глядя в окно автобуса на проносящиеся мимо городские улицы. Отец продолжает работать, а мать... Справляется своими силами, как она считает. Но все мы трое так или иначе изменились.

Я поняла это, когда полгода назад была в последний раз у родителей дома. Позвонила заранее, что буду. Дверь мне открыл отец. В квартире стояла тишина, так как оказалось, что мать спит. Я удивилась, ведь дневной сон не в её правилах — тогда я ещё удивлялась.

Родитель налил мне чай, предложил сделать бутерброды.

— Бутерброды? Чем же вы питаетесь? — спросила я тогда.

— Берём доставку, — ответил отец и вышел из кухни, оставив меня на время одну.

Вскоре он вернулся. Отец медленно сел за стол, демонстрируя мне опустошённую бутылку из под вина в своих руках. Он глядел на неё с задумчивым видом, повертев туда-сюда в разные стороны, будто любуясь этикеткой. Вдруг он показался мне очень старым. Старым, безумно уставшим, измученным. Мне стало дурно.

— Почему ты мне её показываешь? — спросила, кивая на бутылку.

— Мы питаемся доставкой, потому что твоя мать увлекается распитием вина со своими подружками.

— Сильно увлекается?

— Не сказал бы, что у неё алкоголизм, но достаточно для того, чтобы я был зол, — в подтверждение своих слов отец недовольно хмурил густые брови.

— Ты говорил с ней об этом?

— Она меня не слышит. Только ругаемся по итогу. Не могла бы ты поговорить с ней?

— Я попробую...

Я попробовала на следующий день, но не знаю насколько это сработало. Мать во время нашего телефонного разговора была абсолютно трезва и вела себя, как обычная здоровая

женщина. Она ужаснулась тому, что я и отец думаю о ней плохо, и обещала впредь быть осторожней при общении со своими подругами.

Однако, то и дело до меня доносится информация, что подружки никуда не делись и никуда не денутся, так как только общение с ними помогает пережить потерю младшей дочери.

Видеть такой настрой тягостно; в родительском доме висит в самом воздухе что-то мрачное, густое. Так я и перестала к ним ездить, созваниваясь теперь лишь по телефону.

Автобус качнуло, когда мы встаём на нужной мне остановке, отвлекая меня от мрачных мыслей. Пора вливаться в студенческий поток и переключиться мыслями на учёбу.

В аудитории практически никого. Только Алина Иванова, сидящая в телефоне, да спящий на аудиторном столе Стёпа. Вынимаю заранее тетрадь с ручкой и кладу на стол, чтобы «застолбить» себе место у окна.

Времени до звонка ещё достаточно, и я решаю, не дожидаясь большой перемены, сразу сходить в библиотеку. Набрасываю на спину неизменно тяжёлый рюкзак и выхожу из аудитории.

Всё, как обычно: обмениваю одни книги на другие, возвращаюсь в аудиторию, выслушиваю от уже пришедшей Мартыновой замечание о прекрасной погоде.

— Да, солнечные дни настали, — киваю Маше, рассеянно глядя в окно.

— В библиотеку на большой перемене пойдёшь?

— Я уже ходила.

— Ри, слушай... — Мартынова тихо касается пальцем моего локтя, чтобы привлечь к себе внимание. — Чтение действительно помогает тебе?

— Что? — поворачиваюсь я к ней, в недоумении приподняв брови.

— Ты уходишь от реальности с помощью чтения? Ты ведь никогда особо не любила книги... — Машка явно чувствует себя неуверенно, впервые поднимая эту тему.

— Ох, ты об этом... — на секунду задумываюсь над ответом. — Да, ты права.

Я киваю, словно подруга попала в самое яблочко. Потому что так проще. Зачем тратить свои силы на объяснения и терпеть последующую жалость в свою сторону, если люди сами могут всё додумать, а мне останется лишь согласно покивать головой.

Пусть думают, что я горюю о сестре. Ни к чему им знать, что последние слова, что я слышала от Ани, были о ненависти ко мне... И горечь моя смена с отчаянием.

К концу учебного дня я вдруг понимаю, что всё это время меня сегодня не беспокоил Угольников. Это ощущение внезапной пустоты неприятно удивило меня. Оказывается, за неделю можно привыкнуть к приставанию новенького настолько, что сегодняшнее его игнорирование смогло неприятно царапнуть меня.

Я даже... расстроилась? Что за чёрт!

Только долго грустить мне не пришлось: уже вечером мне пришли сообщения в «Вконтакте» от Артёма, не смотря на то, что я проигнорировала его субботний вопрос о том, читаю ли я эротику.

— Слушай, тут такая история со мной приключилась! Не знаю, что на меня нашло, но так вышло, что в твоей тетради мои деньги, которые мне сейчас срочно нужны! Сообщи свой адрес, и я подъеду за ними. Ты же вернёшь?

Мне требуется какое-то время, чтобы понять вообще смысл того, что парень мне написал.

— Ты вышел на новый уровень дигитализма? — пишу в ответ.

— Я серьёзно. Проверь тетрадь.

Только одну тетрадь я оставляла сегодня без присмотра, когда уходила утром в библиотеку. Внутри я и в самом деле обнаруживаю красную бумажку в пять тысяч рублей. Меня охватывает злость на идиота, и я уже принимаюсь печатать гневное сообщение, когда от Угольниково приходит:

— Если сил не хватит, то компенсирую плодами своей сублимации, — а далее подмигивающий смайл, что злит меня ещё больше.

— Тебе за твою клоунату ещё и платит кто-то?

— На самом деле да.

— Артём, какого чёрта?

— Скорее беса. Бес попутал.

— Мозги у тебя попутались!

— Так на какой адрес мне подъехать?

— Обойдёшься без денег и адреса. Завтра в вузе верну.

— Но мне срочно нужны!

— Сам виноват, что они у меня оказались.

— Подкатил, блин...

— Подкаты твои мерзкие, Артём. Реально рассчитывал, что в ответ на оскорбление я тебе в объятия кинусь? Я, конечно, сразу поняла, что умом особо не отличаешься, но чтобы настолько? Ты мог бы быть отличным парнем, но зачем, если можно выехать за счёт смазливой мордашки, да? Чем больше ты пристаёшь ко мне, тем больше противен. И помни мои слова про виляющую хвостом собачку, а то ты, кажется, забыл, как выглядишь.

Отправляю гневное сообщение и выхожу из переписки.

И это я расстраивалась сегодняшней тишине с его стороны? Да я только рада буду, если всё оставшееся время учёбы в этом вузе, Угольников продолжит меня игнорировать! Прилипчивая наглая пиявка без малейших признаков какой-либо адекватности. Ничем не лучше Стёпы, Ермолина и прочих ему подобных пустоголовых парней. Жаль, что за внешней красотой, так часто скрывается глупость на грани откровенного хамства.

Ладно, вынужден признать: я переборщил. Если для субботнего сообщения у меня хотя бы было оправдание в виде опьянения и последующего моего аварийного состояния, то вчера ничего не способствовало моему неудачному приколу с пятитысячной купюрой. Это тот случай, когда после собственной шутки, мне не очень то и хочется смеяться.

Чувствую себя теперь дураком. А кому такое приятно? Точно не мне. Обычно девчонки охотно поддерживают общение со мной, им приятно моё внимание. А тут, как об стену горох. Надоедливый такой горох. Не могу сказать, что мненравится такая роль.

Решено: я просто извинюсь перед Крыловой и оставлю её в покое. Очевидно, ничего тут не светит и ловить нечего, как бы мне не хотелось обратного. Пора завязывать с этим баловством — уже сам себе противен, честное слово. Даже объяснить толком не смогу, что на меня нашло. А после очередного сравнения Одарией меня с собачкой и вовсе расхотелось продолжать в том же духе. Реально: чего это я? Как дурак, в самом деле. Сначала думал, она тихоня и просто стесняется, а теперь понимаю, что я необоснованно пристаю к человеку. Какая мне разница что за книги она читает и насколько общительна? Не моё дело и всё тут.

Уже и одноклассники спрашивать начали. То Даня поинтересуется, то Алина. То и дело ловить начал на себе скептические взгляды, как бы говорящие мне: «Даже не пытайся, парень». Уж им-то лучше знать, чем мне. Ведь все эти люди уже третий год учатся бок о бок с Одарией, а я вижу её лишь одну неделю. Одна неделя, а столько эмоций! И любопытно мне, и весело, и влечёт меня, манит коснуться недотроги, чтобы увидеть совсем другое выражение на всегда хмуром лице.

И с кем бы не пытался поговорить, выведать информацию о девушке, все, как один, советовали отстать от Крыловой. Все, кроме одной. Ведь именно вчерашний разговор с Ивановой меня подтолкнул на сомнительное действие.

Я столкнулся с Алиной во дворе учебного корпуса, когда мы оба шли на первую пару. Она окинула меня заинтересованным хитрым взглядом, и я уже было подумал, что далее последует игривый флирт. Не сказать, что я зазнавшийся нарцисс, но лицом я вышел неплох, как говорят некоторые. Однако, Иванова лишь поздоровалась, а после задала неожиданный для меня вопрос:

— Вижу, ты к Крыловой подступиться пытаешься?

Её светлые волосы легко развивались на ветру, и я наблюдал за тонкими прядями, пока обдумывал ответ. Первым порывом было сказать что-то вроде: «Ну, да». Но не совсем же я идиот, чтобы прямо так откровенно и отвечать.

— Да не особо, дразнюсь просто, — нашёлся я, наконец.

— А ты ей деньги предложи. Глядишь и толк будет.

Неужели Одария настолько не тихоня? Кажется, я даже глаза выпучил.

— Ты сейчас серьёзно?

— Я не к тому, что она за деньги даёт, — посмеивалась одноклассница. — А к тому, что такой жест равнодушной её точно не оставит.

— Она меня книгой не побьёт после такого?

— Боишься её? Правильно — бойся, — усмехнулась Иванова.

— Да вы тут все с прибабахом немного. Я вас всех боюсь.

— Посмотрим ещё на тебя. Пока не ясно, что представляешь из себя, но время покажет.

— А что неясного? Нормально же общались, — включил я свой привычный шуточный тон.

— И продолжим, надеюсь, — подмигнула.

А я хотел бы продолжить приставать к Крыловой, но что решено, то решено. Поэтому на следующий день, то есть сегодня, мне предстоит торжественная речь с извинениями и последующее отступление. Стану вести себя, как все остальные: не замечать девушку, заниматься своими делами. Вот я удивлялся почему в этой группе сложилась такая обстановка, а надо было просто слиться сразу с толпой, копируя всеобщее поведение. Не общаются с Крыловой? Не общайся тоже. Всё время шутят над Стёпой? Смейся тоже. Вот и всё. Делов-то... Мимикрия в новых коллективах всегда работает тебе на руку. Просто не задавайся лишними вопросами и делай, как все.

Сегодня она снова с двумя объёмными косами. На ней облегающее, но не вульгарное платье и кеды, которые каким-то странным образом неплохо сочетаются со всем образом. Она вновь выбирает место у окна, а рядом с ней садится Мартынова. Ловлю себя на мимолётном желании оказаться на месте Маши. Она словно некое доверенное лицо, которому дозволено общаться и находиться рядом с непреступной глыбой льда по имени «Одария». Не понимаю, как две такие непохожие девушки находят общий язык в общении друг с другом.

Всю первую пару поглядываю в сторону девушек и обдумываю свои слова. Словно важную речь у себя в голове репетирую... Вот же дожил до чего... Я скажу ей «Привет». Постараюсь без улыбочек, которые её только раздражают. А как вообще улыбнуться так, чтобы выглядеть дружелюбно, а не нахально? Дилемма. «Просто не улыбайся ей и всё», — отвечаю сам себе же.

После приветствия я сразу перейду к извинениям. А после дам обещание больше не приставать. Отличный же план? По-моему, да.

Спустя бесконечно долгих полтора часа звенит звонок, оповещающий об окончании пары. Вторая тоже будет здесь же, но я уверен: сейчас Крылова схватится за рюкзак и помчит в библиотеку, чтобы вновь набрать стопку книг с синей обложкой. Или она всегда чередует цвета? Сегодня синий, завтра зелёный...

Крылова и в самом деле набрасывает на спину рюкзак и, пропуская Машей, покидает ряд аудиторных столов, а затем быстрым шагом направляется к выходу. Кто в буфет, кто на улицу покурить, а она в библиотеку...

Следую за ней по коридору, а спустя минуту нагоняю.

— Привет, — выдыхаю, заглядывая ей в лицо.

Она сразу начинает хмуриться и тяжело вздыхает. Молча спускает одну лямку своего рюкзака, освобождая одно плечо, и суёт руку в его боковой карман.

— Ты, видимо, за этим, — отвечает без тени какой-либо эмоции и протягивает мне только что добытую пятитысячную купюру, о которой я и думать уже забыл.

— Спасибо, — принимаю красную бумажку. — В общем... Заигрался я. Хочу извиниться перед тобой за всё, что было и...

— Извинения приняты, — обрывает она меня. — Это всё, надеюсь?

Мы продолжаем идти по коридору, уворачиваясь от столкновения с другими студентами. На секунду у нас даже руки соприкоснулись, что вызвало во мне странное чувство. Почему я вообще обратил внимание на такую мелочь? Вот же странный.

— Ну, и обещаю, что больше не стану к тебе приставать, — отвечаю. — Живи своей жизнью отшельницы и читай книги про электроэнергетику.

— Спасибо за разрешение, — отвечает с иронией в голосе, но выглядит уже менее злой, чем обычно.

Даже как-то на лицо симпатичней стала...

— Пожалуйста, — пожимаю плечами, а затем останавливаю шаг и провожаю взглядом удаляющуюся хрупкую спину девушки с неизменно огромным и наверняка тяжёлым рюкзаком, что обычно набит книгами.

«Не твоё дело, какой вес у её рюкзака», — одёргиваю себя. Резко разворачиваюсь в противоположную сторону и ухожу. Дело сделано, миссия выполнена и всё такое. Больше никаких неловких, а порой и откровенно странных ситуаций, насмешек на грани оскорбления и вечно недовольного лица Крыловой. Теперь я нормальный член местного общества, чтущий кодекс, в котором есть одно важное правило: «Не обращай внимания на Одарию Крылову».

Но почему внутри какое-то разочарование и даже как-будто бы грусть? Ну и дела творятся этой весной с моей головой.

Одаря

Он извинился. Извинился и просто отвалил. Вау. Ожидала чего угодно от Угольниковова сегодня, но только не этого. При этом, судя по выражению на его лице, это была даже не шутка, а серьёзное намерение оставить меня в покое. «Живи своей жизнью отшельницы и читай книги про электроэнергетику» — звучит, как прощальное благословение.

И ни единого слова больше не было сегодня, ни единого взгляда в мою сторону. Что за чудеса такие? Вроде, я чувствую облегчение. Или... Нет. Точно: облегчение.

— Ри, мне сегодня нужна твоя помощь, — Прерывает мои мысли голос Маши.

Подруга всю перемену перед предстоящей последней парой привычно сидит по правую от меня сторону, но говорит совершенно неожиданные и непривычные вещи. Помощь? Моя? Давненько я ничего такого от Мартыновой не слышала. Да и вообще от кого-либо, кроме отца.

— Помощь? — не скрываю своего удивления.

— У меня свидание в субботу, — слегка краснеет она. — Ничего не смыслю в подходящих для такого мероприятия образах.

— А я смыслю? — усмехаюсь.

Сама-то на свиданиях уже сто лет не была. Когда это было в последний раз? Мне не вспомнить даже само знакомство со своим бывшим, Ваней, а уж что говорить об остальном... Как-то всё резко отошло на второй план год назад и стало не актуальным, незначительным.

— Ты всегда выглядишь эффектно, не смотря на свой отшельнический образ жизни, — отвечает Мартынова.

— В том-то и дело, что я отшельница и всё такое. А ты меня вдруг вытащить куда-то захотела.

— А что ты удивляешься? Я, в отличие от других, сижу рядом с тобой за одним столом и говорю о погоде.

— И правда, — я вдруг посмотрела сейчас на Машу совсем иными глазами.

Её пустые разговоры о погоде были вовсе не о климатических особенностях каждого конкретного дня, если так подумать. Они о нашей с ней дружбе. Я же сама закрылась в себе и не желала более поддерживать прежние контакты и темы для бесед. Всем было легче махнуть на меня рукой и сказать «Ну, она в нас не нуждается. Мы просто оставили её в покое, чтобы она смогла побыть одна в своём горе». И я вовсе не жалею, ведь мне и самой так было проще, и я сама просила всех об этом. В один не очень прекрасный момент просто стало плевать на всех, так как прежнее желание веселиться пропало напрочь.

Но Мартынова не последовала примеру остальных одноклассников и продолжала упрямо садиться рядом со мной на каждую пару и терпеть моё молчание. Первое время я бедняжку просто игнорировала, в тайне надеясь, что она сдастся и отсядет от меня куда подальше. Как все.

А Маша каким-то образом находила в себе терпение и ту редкую дружескую преданность, при которой общение сохраняется не смотря ни на что. И вот, в конечном итоге, спустя недели моего молчания, мы плавно перешли на разговоры о погоде, а теперь уже и...

— Твоему вкусу я доверяю, — продолжает подруга тем временем. — И тебе тоже.

— Маш, ты сейчас, конечно, по грани ходишь. Осторожно.

— По какой грани?

— Не становись излишне милой, а то мне неловко даже, — иронично усмехаюсь.

— Я всегда была милой, если забыла, — неуверенная улыбка появляется на невинном по-доброму открытом лице.

Подруга не часто делает себе какие-либо комплименты, и это ещё один момент в нашем с ней разговоре, который кажется мне необычным. Может, я что-то упустила за последние месяцы и не заметила, что Машка-то другая стала?

— Да, это правда, — киваю. — Даже странно, что мы подружились.

Мартынова пожимает плечами. Я бы тоже пожаловалась своими, но вспоминаю то чувство умиления на первом курсе обучения по отношению к этой скромнице, которая не может найти контакт с новыми людьми и её пугливый взгляд в ответ на мои шутки. Ну, как тут было не взять девчонку под своё крыло?

Навеяли ли на меня эти воспоминания или повлияли мысли об изменениях в личности, произошедших с подругой, но я согласилась пойти с ней в самый популярный торговый центр нашего города за подходящим для предстоящего свидания платьем.

С ума сойти, Машка идёт на свидание! Ещё одна неожиданность... Как долго я спала?

— Это первое твоё свидание, или ты уже меня обскакала по их количеству пока я отшельничаю? — интересуюсь у Мартыновой, когда мы ходим между рядами вечерних и более лёгких платьев.

— Первое, конечно.

— «Конечно»! — усмехаюсь.

Вот это уже больше похоже на мою подругу скромницу!

— Я, может, вообще струшу и передумаю... — бормочет она, хмуря брови при виде слишком откровенных разрезов и глубоких декольте.

— Даже и не думай! Сколько тебе уже? Двадцать? Надо идти!

Та в ответ что-то пыхтит, но я отвлекаюсь на вибрацию оповещения на своём мобильном телефоне. Сердце ёкнуло от мысли, что это снова какое-нибудь идиотское сообщение от Угольникова. Рука сразу тянется в карман ветровки и извлекает гаджет со светящимся экраном, на котором... Оповещение о низком заряде батареи.

— Тебе тоже двадцать, а ты впервые за год куда-то выбралась кроме вуза, — врывается сквозь паутинку разочарования голос Маши.

— Я хотя бы успела развлечься и попробовать свою молодость на вкус, в отличие от тебя, — отвечаю более зло, чем планировала.

Какого чёрта я сейчас лезу в «Вконтакте» проверить точно ли там нет новых сообщений?! Как меня это злит. Сама же хотела, чтобы Артём исчез из поля моего зрения!

— Я тоже пытаюсь! — оскорбилась подруга. — Как тебе это платье? — говорит уже спокойней и дёргает рукав одного из самых невзрачных и скучных нарядов, что здесь есть.

— Дерьмо полное.

И какого чёрта я сейчас здесь торчу! Убираю мобильник обратно в карман и раздражённо обвожу взглядом окружающее пространство магазина. Яркий свет, дурацкая музыка, всякие фифы, парящие между рядами одежды и фальшивые улыбки консультантов. Всё дерьмо. И платье и магазин.

— А что не дерьмо? — по лицу Мартыновой вижу, что она тоже начинает заражаться моим дурным настроением.

— Например... — тяну, перебирая руками те платья, которые и по цвету и по фасону подошли бы, на мой взгляд, гораздо лучше. — Вот это.

Голубое, нежное. Без лишней пошлости и праздничности.

— Голубое? — тянет подруга неуверенно.

— А что не так с голубым?

— Я привыкла к более тёмным и спокойным цветам...

— Попробуй что-то новое. Более светлое и жизнерадостное. Вдруг понравится?

— Только если и ты попробуешь, — сказала так серьёзно и посмотрела на меня с таким выражением на лице, что я сразу понимаю: речь не о платье.

В ответ лишь хмыкаю, не готовая к подобным выпадам Мартыновой. Что-то я сегодня совсем не гранитная скала, а какая-то глиняная шатающаяся пирамидка, вылепленная детскими ручками.

Хватаю голубое платье и тащу подругу к примерочным, чтобы у неё и секунды не оставалось на то, чтобы передумать. Я и правда хочу увидеть этот наряд на ней.

Задёрнутая шторка примерочной кабинки, шорох сменяемой одежды за ней, а я вновь тянусь за телефоном, словно пользуясь моментом, пока Маша меня не видит.

Стильное фото в профиле Угольникова, которое я скоро смогу видеть даже с закрытыми глазами. Минимум информации о себе в анкете, пятьдесят три друга и отсутствие каких-либо записей или репостов.

Он был «онлайн» полчаса назад. Он был «онлайн» несколько раз за день. Чёрт. Я просто хочу забыть всё это, как страшный сон, и перестать следить за этим придурком. Просто ненавижу себя сейчас за это равнодушие.

Артём

Уже среда, а я только сегодня узнаю о том, что Ермолин после нашей пьянки теперь имеет на меня некий компромат. Как говорит он сам... Я же, увы, понятия не имею о чём вообще речь. Вот так озадачил посреди учебного дня...

Думал просто пообедать сейчас в буфете с парнями, затем спокойно отсижу последние две пары и домой поеду. Ну, пару взглядов, может, ещё в сторону Крыловой брошу — чисто по привычке. А вот нет: «спокойно» уже не актуально. Спокойствие моё, видимо, решили нарушить. Смотрю на этого ухмыляющегося медведя, что сидит за накрытым нашей едой столом напротив меня и спрашиваю:

— Мы пили в субботу, а ты только сейчас мне говоришь, что есть нечто такое, что может посрамить мою честь? — ещё пока смеюсь, не придавая особого значения словам Кирилла.

Может, он вообще шутит и проверяет меня сейчас на реакцию? Будто подыгрывая моим мыслям, где-то за соседним столом раздаётся весёлый гогот. Перваки...

— А у меня настроение сегодня особенно хорошее, — отвечает с широкой улыбкой Ермолин, намешивая вилкой в своём контейнере «Цезарь» с соусом.

Вскоре к нам присоединятся и другие парни, что стоят сейчас в буфетной очереди, и я спешу уточнить:

— Ну, рассказывай, — говорю, разминая и вилкой и свой салат тоже, — что за компромат такой. Что я натворил?

— Совсем ничего не помнишь? — довольно щурится одноклассник с таким озорством на лице, что я начинаю всё же напрягаться.

Что я мог натворить? Вроде, тихо мирно сидел, никого не трогал. Вообще к дракам не склонен, сколько бы не опрокинул в себя алкоголя. Ссор тоже никаких не припомню, а значит и оскорбить никого не должен был. К девчонкам чужим вряд ли приставал — остался бы побитым тогда. Но я цел и невредим, да и претензий ни от кого до сих пор не получал. Может, наболтал всё-таки чего-то лишнего о себе? Вот тут я не могу быть уверенным в том, что не было такого.

— Разве что наболтать чего мог... — тяну задумчиво.

— А ты и наболтал! — едва ли не руки потирает от удовольствия.

Чувствует гад, что на коне сейчас. На крючок меня ловит, блин.

— И что я там наболтал?

— А я вот просто так тебе не расскажу.

— Тогда зачем разговор вообще начал?

— Чтобы козырем своим подразнить.

— Разве я дорогу тебе где перешёл?

— Да ты не напрягай булки так, бро. Расслабься! — смеётся.

— Это я ещё не напрягся. Выкладывай давай, не юли, — сохраняю общее дружелюбие, но ясно даю понять, что не тьюфяк какой и просто так заминать тему не буду.

— Запись у меня занятая есть, короче, — наклоняется в мою сторону. — Видео. Заснял одно твоё признание...

— Признание в чём?

— А вот просто так не скажу!

— Да ты достал уже, Кирюх! — начинаю раздражаться. — Сказал «А», говори и «Б», а не кокетничай, как баба на первом свидании.

— Ладно, Артёмка. Предлагаю обмен: ты выполняешь моё задание, а я тебе видос показываю.

— Просто так показать не вариант?

— Вообще нет! Если просто покажу, то удалять из своего архива не буду. А если задание выполнишь, то буду считать это выкупом, и видео при тебе же и удалю.

— Так ты его, может, ещё куда скопировать успел.

— Не успел. Честное слово!

Я бы не поверил, но почему-то верю ему сейчас. Он гад, но не крыса. Не похож он всё-таки на представителя семейства грызунов.

— Какое у тебя задание? — сдаюсь.

Не впервой же уже задание Ермолина выполнять... На прошлой неделе пришлось смешить толпу незнакомцев по воле Кирилла, что проиграл тогда спор. Стоял у доски, включил режим «комика», смешил и себя и народ... А теперь что?

— На следующей перемене, когда в аудитории будет достаточно много людей, исполнишь у доски танец электрика!

— Какой танец? — хмурюсь от непонимания того, что от меня вообще требуется.

Это что вообще такое? Лучше бы танец маленьких утят мне предложил танцевать...

— Импровизируй! Время на обдумывание — целая пара! Срыв концерта запрещён!

— Концерта? — усмехаюсь. — Скорее шоу талантов...

Почему я всё время оказываюсь в роли какого-то шута? Думал буду просто сидеть на скучных лекциях, зевая в кулак, а потом сонно и устало ехать домой. Не думал, что на журфаке народ такой весёлый. Или это именно мне с одноклассниками так повезло?

— А то! Я уже и билеты на представление сейчас продавать начну. Так что не подставляй меня, а то худо будет! — на последних словах он смеётся, хотя и видно, что «срыва концерта» он всё же не хочет.

На том и договорились. Долго над танцем я не думал, если честно. Всю пару шептался с Рыжковым, когда препод отвлекался на Стёпу-шалуна, что сыпет сегодня уточняющими вопросами. Препод только слово скажет, а Стёпа уже руку тянет со словами: «А могу я уточнить...». Мне кажется, это какой-то стёб с его стороны. Понимаю это по тихим смешкам, что раздаются в аудитории.

Сам препод хмурый, недовольный жизнью, да ещё и усатый к тому же. Ха! И реагирует на вопросы студентов смешно. Как только видит поднятую руку, у бедняги сразу усы начинают шевелиться от недовольства, а брови нервно дёргаться.

Староста тем временем шёпотом продолжает посвящать меня в разные тонкости студенческой жизни, а я успел подружиться с ним настолько, что выбил обещание однажды отметить меня присутствующим, если на деле буду отсутствовать. Так что никакой предстоящий «танец электрика» теперь не испортит мне настроение.

А перемена всё ближе и ближе. Смотрю на экран телефона и понимаю, что остаётся всего полчаса до звонка. Я долго держался, но, наконец, не выдерживаю и впервые за сегодняшний день бросаю взгляд в сторону Крыловой с Мартыновой. Сидят у окна, как два воробушка на ветке дерева. Я вижу только их спины, но и этого мне достаточно, чтобы

получить какое-то странное удовольствие и одновременно зудящее чувство раздражения.

Маша всегда здороваётся со мной, никогда никого не игнорирует. Эта же... Одаряя, блин... Да ну её.

Будет ли она в аудитории в тот момент, когда я буду устраивать тут странные танцы? Посмотрит ли на меня или продолжит делать вид, что меня и всех остальных не существует? Только ради ответа на эти вопросы я уже готов сейчас же выскочить к доске и начать дрыгаться, изображая электрика...

Да что толку? Плевать ей на всё и всех. И мне на неё плевать! Просто станцюю повеселюсь вместе со всеми, а на Крылову даже смотреть не буду.

Одни минуты сменяют другие и вот уже звенит звонок на перемену. Все дружно хватаются за свои сумки, чтобы пойти в другую аудиторию, где будет проходить следующая пара. Ермолин хитренько подмигивает мне, и я понимаю, что сразу, как только мы все войдём в новое помещение, настанет мой звёздный час. Пока все ещё не разбегутся, а впереди целая перемена...

— Чего это он? — спрашивает меня Даня, видя немой диалог между мной и Кириллом.

— Скоро поймёшь, — усмехаюсь недоумевающему старосте.

Мы всей группой идём по шумному коридору, минуем лестницу на второй этаж и пересекаем ещё один коридор, пока не оказываемся перед нужными дверями.

Все рассаживаются по местам, достают нужные тетради, а я бросаю сумку на аудиторный стол и сразу следую к доске. Стою, уперев руки в бока, осматриваю всех и едва сдерживаю смех. Чёрт, это реально ведь смешно.

На меня начинают поглядывать, а кто-то даже улыбается при виде моего едва сдерживаемого веселья. Они ещё ничего не понимают, но им уже интересно. То ли ещё будет, ребята...

— Проходите, показывайте билетики, — приговаривает Ермолин у входа, на полном серьёзе встречая, как самый настоящий клубный вышибала, студентов из параллельной группы.

Да он ведь не шутил! Новые зрители хихикают, поглядывая на меня, и выстраиваются вдоль стены. Чьи-то лица я даже узнаю — видел их ещё на прошлой своей минуте славы. Мои же одноклассники при виде такой картины непонимающе озираются по сторонам, но тоже начинают хихикать, хотя ещё не понимают, что тут вообще творится. Но, думаю, тут все уже привыкли к чему-то странному. Это только я ещё удивляюсь, а они-то уже третий год учатся в этих стенах...

— Чую, что-то будет! — слышу голос Стёпы-шалуна.

Расходиться на перемену уже никто не планирует. Все смотрят меня и ждут. Что же... Пора. Импровизация и истинное веселье — вот спонсор моего танца.

— Дамы и господа! — объявляю громко, — представляю вашему вниманию танец электрика!

Нахожу глазами розетку, выставляю вперёд два пальца и да начнётся шоу! Изображаю удар током, а затем дёргаюсь в максимально нелепых движениях, какие только могу придумать и изобразить. Всё быстрее и активней, распаясь от раздающихся в миг аплодисментов и всеобщего хохота. Слышу даже одобрителный свист и подбадривания в стиле «Давай, жги!».

Я и сам уже смеюсь, не прекращая танец, едва сдерживаясь, чтобы просто не начать хохотать в голос, утирая выступившие на глазах слёзы. Я прыгаю уже по всей «сцене» от

двери и до самого окна у противоположной стены, когда что-то находит на меня совсем неадекватное, и я бросаю взгляд в сторону Одарии... которая смотрит на меня. Удивлённая, но с раздражающе хмурыми бровями. Да чтоб тебя! Опять чем-то недовольна!

Злость сыграла со мной злую шутку, и я, не раздумывая и не прекращая свой танец, отправляю Крыловой воздушный поцелуй.

И какой чёрт меня сейчас дёрнул это сделать?..

Одаря

Мне кажется, я нахожусь в каком-то зоопарке, а не в высшем учебном заведении. Все эти люди, что находятся со мной в одной аудитории, точно третьекурсники? Просто хочется схватиться за голову, перекреститься, а затем снова схватиться за голову и просто покинуть помещение. А ещё лучше пойти в деканат и подать документы на самовольное отчисление. Потому что дурдом.

Шум, гам, дёргающийся в конвульсиях Угольников и этот дурацкий воздушный поцелуй, вызвавший новую волну зрительских аплодисментов. «Вы придурки все?», — хочется спросить. Мне это не снится. Они реально все сошли с ума. Весна, гормоны... гены клоуна. У них у всех явно повреждена какая-то хромосома. Особенно у Артёма. Взрослый парень, а ведёт себя как...

Я не знаю когда представление закончится, но явно не в текущую минуту, так как на «сцене», кто бы сомневался, сразу возникает Стёпа-шалун. Он всегда вписывается во всякие странные движения. Вот и сейчас «танец электрика» становится парным. Теперь эти двое дёргаются вместе и вызывают новую волну едва ли уже не истерического гогота. Реально зоопарк.

— Вот гиены, — не сдерживаясь, бормочу себе под нос.

— У тебя голова ещё не болит? — поворачивается ко мне Маша.

— Если все продолжат кричать на весь корпус, то точно заболит.

— Я о твоих бровях, — улыбается Мартынова. — Ты так сильно хмуришься, что скоро глаз не видно будет, так как лоб опустится на нос.

— Как тебе погода сегодня? Не желаешь о ней поговорить? — недовольно цокаю.

— Хорошая, — пожимает плечами, нисколько не обидевшись на мою реакцию, — тепло и безветренно. Ты более разговорчивая, чем обычно.

— Разве?

— Да. Ты впервые сама спросила меня о погоде. Пусть и саркастично. Ещё неделю назад ты бы просто проигнорировала происходящее у доски, уткнувшись в свой телефон. И на меня бы даже не смотрела.

— Ну надо же... — почему мне вдруг становится неловко за себя?

А ведь я её ещё и о парне хочу спросить. С кем это у неё там свидание вообще намечается? Ради кого она наденет то самое голубое платье, что я выбрала для неё?

Такое странное чувство в последнее время, словно открыла глаза после дневного глубокого сна и ещё не могу понять где нахожусь и что вообще происходит.

— Смотри: всего один совместный поход в магазин, а уже какие изменения, — продолжает Маша.

— Не думаю, что магазин меня так вдохновил. Просто совпадение. Завтра я снова буду молчать.

— Зачем?

И правда. А хочу ли я снова замолчать? Какая-то глупая ситуация и разговор совсем странный. И я странная — может даже больше, чем другие.

Смотрю на кланяющихся друг другу Стёпу и Артёма, завершивших представление, и думаю: «Магазин ли развязал мне язык?».

Все дружной толпой подбегают к танцорам и хлопают их по плечу, словно те не клоунаду сейчас устраивали, а как минимум покорили Эверест. Им всем так весело... Будто никаких проблем не ведают. Ведь я и сама была когда-то такой же, как все они. Весёлой и беспечной. Нагловатой и даже раздражающей. Неужели мне теперь навсегда суждено потерять то самое озорство, при котором просто ведёшь себя, как ребёнок, и ни о чём другом не думаешь? Кажется, я больше не знаю, что такое радость.

Однако, недавно что-то изменилось.

Да, меня бесконечно злит новенький и его смазливая мордашка, но в то же время я не могу перестать думать о нём, смотреть на него и... ждать от него новых идиотских сообщений. Но этот болван мне больше не пишет. Обещал же, что больше не будет приставать — вот и не пристаёт.

Сердце ёкнуло, когда прямо во время танца Угольников губами коснулся своей ладони и дунул «поцелуй» в мою сторону, с какой-то непонятной злостью глядя мне прямо в глаза. Последует ли за этим действием что-то ещё?

«А ты хочешь?», — шепчет внутренний голос не без сарказма и насмешки. Чёрт, да! Хочу! Может... Может, пошло оно всё — это отшельничество? Что если... Что если поддаться влечению и просто приятно провести с Артёмом время? Почему нет-то? Он клоун, каких ещё поискать, а значит безопасен для меня. Влюбиться в самого несерьёзного и поверхностного парня в группе? Слишком глупо. Он при любом раскладе так и останется для меня просто нелепым в своей самоуверенности дураком.

— Зачем? Уже не знаю, — обнаруживаю в своём ответе неожиданную для самой себя честность.

— Уже? — Мартынова вдруг поворачивает голову в сторону Угольникова, а затем снова переводит взгляд на меня.

— Ты сейчас что сделала?

— А что я сделала? — прикидывается ничего непонимающей невинной овечкой.

— Зачем ты сейчас проделала такой маршрут глазами?

— А почему тебя это так задело?

— К чёрту эти разговоры! — начинаю злиться. — Лучше продолжим говорить исключительно только о погоде.

— Да что с тобой?

— А с тобой что? Была мямлей скромной, а теперь к свиданиям готовишься и меня вопросами странными достаёшь!

— Я просто...

Переборщила я. Машка вдруг как-то сникла, сжалась вся, как будто замёрзла. Всё же какой была чувствительной трусишкой, такой и осталась. Зря я на неё так набросилась. Собачий климакс, блин...

— Ладно, пардон, Маш. Не обижайся, — выдыхаю.

— Я и не обижаюсь.

Только голос звучит тускло и неуверенно.

— С кем на свидание идёшь и когда? — пытаюсь вернуть здоровую атмосферу между нами.

— Его Костя зовут, — говорит совсем тихо, озираясь по сторонам, будто боясь, что кто-то услышит. — Мы встретились в приюте для собак. Он тоже волонтер, как и я. Свидание в

пятницу вечером.

— Уже послезавтра?

— Да.

— Нервничаешь?

— Конечно. Это моё первое в жизни свидание.

Ох, бедолага. Мои первые свидания начались ещё когда мне было пятнадцать. Ничего особенного и запоминающегося, если честно. Держались за ручки и фантазировали о безоблачной вечности вместе, как это всегда бывает в подростковые годы. Сначала с одним два месяца гуляла, потом с другим аж целых полгода. И оба были из моей школы и на пару лет меня старше — так было модно. Потом был Иван... Потом было всё, что поделило мою жизнь на «до» и «после».

— Не бойся, — стараюсь успокоить, — ты у нас умница и красавица. Всё будет хорошо.

На последних словах я ловлю себя на том, что смотрю на улыбающегося Артёма, что находится сейчас в центре внимания целой толпы студентов. Они все громко разговаривают, шутят и смеются сами над своими же шутками.

Чем больше я думаю о нём, тем больше во мне крепнет уверенность в правильности моего нового решения. Мы просто повеселимся с ним, без лишней ванили и соплей. По-взрослому, без обязательств. Давненько у меня ничего не было... Вот поэтому и веду себя неадекватно, видимо.

«Будь проще, Ри! Даже Мартынова уже на свиданки бегают, а ты всё в пыльных книгах задыхаешься», — мысленно говорю сама с собой. Книги, книги, книги... Пустые и бесполезные. Ни в одной из них нет того, что я ищу. Успокоения.

И в Угольникове не найду, но, надеюсь, он хотя бы хорош в сексе и поможет мне хоть немного отвлечься. Должна же быть хоть какая-то польза с пустоголового красавчика?

— А у тебя когда всё будет хорошо? — спрашивает Маша, возвращая меня в наш разговор.

— Наверное, уже никогда.

— Зачем ты так...

— Расслабься, — усмехаюсь, — шучу я. Думаю, скоро и у меня всё будет хорошо.

Мне будто даже стало легче от произнесённых слов. Словно сама в них поверила, дурёха. Да и не в моих правилах жаловаться вообще-то. Жалость мне точно не нужна. Всё, что мне сейчас нужно — заняться чем-нибудь помимо поиска заветной книги, пока я окончательно и бесповоротно не похоронила себя в библиотечных стенах.

Артём

Вчера я нарушил новое правило, которое сам же и придумал. Правило, согласно которому я больше даже не смотрю в сторону Крыловой. А я не просто посмотрел, но ещё и «поцеловал» её при всех. Хотя никто внимания на этом не заострил, да и вообще никто не понял кому я адресовал сей жест. А вот она-то поняла.

Конечно, хмурое лицо девушки не осветилось вдруг счастьем, а щёчки не налились румянцем кокетливого смущения. Нет. Она смотрела на меня, как на идиота. Впрочем, как и всегда.

Я улыбался и танцевал вместе с присоединившимся Стёпой, а сам мысленно проклинал её и себя заодно. Как магнитом, блин, притянуло опять. Почему я не могу увлечься кем-нибудь другим столь же одержимо? Вон сколько разных девчонок вокруг вьётся. Они игриво поправляют свои волосы, убирая прядь за ухо, томно улыбаются и хихикают над моими шутками, словно я лучший стендапер этого вуза. Но нет же: мне Одария подавай!

Непробиваемая злюка. «Ну, Крылова... не очень любит общество в последнее время... Просто забей», — говорил мне Даня Рыжков. «Я слышал, что в семье кто-то умер у неё. Не знаю, правда, кто», — рассказал недавно Ермолин. Так с чего я злюсь на неё тогда? У девушки горе, похоже, а я растормошить её пытаюсь глупостями всякими.

Что если мне просто стоит сменить пластинку? По-нормальному подойти, вручить там цветочек какой-нибудь, улыбнуться, но без насмешки, а... нормально. Что если это бы и сработало? Романтика, блин... Сто лет бы её не видел после истории с бывшей, честно говоря.

Кристина напрочь отбила всю веру в светлое и чистое. А от Одарии мне нужно только одно: приятно провести время, развлечься. Я же не мудака какой: сам бы сделал так, чтобы Крыловой было хорошо со мной. Не обязательно же именно в любовь играть, как дети в школе, чтобы быть счастливо вдвоём. Можно и без глупостей всяких, по-честному и повзрослому. А Одария мне не угрожает к тому же ничем. Ведь влюбиться в самую странную девушку в группе просто не представляется мне возможным.

— Ну, что, уголёк, — пожимает мне руку Кирилл, столкнувшись со мной в коридоре, — готов к четвергу?

— А что с ним? — вроде, сегодня ничего необычного не должно происходить...

Приехал вовремя, через десять минут начнётся первая пара. Вчера вот «отчитался» танцем перед Ермолиным, и тот при мне удалил видео, где я в пьяном неадеквате жалуюсь на бывшую. А тема как раз тогда зашла о женских изменах... Я этого даже не помню. К практическому занятию, что будет третьей парой, я тоже готов. Всё под контролем, всё, как обычно. Что за вопросы такие странные у этого «медведя»?

— А чего ты напрягаешься-то сразу? — дразнится он, смешно вставая боком, когда проходим мимо толпы прибывших, как и мы, на учёбу студентов, что заполнили собой весь коридор, делая всё пространство совсем тесным.

— А я и не начинал напрягаться ещё. У тебя же только одно видео было, верно?

— Верно.

— Тогда зачем мне напрягаться?

— Тоже верно, — с хохотом пожимает плечами Кирилл. — Просто думаю: а каково

теперь ходить и знать, что я знаю какие сопливые мысли хранятся в твоей голове?

— Я достаточно уверен в себе, чтобы не переживать по этому поводу, — останавливаюсь на месте, заставив и одноклассника поступить так же, и поворачиваюсь всем корпусом к Ермолину.

Его нагловатое и насмешливое выражение лица мне совсем не нравится. Думает, я клоун-марионетка на верёвочках? Придурок.

— И на тебя интересная информация найдётся, если взяться за поиски, — продолжаю, глядя парню прямо в глаза. — Не думай, что такими пустяками меня можно подмять под себя. Посмеялись — отлично. Но если тебе вдруг показалось, что я шестёрка какая, то жестоко ошибаешься. Шутки шутками, но рамки соблюдай.

— Как скажешь, — ответил парень с уже другим выражением лица.

Весь подобрался и стал более серьёзным. И правильно: пусть видит, что границы у меня есть, и трогать их не стоит.

— Какая там у нас сейчас пара? — спрашиваю, возобновляя путь по заполненному людьми коридору.

— Радиожурналистика у Антона Павловича, — следует ответ, и я сейчас понимаю, что мы с «медведем» обо всём договорились.

Однако, правильно я ещё на прошлой неделе решил быть осторожней с этим парнем. Ох, не прост он. Как бы ещё не накрысил мне в ответ. Есть особый сорт людей, которые улыбаются тебе, весело проводят с тобой время, но ты при этом всем нутром своим чувствуешь, что есть какая-то гнильца внутри и некоторое лицемерие с их стороны. Так вот: Ермолин как раз и есть из этого сорта людей. Дружить с ним можно, но на расстоянии вытянутой руки.

В аудитории уже почти все наши сидят в ожидании звонка. Я, ни капли не задумавшись, просто на каком-то автопилоте смотрю в сторону окна, чтобы увидеть привычно хмурое лицо Крыловой. Она оказалась на своём месте, как и её подружка, Маша Мартынова.

Но показалось мне, что сегодня в глазах Одарии я вижу грусть. Как-то даже самому не весело стало. Да ещё и Кирилл добавил пару минут назад повод для отмены хорошего настроения.

И если утром я думал, что на этом неприятные моменты закончились, то к вечеру понял, как ошибался. Уставший после пар, завалился дома на диван, думая о работе, что должен ещё проделать на сегодня. Заказчику нужен новый объём сценариев для съёмки видео, которые я для него пишу. Но это ещё пол-беды. Едва я успел разделаться с работой, как почти сразу после завершения переписки с заказчиком, мне поступает вызов с незнакомого номера. Принимаю вызов, и сразу слышу:

— Артём, это Кристина.

— Твой голос я узнаю из тысячи, — отвечаю саркастично.

А раньше, тремя годами ранее, это был комплимент.

— Только не бросай трубку, — тараторит она быстро.

— Номер мой тоже через общих «друзей» выловила?

— Я же не просто так развлекаюсь, Артём! Почему я из-за вашей семейки должна страдать теперь?

— А кто кашу-то наварил такую? Не подскажешь?

— Давай сейчас не будем рыться в грязном белье.

— Которое испачкала ты.

— Всё ещё грустишь? — в её голосе появляются злобные нотки. — Не верю!

— Грущу? Много о себе думаешь. Просто не понимаю какого чёрта ты ко мне пристала со своими личными проблемами.

— Мои личные проблемы мне устроил твой отчим!

— С ним и разбирайся. Говорил же.

— Он не отвечает на мои звонки.

— Я повторяю в последний раз: не втягивай меня в свои проблемы и жизнь. Я больше не имею к этому всему никакого отношения.

— Какой же ты...

— Классный? Я знаю.

— Индюк! — злобные нотки в голосе Кристины никак меня не трогают, как и её глупое обзывательство.

Это её любимое, кстати, «обзывательное» слово. Сколько раз в пылу наших ссор я был «индюком»? Им и оказался в итоге. Но только не теперь. Слишком поздно мне названивать и ожидать какой-то благосклонности. Нет больше того самого инфантильного индюка с богатым воображением и мечтами о вечной любви.

— Кажется, пора завершать разговор, — говорю уже устало, потирая переносицу и глядя на часы.

— погоди! Мне теперь город менять из-за вас, что-ли? Неужели так трудно поговорить с Константином? Или хотя бы дай его новый номер, чтобы я могла связаться с ним сама!

— «Из-за нас», — усмехаюсь. — Я-то тут при чём... Я достану тебе его номер телефона и на этом всё. Договорились?

— Уж сделай хотя бы эту малость, — просит жалобно и вместе с тем со смесью злости.

И жалко мне её, и видеть больше не хочется. Объявилась, свалилась на мою голову.

Одаряя

Кто-то все выходные спит, кто-то, как Машка, на свидания бегаёт. А кто-то, я, например, на работе чахнет. Именно так я и ощущаю себя с самого утра: чахнувшей, засыхающей и рассыпающейся, как старый позабытый гербарий.

Вся прошлая бессонная ночь тому виной. Вчерашняя суббота не дала никаких результатов: нет той самой книги, что я ищу. Всё, что попадало мне в руки, не имело никаких записок внутри. Только пыль, запах старости или ненавязчивый аромат ещё свежей бумаги, если книга совсем новая.

Я просидела вчера вовсе не до положенного времени, что прописан в моём трудовом договоре, а гораздо дольше. Боже, да я только в полночь очнулась и засобиралась домой. А дома... Продолжила копаться в тех книгах, что ухватила с собой.

Мой беспокойный сон длился всего четыре часа. И вот я снова здесь: на часах всего десять утра, в книжном зале трое посетителей, а ещё пятеро в рабочей зоне за компьютерами. И чего с самого утра припёрлись? Могли бы и позже прийти... Чтобы я успела доспать хотя бы один час.

Зеваю в ладонь, и в этот момент буквы на мониторе компьютера расплываются в плотном тумане выступивших на глазах слёз. Я просто устала и очень хочу спать.

В выходные я всегда уставшая, но напряжённая. Пребываю в взвинченном состоянии, так как ощущаю что именно в эти дни я могу выкладываться по полной, не отвлекаясь на отсиживание пар. Надо лишь потерпеть до шести вечера, пока не будет окончен рабочий день, а затем... приходит время дрожащих рук и тупого отчаяния, что растёт с каждой неделей всё больше.

Что в той записке от Ани? Очередное «Ненавижу тебя» или...

«Евгения» пишет в своём письме, что сестру терзал наш с ней конфликт. Меня он терзает по сей день, но только разрешить его уже невозможно — человека больше нет. Я больше никогда не посмотрю в её глаза и не услышу родной голос. Только книга с запиской — всё, что мне осталось.

Как и моим родителям. Полгода назад они сидели на диванчике напротив меня, напряжённой струной утопающей в кресле, и смотрели тем самым взглядом, что я вижу иногда в отражении в зеркале. Взгляд, полный горечи с примесью злобного разочарования, бессилия отмотать время назад и изменить будущее.

— Извинения? Эта незнакомка, что прячется за выдуманным именем, просит прощения? — восклицала мать, когда я рассказала родителям о письме в тот же день, когда его получила.

Я тогда примчалась к ним, позвонив заранее отцу и наказав, чтобы они оба были дома и дождались меня, так как у меня для них есть важное сообщение... Меня встретили напряжённые лица, полные настороженности. Нас троих уже достаточно помотало после всех событий, чтобы не без испуга относиться к словам вроде «есть разговор...».

— От твоей злости нет толка, — раздражённо посмотрел на неё отец, а затем опустил глаза в пол.

— Как и от извинений в бумажном виде! Хоть бы пришла, да в глаза мне посмотрела!

— Успокойся, — не выдержала я, — отец прав: ничего уже не вернуть и не исправить.

Так сложились обстоятельства.

— А вы оба мне совсем не помогаете, чтобы я успокоилась, — распалаясь мать, — только подругам и могу душу излить, а вы всё «успокойся» да «успокойся»!

— Хватит! — оборвал её отец. — Не начинай свою шарманку.

Тогда я уже понимала, что между ними настолько искрит воздух от напряжения, что они едва выдерживают друг друга в общих стенах и под одной крышей.

Это был один из моих последних визитов в родительский дом. Больше мне там делать нечего. Всё, что меня там ожидает: равнодушные матери, что увлечена своими подружками и вечная пропажа отца на работе. У одной тусовки с обиженными на жизнь женщинами, у другого подработки и переработки по собственной инициативе.

А у меня книги. О записке, кстати, я им не рассказала. Во-первых, послание написано именно для меня, а во-вторых, родители после этого только мешаться мне начнут со своими вопросами и предложениями о помощи.

— Здравствуйте! — здоровается со мной щуплый очкарик, входящий в двери библиотеки.

— Добрый день! — отвечаю, кивая головой.

Парнишка проходит в рабочую зону и садится за компьютер. Вот и ещё один посетитель. Их обычно гораздо меньше, чем в будние дни, но бывают и в выходные толпы — особенно перед сессией.

На часах пять минут одиннадцатого. Ужасно медленно ползёт время, и я в очередной раз зеваю. Так и проходит одна минута за другой, один час за другим. В обеденный перерыв могла бы и поспать, но не стала, ведь важна каждая минута наедине с чёртовыми книгами. Зеваю да ищу. Страдаю, но не отдыхаю. А после снова посетители, заполнение базы читателей и консультирование по оплате абонемента для работы с компьютерами.

Лишь в одно мгновение я осталась в библиотеке одна. На часах четыре часа, ещё сто двадцать минут и я буду свободна от посетителей. Прикрыть бы на минуту глаза... Только на одну. Сложить руки на широком деревянном столе и приложить голову... Как же я об этом мечтала!

И так мне становится хорошо, словно в сам рай попала. Словно тёплая речка плавно несёт меня, подталкивая волнами в спину. А я, раскинув руки в стороны, просто лежу и позволяю течению унести меня куда-нибудь подальше от всех тяжёлых мыслей, роящихся в моей голове.

— Хорошего вечера! Приходите к нам ещё! — мужской голос заставляет меня вздрогнуть и подскочить на месте.

Что за... В окнах библиотеки уже не так ярко светит солнце, но даже его жалкие остатки не освещают в полной мере моё рабочее место, так как в полметре от меня стоит и заслоняет свет... Артём.

Угольников задорно улыбается уходящей студентке, стоя за стойкой библиотекаря рядом с моим стулом. Сколько я спала и что здесь сейчас происходит?

— Ого! — заметил он моё пробуждение. — Решила, наконец, почтить нас своим присутствием?

— Что ты здесь делаешь? — выпрямляю спину, с досадой отмечая, как затекли мышцы от неудобной позы.

— Пришёл позаниматься, а библиотекарь спит на рабочем месте! — он опирается

локтем о стол и смотрит на сидящую меня свысока. — Как думаешь, стоит ли доложить об этом Елизавете Петровне?

— Доложи, если смелый такой.

Смотрю на часы и ужасаюсь: рабочий день уже полчаса как окончен.

— Отчего бы смелым не быть? Я отпахал за тебя почти полтора часа! — Артём усмехается, с особым удовольствием осматривая моё лицо.

Наверняка на моей коже остались вмятины от рукавов рубашки.

— Почему не разбудил? Книги кто-нибудь брал или приносил?

— Спишь, как суслик. Слюнки пускаешь. Как будить-то такое милое создание?

Издевается. Хмурю брови с такой силой, на какую только способна. А голова такая тяжёлая сейчас, словно весит больше чем всё моё тело. В глазах песок, и усталость ощущается даже ещё больше, чем до отключения.

— Книги брали, — голос Угольниковца вдруг приобретает непривычно серьёзный тон. — Я вот на бумажке всех записал. Думаю, разберешься.

Однотруппник и в самом деле протягивает мне тетрадный лист с не очень-то и аккуратным почерком, где перечислены инициалы студентов и названия книг.

— Спасибо, — хмыкаю.

— Спасибо? — восклицает так эмоционально, что я отвлекаюсь от листочка и на секунду теряюсь даже. — Тебе знакомо такое слово?

— Мне знакомо много слов. Нехороших в том числе.

— Угрозы? После всего, что я пережил за эти полтора часа?

— Зачем ты работал последние полчаса? Мой рабочий день до шести вечера.

— Да мы болтали с ней просто, — усмехается.

Всё с ним ясно. И с ушедшей девчонкой тоже. Нашли, блин, место для свидания. Шли бы... куда подалее ворковать.

— Отчего вместе с ней не ушёл? — не сдерживаю недовольства от ситуации.

Заснуть при Угольниковце, позволить ему отработать за себя, продолжать спать в то время, пока он тут девок клеит. Вот дерьмо.

— Ревнуешь? — подмигивает.

— Тебя?.. — наигранно морщусь, осматривая парня с ног до головы.

Красивого такого парня, но ему знать об этом не обязательно.

— Впрочем не важно, — отмахивается. — Ревнуй сколько хочешь. Я прекрасно понимаю какие чувства вызываю у девчонок и никак тебя не осуждаю. Важно другое: ты мне теперь должна.

— Должна что? — встаю со стула, становясь напротив Артёма, так как выносить возвышающуюся надо мной наглую мужскую фигуру уже нет никаких сил.

Только лицом к лицу и никак иначе.

— Чай, — загадочная полуулыбка.

— Просто чай? — шурюсь.

В ответ усмешка с искорками дразнящего веселья в карих глазах. Он открывает рот, и я уже заранее понимаю, что сегодняшней вечер что-то изменит в моей жизни.

Артём

— Просто чай? — спрашивает она с таким скепсисом, что мне становится радостно и смешно.

Крыловой пришло на ум что-то другое? Ну, надо же, как интересно! Я не против после чая заняться чем-нибудь более увлекательным, но и переходить в горизонтальную плоскость не сказать что прям сегодня планировал. Не так же сразу, с разбегу, в самом деле! Но если дама сама не против...

— Можно и с пирожными, — пожимаю плечами.

— А больше ничего тебе не надо?

Спрашивает саркастично, но так и подмывает желание ответить...

— Надо!

— Чего ещё можно было ожидать от... — Одаряя усмехается, кивая головой, но я её обрываю:

— Торты бы ещё...

— Торты? — растерянно хмурится.

Она вообще слегка потерянная сейчас после сна. Глаза сонные и слегка опухшие, на щеке красное пятно от собственной руки, на которой девушка спала. Волосы немного потрёпаны, только рубашка на удивление в хорошем состоянии.

— С шоколадным кремом, шоколадными коржами, — деловито перечисляю, а сам забавляюсь от того, какой окрас приобрёл наш диалог. — Весь политый шоколадной глазурью и обсыпанный шоколадной крошкой.

— Ты сейчас смеёшься надо мной?

— Ладно, извини. Такой торт и днём с огнём не сыщешь, а уж вечером тем более. Можно просто чай, расслабься.

— Тут где-то чайник был...

Крылова принимается озираться по сторонам, и я уверен, что делает она это специально, чтобы не смотреть на меня. Неужели злюка застеснялась?

Однако, зря я решил, что дело в смущении. Одаряя, к моему несказанному удивлению, приседает, ныряя куда-то под стол, и из глубин шкафчика под ним в самом деде достаёт электрический чайник и ставит его на библиотечную стойку... Затем снова наклоняется вниз и принимается шуршать теперь уже чем-то напоминающим упаковку для каких-либо сладостей.

Да! Это печенье. Чёрт, она достаёт упаковку печенья и две кружки с цветочным рисунком. Ох, не о таком чае я говорил...

— Сейчас я поставлю чайник, — невозмутимо говорит девушка, выпрямляясь. — Можем сесть вон за тот стол, — пальцем показывает на пустой столик у окна, где я в обеденный перерыв часто вижу Елизавету Петровну и некоторых преподавателей, что гоняют здесь чай.

— Так я вообще-то у тебя дома чай пить хотел, — не скрываю разочарования.

Мне что-ли показалось, что Крылова буквально пару минут назад немного заигрывала со мной?

— Я домой пока не собираюсь, придётся тебе довольствоваться местным питьём, а

вместо пирожных жевать печенье. Оно не такое уж и плохое на вкус, кстати.

— Ты сейчас смеёшься надо мной? — повторяю её же недавний вопрос.

— Разве ты видишь на моём лице признаки смеха? — приподнимает одну бровь.

Крылова хватает чайник и ставит на неприметную тумбу в углу возле розетки. Включает прибор и с самым невозмутимым видом оборачивается ко мне, говоря при этом:

— Забыла достать чайные пакетики. Достань, а?

— Нет, так дело не пойдёт, — качаю головой. — Выключай этот дурацкий чайник и убери в тумбу всё, что достала из неё.

— Сам же на чай напрашивался, — хмыкает.

— К тебе домой.

— Такого уточнения не было, — разводит руками.

— Теперь есть.

— Либо ты пьёшь чай здесь и сейчас, либо в другой день.

— Но у тебя дома?

Следует минута молчания. Мы смотрим друг на друга, не шевелясь, как если бы были такими же стульями, что стоят в рабочей зоне библиотеки или книжными стеллажами.

— Но у меня дома, — отвечает без тени какой-либо эмоции.

Мне сложно понять ход её мыслей, но до безумия хочется узнать, что сейчас происходит в её голове. Она просто чай имеет ввиду? Или я фантазирую, принимая желаемое за действительное? Спросить прямо или лучше не рисковать? Ведь только-только начали нормально разговаривать, и не хотелось бы разрушить шаткое «перемирие».

— Почему мы не можем сделать этого сегодня? — спрашиваю в итоге.

— Сделать что?

— Выпить чаю... — в эту самую секунду щёлкает задыхающийся и булькающий чайник, оповещая о завершении процесса кипячения.

— Я же говорю: пока домой не собираюсь.

— А когда собираешься? Рабочий день окончен же. Что делать будешь?

— Работать. Заносить в базу всё то, что ты на бумаге накалякал своим кривым почерком.

— Так там же всего пять человек. Неужели так долго забивать их? Я и подождать могу.

— Не нужно меня ждать. Иди тогда домой. О чае договоримся на неделе.

— О чае?

— Пирожные не обещаю.

— А говоря про пирожные, ты имеешь ввиду...

— Пирожные.

Мы оба усмехаемся от двусмысленности и недосказанности нашего разговора. С ума сойти: Одаря не лает на меня злой собакой, а почти смеётся вместе со мной! Может, ей всё это время просто нужно было хорошенько выспаться?

— Ты настолько любишь книги, что готова в воскресенье допоздна засиживаться в библиотеке?

— Вроде того.

— Завтра на учёбу. Отдохнуть не хочется? Неужели в самом деле будешь сидеть тут и... читать? Уверен, что занесение пяти человек в базу не займёт более сорока минут. Столько бы я и подождать мог. Но ты же не на сорок минут собираешься тут задержаться? Других радостей жизни что-ли нет?

— Не твоё дело, — вдруг огрызается, как если бы я затронул большую тему.

Вот ненормальная. Всяких ботанов в жизни видал, но чтобы вот так... Да при такой эффектной внешности и остром языке... Странное дело.

— Значит так: чай я здесь пить отказываюсь. Буду сидеть и ждать тебя до тех пор, пока не начитаешься.

— Библиотека не работает. Проваливай.

Почти пыхтя от злости, она тычет пальцем в воздух, указывая на входную дверь библиотеки. Как бы не так!

— Сама вали! Время видела? Заноси данные в базу и собирай монетки на выход.

Усаживаюсь на один из ближайших к библиотечной стойке стульев, всем видом давая понять, что никуда я не собираюсь и в словах своих серьёзен. Нога на ногу, руки за голову. Расслаблен и невозмутим.

— Ты нормальный вообще?

— Адресуй этот вопрос себе, мошь книжная.

— Кто?! — удивлённо ахает.

Надеюсь, в скором времени ахать она будет совсем по другому поводу...

— Ты.

— Ты меня оскорбляешь сейчас?

— Как видишь, обзывать и я умею, — усмехаюсь.

Ох, это на самом деле весело. И это я думал, что смогу больше никогда с ней не общаться? Упускать такое удовольствие... Вот уж нет.

Одаря ничего более не говорит и отправляется к своему рабочему месту. Она садится, скрываясь за библиотечной стойкой, и теперь мне видна лишь её голова. Лицо у девушки какое-то ожившее: раздражённое и хитрое одновременно. А мне нравится эта её новая эмоция... Есть что-то особенно дразнящее в ней сегодня вечером.

Вскоре раздаётся тихое, но шустрое шуршание клавиш и щёлканье компьютерной мышки. Крылова вводит данные с листочка, что я ей передал.

Одинокий и забытый чайник остаётся брошенным на тумбе в углу помещения, а я прикрываю глаза, время от времени поглядывая сквозь незаметно приоткрытые веки за своей одноклассницей. Сосредоточенность, дёргающийся уголок губ... Ей весело что-ли?

Даже полчаса не прошло, как мерный и едва слышный гул работающей техники смолкает, погружая всё в звенящую тишину. Я открываю глаза, наблюдая за тем, как девушка встаёт со стула и потягивается. Работа завершена.

— Я даже заснуть не успел, — говорю.

— Бери свою задницу и пошли отсюда, — Одаря с характерным звоном подкидывает в ладони ключи.

«А твою взять можно?», — хотелось бы мне спросить, но пока повременю с такими приколами, а то мало ли... Это сейчас она в хорошем расположении духа, а что будет спустя минуту или час? С этой девушкой всё немного непредсказуемо.

Одаря

На улице уже почти стемнело, погружая дома в синий сумрачный свет, разбавленный зажжёнными фонарями. Не смотря на то, что ещё только конец апреля, всё равно уже чувствуется в воздухе что-то свежее, лёгкое, предвещающая скорое цветение городских деревьев и кустов.

— Под ноги смотри больше, а то в какую-нибудь канализационную дыру свалишься или в портал в параллельную вселенную, — говорю Угольникову в ответ на его сверлящие взгляды на моём профиле.

— Да я вот думаю, не зря ли на чай напросился. Сегодня полнолуние.

— Ты это к чему сейчас?

Поднимаю голову к небу, но ни звёзд, не луны ещё не видно.

— Может, ты оборотень какой? Чего добрая сегодня такая? Подозрительно это всё.

Говорит серьёзным тоном, но ясно, что этот клоун шутит. Свет от фонаря, мимо которого мы проходим, ярко освещает длинные ресницы парня, и я думаю о том, зачем они ему такие. Тут и тушь никакая не нужна...

— Передумал?

— Ну, нет. Зря я что-ли за бесплатно библиотекарем работал? Никогда бы не подумал, что буду в такой роли...

— А вдруг я правда оборотень?

— Мартынову же не съела до сих пор. Значит и я выживу.

— А причём здесь Маша?

— Так это единственная твоя подруга, насколько я понимаю.

— Поэтому я её и не съела.

Да и дома она у меня никогда не была... Как и я у неё. Когда вообще в последний раз гостей принимала и сама ходила к кому-то? Давно это было и словно в другой жизни вообще. А теперь я и сама, как в портал, в параллельную вселенную провалилась: сначала поход в магазин с одноклассницей, а теперь веду парня к себе на чай. Вау. Неужели это и правда происходит? Похоже на сон. Странный, почти нереальный.

А главное во всём этом то, что мне нравятся эти изменения. У меня нет вопроса: «А стоит ли?». Я знаю, что хочу изменений. Мне надоело жить в вакууме, в котором есть только я и мои мысли, перебиваемые голосом сестры, которому отведено особое местечко в памяти.

— А я тебе не друг... — раздаётся голос Артёма сквозь мои размышления. — Стало быть, меня ты съешь.

— Почему таким довольным выглядишь тогда?

— Предвкушаю.

— А ещё минуту назад сомневался в своей затее пойти ко мне в гости.

— Такой вот я переменчивый парень!

— Ну, учитывая твою общую несерьёзность, не удивлена.

— Откуда у тебя такие сведения обо мне? — слегка склоняет голову на бок, глядя на меня с наигранным удивлением.

— Исключительно из личных наблюдений.

— Ты не наблюдаешь меня двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. Твоё

исследование не обладает достаточной доказательной базой.

— Ничего себе какими умными словами ты разговариваешь, — коротко смеюсь.

Не наблюдаю за ним круглосуточно — это правда. Этого мне ещё не хватало. Но поверить в то, что в голове этого парня что-то есть? Ник чему мне даже знать о содержимом его черепной коробки. Мы же вроде как просто развлекаемся. К чему лишняя информация?

— А я и говорю, что не совсем дурак, — вроде и смеётся, а, вроде и серьёзен.

— Так я тебе и поверила.

— А я и не собираюсь ничего тебе доказывать. Ты, знаешь ли, тоже не вишенка на торте, не предел мужских мечтаний.

— Не очень-то и хотелось, — почти спотыкаюсь о невидимый в темноте камень под ногами, из-за чего голос слегка дрогнул.

— Это я заметил. Зануда ты, каких ещё поискать. А что ещё хуже: злая зануда.

— По мне так нет ничего хуже зазнавшегося пустоголового болвана вроде тебя.

— Разговорчики у нас, как всегда, милые, — усмехается, закатив глаза к небу. — Но ты впервые разговариваешь со мной так долго, — переводит взгляд на меня.

— Полнолуние, — пожимаю плечами.

— Не так уж часто оно и случается. Видимо, общаться будем тоже не часто.

Как будто мы тут ради общения собрались... Оно нам и не нужно особо. Хотя сейчас идём и болтаем о какой-то бессмысленной ерунде. И вообще разговор наш скорее напоминает обмен колкостями — таким он остаётся всю оставшуюся дорогу.

Обычно домой из вуза я езжу на общественном транспорте, но сегодня мне вдруг захотелось пройтись пешком. Виной ли тому мой спутник или хорошая погода, но путь в любом случае не долгий — можно и пройтись.

И мы идём, как какие-то друзья. До чего же странная ситуация. Расскажи мне о ней неделю назад, рассмеялась бы просто в лицо.

Так проходит двадцать минут неспешного шага. Уже видна моя многоэтажка, внутренний двор с расставленными повсюду машинами и тусклый свет лампы над входной дверью подъезда. Писк от магнитного ключа, холодный металл двери, лестница на второй этаж. Я иду спереди, а Артём плетётся позади. Я почти уверена, что он при этом ещё и успевает разглядывать меня.

Входим в мою квартиру, щёлкаю кнопкой выключателя, зажигая свет в прихожей. Оба застываем на несколько секунд, оглядываясь. Я проверяю достаточно ли чисто у меня дома, а Угольников просто любопытствует. Затем мы синхронно наклоняемся, чтобы разуться.

Мой гость быстро справляется со своими кедами, а я обнаруживаю, что шнурки на одной из моих кроссовок затянуты в довольно тугий узел, который так просто не развязать. Как бы я не пыталась поддеть шнурок ногтем или потянуть за петельку, ничего не выходило. В какой такой задумчивости я вообще сегодня обувалась?

Артём тем временем скромничать не стал, а просто, не дожидаясь моего приглашения, отправился в увлекательное путешествие по моей квартире. Первым делом пошёл в кухню, погромел там холодильник и даже шкафчиками. Вот это наглость! Затем вышел обратно в коридор и, подмигнув в ответ на мои выразительно нахмуренные брови, прошёл мимо меня в комнату, где я и провожу большую часть времени. В ней я и сплю, и учёбой занимаюсь и даже ем, поглядывая в монитор ноутбука с каким-нибудь видео на мониторе.

— У тебя нет кровати, — замечает он, подойдя вновь ко мне. — На этом диване спишь?

— Ага.

Парень вновь возвышается надо мной, как совсем недавно в библиотеке. Шнурки же никак не желают поддаться моему обаянию и развязаться сами собой. Подушечки пальцев краснеют от трения о бестолковые веревочки.

— Могу предложить тебе помощь? — над ухом его голос.

— Помощь? Мне? — выпрямляюсь, но не ожидала, что Артём стоит так близко. Ударяю его своей головой по носу, заставляя рефлекторно отскочить и морщиться, потирая пострадавшее место.

— Ох, извини, — а сама не сдерживаю усмешки. Давно пора было Угольникову по носу получить.

— Я в порядке. Жить буду.

— Помощь мне не нужна, — снова наклоняюсь, возвращаясь к недавнему занятию. Эти чертовы кроссовки совсем меня не уважают? Я так навечно в них останусь, похоже. — Я в детстве целый год ходила в кружок, где нас учили завязывать морские узлы. Так что я справлюсь.

— А я не о шнурках, вообще-то, — в голосе парня появились вкрадчивые нотки.

— А о чем?

Артём на пару секунд замешкался с ответом. Я, наконец, с чувством огромного облегчения развязываю тугий узел, а затем быстро стягиваю со своих ног обувь и выпрямляюсь во весь рост.

— Вредно для спины на таком диване спать, — отвечает, глядя мне в глаза. — Он не внушает мне доверия.

— Это ты меня в свою кровать так приглашаешь?

— Извини, что без красивого конвертика и открыточки с бантом в уголке... Не подумал как-то.

— А не боишься?

— Тебя? Выпорешь меня моим же ремнем? Какие-то особые склонности?

— Хуже. Влюблю в себя, например.

— За это не беспокойся: в тебя уж точно не влюблюсь, — усмехается.

— Звучит просто чудесно. Это то, что мне нужно. Потому что я в тебя тоже влюбляться не собираюсь.

Артём

Вот и наступил понедельник. Вот и настал день с отметкой «24 апреля» во всех календарях. Впрочем, мне на дату всё равно, ведь у меня совсем иная причина для радости — сегодняшний день недели. Именно сегодня вечером я ожидаю Крылову к себе в гости. Мы договорились встретиться вечером, уже после пар и разного рода личных дел. А это где-то в районе семи или восьми вечера...

Вчера мы и в самом деле просто выпили чаю, поболтали (не без колкостей, конечно) и уже после я был выпровожен за порог квартиры. Однако, я не расстроился. Разговор наш оказался продуктивным, приведя нас обоих к общему соглашению и, как бы странно это не звучало в свете нашего прежнего стиля взаимодействия, к взаимопониманию.

— Так значит ты принимаешь моё приглашение? — спросил я у Одарии, когда наше чаепитие уже подходило к концу.

На столе стояли уже пустые чашки с использованными заварочными пакетиками в них и остатки горького шоколада на маленьком блюде. Кроме этой невкусной штуки у девушки ничего не нашлось. Ну и десерты у неё...

— Сменить мой диван на твою кровать?

— Ну, да. Других предложений от меня, вроде, и не поступало.

— Принимаю. Но при условии.

— Каком же?

— Никакой дружбы и никакой романтики.

— А разговаривать-то хоть будем? — усмехнулся.

— Будем, — кивнула. — Просто без задушевных бесед обойдёмся.

— Чем тебе дружба не угодила?

— Не нуждаюсь в дружбе с тобой, Артём. Ты не нравишься мне. Помнишь?

— А предложение моё зачем тогда принимаешь? — вполне искренне удивился такому повороту.

— Повеселиться, приятно провести время. Разве тебе не то же самое от меня нужно? — она пытается выглядеть циничной дерзкой особой или и в самом деле такая?

— В общем-то да, — признаю очевидное.

— Вот и договорились. Правда же?

— Да.

— Как на счёт завтрашнего вечера? — девушка слегка улыбается, и думается мне, что циничность её искренняя.

— Так скоро?

— А чего ждать? Взрослые же люди...

— Вот вам и зубрилка...

— Я зубрилка? Вот ты шутник, конечно! — засмеялась.

Засмеялась! Она, блин, смеяться умеет!

— Неужели ошибаюсь? Ты эти книги не читаешь? Что ты с ними делаешь тогда?

— Оставь мои книги в покое, — отвечает с неподдельным раздражением, резко переменив своё настроение.

Она и в самом деле не хочет говорить о своей самой главной страсти — книгах. Да что

такого в моём вопросе? Странная. Очень странная девушка. Но не плевать ли мне? Главное, что красивая и, не сомневаюсь, страстная. На остальное пофиг.

— Ладно, — сказал я тогда, — согласен встретиться завтра вечером. Мне тебя самому встретить или скинуть адрес?

— Просто сообщи свой адрес, я сама доберусь. Не на краю города живёшь, надеюсь?

— В центре, на соседней улице.

— Отлично. Весьма удобно, — кивает с удовлетворением в голосе.

— Согласен: живём рядом, хотим одного и того же. Просто идеально! — не сдерживаю улыбки от удовольствия за всё происходящее.

— Есть ещё одно условие, — голос девушки слегка стёр радость на моём лице.

— Какое же? — насторожился я.

— Не болтай о нашем соглашении.

— Я похож на болтуна?

— Ты условие принимаешь или нет?

— Принимаю, — хмыкаю.

Как скажешь, моль книжная. Не болтать, так не болтать. Хотя, я и не собирался, вроде. Было бы весьма странным с моей стороны завалиться в стены вуза и сразу начать хвалиться тем, что теперь у меня будет регулярный секс без обязательств с красивой девчонкой. Так, на мой взгляд, делают только неудачники по жизни. Если ты и в самом деле крут, то зачем тебе хвалиться такими мелкими завоеваниями? Выглядит как попытка доказать самому себе и всем остальным, что ты альфач. Смешно же.

Так что, чтобы не привлекать лишнего внимания одноклассников, я не стал сегодня подходить к Крыловой и здороваться с ней. Никаких «привет» или «доброе утра». Девушка же и вовсе на меня даже не смотрит. Словно и не было вчера никакого чая и разговора между нами. Словно мне всё это приснилось. Ведь в стенах вуза передо мной снова та самая бука с вечно хмурым лицом.

Она у окна, рядом Мартынова. Всё, как всегда. Никто с Одарией не здоровается, и она ни с кем не говорит. Словно, так и надо. Она, как призрак какой-то, видимый только Машей и мной. Только Мартыновой, в отличие от меня, позволено сидеть рядом и общаться.

«А что это ты, расстроен что-ли?» — вопрошает внутренний голос. Нет, конечно. С чего мне расстраиваться? Всё же просто отлично! Скоро вечер, женское тело рядом...

В таких случаях обычно хочется купить вина, сыра, фруктов и шоколада. Но наш случай не совсем типичен. О цветах я и вовсе не думаю даже.

— Уголёк, Даня, — приветствует нас Ермолин, здороваясь за руку.

— Привет, Кирюх, — отвечаем со старостой.

«Медведь» уходит здороваться со всеми остальными, а Рыжков деловито поправляет очки, уткнувшись в свою тетрадь, и повторяет термины, которые мы должны были выучить к предстоящему практическому занятию. Губы парня шевелятся, но мне совсем не слышен его шёпот.

Сам же я так не парюсь. Вчера было не до терминов из-за похода в студенческую библиотеку и последующих приключений, в субботу был занят работой. А сейчас, перед самой парой, уже и смысла учить нет. Как-нибудь выкручусь.

Это далеко не самая большая проблема, что есть у меня сейчас. Термины? Фигня полная. Вот как я перед матерью выкручиваться буду — вот это хороший вопрос. Я должен

спросить у неё мобильный номер Константина, о котором просила Кристина. Уже заранее предвижу вопрос: «Зачем тебе его номер?». Не говорить же, что для Кристины... Это будет полный провал: у матери давление, у Константина истерика, а после вообще всеобщий семейный скандал.

Бывшая не отстанет от меня, пока не добьётся своего. Мне так или иначе придётся поговорить с матерью. Поэтому, пользуясь минутами спокойствия, беру в руку мобильный и открываю диалог с матерью.

— *Привет, мам,* — набираю сообщение. — *Как у тебя дела? Мне нужен новый номер телефона Константина. Скинешь мне его?*

Нажимаю «отправить» и коротко вздыхаю. Её нет онлайн, но она точно появится в течение дня. Мать ежедневно заходит в социальную сеть, чтобы, как минимум, посмотреть очередной рецепт в любимой группе на кулинарную тематику.

Но, думая, что мать заинтересуется для кого я пытаюсь достать номер её мужа, я ошибся. Уже в конце учебного дня, когда заканчивалась последняя пара, мне поступил входящий вызов от неё. Я отпросился выйти в коридор и принял звонок.

— Артём, — заговорила мать, как только я нажал на изображение телефонной трубки на экране, — привет.

— Привет, мам.

— Неужели ты созрел для нормального разговора?

— Ты о чём? — не успеваю сообразить о чём она говорит сейчас.

— Ты просишь номер Кости. Зачем?

— Ах, это... Ты решила, что я хочу поболтать с ним по душам? — усмехаюсь, не скрывая ироничных ноток в своём голосе.

— Тогда что тебе от него нужно?

— Просто хочу иметь его номер на всякий случай.

Ничего умней я, к сожалению, не придумал.

— На какой такой случай, Артём? Что ты задумал?

— Почему это я сразу что-то задумал? — начинаю раздражаться. — Разве я к вам лез хоть раз после того случая?

— Что ты так агрессивно сразу... — шумно вздыхает, а мне даже совестно становится.

Ох, не зря я не хотел помогать Кристине. Во что ввязался?

— Ладно, мам. Мне не особо-то и важно. Можешь и не скидывать его номер. Просто ляпнул, не подумав.

— Я скину. Может, и поговорите наконец.

Как бы не так. Ни за что на свете. Уж лучше хмурое лицо Одарики в ответ на мои шутки, чем вечно самодовольная рожа Константина.

Одаря

Машка сегодня вся светится, как новогодняя ёлка. Глаза горят, щёки то и дело покрываются красными пятнами. Никаких высказываний о погоде или советов прекратить мне свой затворнический образ жизни. Девчонка просто сидит рядом и загадочно улыбается всю перемену. На ней чёрно-белая полосатая футболка и любимая джинсовая рубашка сверху. А также аура первой влюблённости. Ох, как бы бедняге падать потом больно не пришлось.

Невольно в голове всплывают образы из моего прошлого, где я и Ваня идём вместе по городскому парку под редким дождём, держась за руки. Первый курс обучения, ещё яркое и тёплое сентябрьское солнце, а вскоре и радуга, что появилась после короткого дождливого эпизода. Такая яркая и красивая. Мы тогда с Ваней сфотографировались на её фоне. А потом много целовались всю дорогу до тех пор, пока не пришли к нему домой и не набросились друг на друга, как голодные звери.

А ведь с Угольниковым даже поцелуем не обменялись вчера. Могли бы и скрепить свой договор прикосновением губ... Ну, ничего — сегодня вечером наверстаем. Интересно, так же ли парень дерзок в постели, как вне её?

— Машка, я же ослепну скоро, — усмехаюсь одновременно и подруге и своим шаловливым мыслям.

— Почему? — она недоуменно заморгала.

— Светишься, как диско-шар. Ну, рассказывай, что там с твоим свиданием.

— Хорошо всё.

Типичный ответ Мартыновой. Скромно и сдержанно. Нет, от неё никогда не дождёшься эмоциональных визгов и уж тем более каких-то пикантных подробностей. Ну и ладно, не буду её терроризировать — скоро и сама получу свою дозу счастья. Конечно, вряд-ли моя стеснительная подруженька получила что-то большее, чем поцелуй в щёчку, но ей и этого, думаю, достаточно пока что.

А вот мне нужно нечто большее.

Наверное, это первый день за последние месяцы, когда я не думаю о книгах с синей обложкой. Так сильно ждала наступления вечера, что он всё никак не наступал. Дурацкие пары, надоедливый студенческий шум, домашние заботы...

Но я таки дождалась. Вот он: вечер. Я стою на пороге квартиры Угольникова, а затем меня провожают в комнату, где и стоит обещанная удобная кровать. Широкая.

— Неплохо бы было освежиться, — это первое что я говорю после приветствия при входе в дом парня.

— Мой бар пуст, — Артём с извиняющимся видом разводит руками.

— Я о том, чтобы принять душ, — коротко смеюсь. — У тебя что-ли есть бар?

— Вообще-то нет, — с улыбкой проводит ладонью по своему затылку.

— Вообще не пьёшь?

— Иногда. По приглашению. А ты?

— Аналогично.

— Стоило ли мне купить бутылку вина и виноград?

— Мы же не на свидании, балбес! — не сдерживаю смех.

Так, блин, и представляю: я, Артём и едва ли не накрытый стол с романтическим ужином между нами. Смешно же. Наша схема будет проста: встретились, увлекательной гимнастикой позанимались, разошлись каждый по своим делам. При чём тут вино-то? Вот смешной он всё-таки.

— Даже сейчас обзываешься, — вглядывается в не глубокое декольте моего топа. — Злая ты.

— Как собака?

— Она самая, — кивает, возвращая взгляд на моё лицо.

— А ты смешной, как клоун.

— Лучше пойдём, я покажу тебе ванную, а то ужасно хочется заткнуть тебе рот.

— Ну, так и заткни мне его, — приподнимаю бровь, с вызовом глядя ему прямо в глаза.

Угольников долго не мешкает. Он резким широким шагом оказывается вплотную ко мне, и не успеваю я даже глазом моргнуть, как мужские губы впиваются в мои, а широкие ладони обхватывают за бёдра. Ну, а затем... А затем я отвечаю парню с не меньшим пылом, мимолётно отмечая, каким шумным становится наше дыхание и как усиливается нажим от его рук. Одна секунда, две, и с каждой последующей секундой всё отчётливей слышно собственное сердце. Вспыхнула, просто как спичка! Вот что значит «давно не было»... Напоследок легко кусаю его нижнюю губу, за что получаю шлепок по попе, прячущейся под грубой тканью джинс. Отстраняюсь, разрывая контакт, где вкусно пахнет мятной жвачкой и тепло пальцев приятно прожигает даже сквозь одежду.

— Иди первый, — шутливо шлёпаю Артёма в ответ по соблазнительным выпуклостям снизу, вызвав тем самым удивлённый взгляд.

Привыкай, дорогой.

— Как пожелаешь, — криво усмехается он.

Как пожелаю, говоришь? Звучит уже интересно.

Вскоре Угольников исчезает за дверью ванной, и через минуту я слышу звук льющейся воды. В это время бегло осматриваю его квартиру, но ничего особо интересного в ней не нахожу. Это типичное съёмное жильё, в котором довольно мало личного присутствия самого Артёма. Бездушные серые стены, чёрно-белая мебель и минимум декора.

Я уже было заскучала, но, к счастью, мой одноклассник и будущий любовник мылся не долго.

— Твоя очередь, — сказал Артём, выйдя из ванной. — Чтобы пошла горячая вода, поворачивай кран в сторону холодной.

На парне лишь полотенце, повязанное на бёдрах. Неплох...

— У тебя даже квартира с приколами.

— Плохая работа водопроводчика, — пожимает плечами. — Всё наоборот. Но так только в ванной.

— Понятно.

Что же... Моя очередь. Скрываюсь за дверью и тут же принимаюсь стягивать с себя тесную одежду, которая стала вдруг ненавистной в эти минуты. словно тяжёлый груз сняла.

А уже после и тёплые водяные струи мигом сняли с меня оставшуюся усталость, что скопилась за день и нервозность от ожидания вечера.

Недавний поцелуй пробудил уже позабытый за год азарт и тягу к... обычной жизни. А в моей обычной жизни всегда было место классному сексу... Ух, хватит мне уже купаться —

пора приступать к делу!

Выключаю воду и спешно вытираюсь полотенцем, не заботясь о лёгкой влаге, остающейся на коже. Одеваться не стала. Просто завернулась в широкое махровое полотно, имитируя коктейльное платье.

Не знаю откуда во мне это чувство, но подозреваю, что Артём ждёт меня если не прямо за дверью, то хотя бы в комнате на диване, что стоит как раз напротив ванной комнаты. Приоткрываю дверь, неспешно вытянув сначала одну ногу, а затем вторую, являя уже потом всю себя.

Угольников сидел на диване, как я и предположила. Завидев меня, он вскакивает на ноги и быстро подходит ко мне, чтобы тут же схватить и взять на руки.

— Ого! — удивилась я его жесту, но охотно обхватила мужскую шею руками.

А парень лишь улыбнулся и молча потащил меня к кровати. Путь до неё кажется таким долгим — целых пять шагов! И вот, после последнего из них, я оказываюсь опрокинутой спиной на мягкую постель. Мебель удивлённо скрипнула под моим весом, но она ещё не подозревает о том, что ей предстоит сегодня пережить.

Или кровать моего одноклассника уже ко всему привыкла? Эта секундная мысль неприятно царапнула, но быстро забылась под новым нападением на мои губы.

Мы снова целуемся, но теперь ещё сильнее, глубже. Тяжёлое тело вдавливают меня в матрас, а я только и рада, желая ощутить эту тяжесть ещё сильнее. Так сильно, насколько это вообще возможно. Поэтому обхватываю Артёма руками и вжимаю его в себя, помогая себе ещё и ногами. Твёрдый бугорок, упирающийся в мой живот, радостно откликается на моё действие, а я невольно хочу улыбнуться, да только губы слишком заняты, жадно поедаемые Угольниковым.

Я так увлечена процессом, что не сразу замечаю отсутствие полотенца на себе. Когда только успело исчезнуть? Мои соски трутся о твёрдую мужскую грудь... хочу, чтобы... Парень словно угадывает моё желание, сгребая обе груди в свои ладони, легко сжимая изнывающие от жажды соски. Он наклоняется и облизывает их, а затем всасывает внутрь, лаская языком. На моём лице всё же расплзается улыбка. Я так соскучилась по этим ощущениям!

Губы и язык Артёма опускаются ниже, исследую рёбра, живот... Они опускаются ещё ниже и ниже, заставив меня затаить дыхание. Ещё один жалкий сантиметр, и очередной поцелуй придётся на самое сосредоточие женственности.

Но Угольников останавливается на этом сладком волнительном пути и приподнимается, подтягиваясь вверх так, чтобы наши лица вновь оказались друг напротив друга. Какого чёрта?

— А ну целуй! — шиплю, глядя в глаза.

— Вот же требовательная злюка, — хитро усмехается мне в лицо.

Зрачки парня расширены, а глаза смотрят с характерной поволокой. О, да. Он тоже прямо сейчас сходит вместе со мной с ума.

Послушно опускается снова вниз и широко, на грани боли, разводит мне ноги, чтобы тут же с намеренно громким чмоком поцеловать меня в самое чувствительное место, разжигая мой внутренний пожар желания ещё сильнее. Рефлекторно дёргаюсь, всё так же удерживаемая за ноги и просто молю всех существующих богов этого мира о том, чтобы этот вечер длился бесконечно.

Одно касание за другим, то влажное и мягкое, то колючее и слегка царапающее от

лёгкой вечерней небритости. И в момент, когда я уже готова взмыть птицей, всё прекращается. Но расстроиться не успеваю: Артём меняет положение, а затем плавно начинает входить в меня. Приятное натяжение, чувство наполненности... Одна его рука тут же обхватывает мой затылок, а другая зарывается в волосы, слегка сжимая их, вызывая у меня лёгкую волну мурашек. Хватаюсь руками за широкую спину — я тоже готова начать этот танец...

То медленно, то быстро. То нежно, то более жёстко. Звуки влажных шлепков только ещё больше раззадоривают и делают нас всё более дикими. Мне жарко, я чувствую, как капля пота стекает по моему виску. Тяжёлое, но частое дыхание Угольников опалает мою шею, а я так вцепилась в его волосы, что немеют пальцы. Только вот Артём нисколько не жалуется, время от времени кусая меня за мочку уха или оттягивая зубами тонкую кожу в зоне под ним.

Особенно сильный и глубокий толчок. Кто-то стонет, но я уже не понимаю кто именно. Да и не важно это. Важно лишь то удовольствие, что испытывает каждая клеточка моего тела на пороге заветного пика. А он и правда совсем близко... Секунда, две... и я воспаряю.

Долгожданное освобождение, к которому почти сразу присоединяется и мой любовник, содрогаясь в завершающих конвульсиях.

Он лежит на мне и пытается восстановить дыхание. Зарылся куда-то в мои волосы, я же глазею на белоснежный потолок и думаю о том, как прекрасна эта жизнь.

Артём

Она ушла. Просто взяла и ушла, мило улыбнувшись на прощание. Словно так и надо было. А, может, так и в самом деле было правильно. «Мы же не на свидании, балбес!», — смеялась она. Ну, да. Не на свидании. Но можно было и чай попить для приличия хотя бы... А Крылова, отдышавшись, встала с кровати и отправилась в ванную, где осталась вся её одежда. Там девушка оделась, я вот тоже одеться успел. Хотел было позвать в кухню, когда женская фигура появилась в коридоре, но она мне в ответ:

— Хоть какой-то с тебя толк, новенький!

Одаряя усмехнулась, я поддержал улыбкой, удержать которую становилось сложно после слов одногруппницы о том, что ей пора уходить.

— Уже? — спросил я, делая невозмутимый вид.

— Одного раза мне сегодня достаточно, Артём. Качество на высоте, ещё потом повторим.

— Обязательно.

Про чай промолчал, конечно. Пусть идёт. Мне вот тоже есть чем заняться и без её компании.

Дверь за девушкой с тихим щелчком закрывается, я поворачиваю ключ, отгораживаясь от внешнего мира. А потом, не смотря на какое-то тревожащее чувство, всё же широко улыбаюсь. Мы переспали. Мы действительно это сделали! И нам обоим понравилось настолько, что договорились о повторении. Так что к чёрту грусть или что-то подобное! Жизнь налаживается — что может быть лучше этого понимания?

И если раньше начало недели я не любил, то сейчас готов признать, что такого крутого окончания понедельника и такого начала вторника я и представить бы себе не смог. С утра, как под заказ, светит солнце, а на дорогах нет пробок. Машины словно расступаются передо мной, и даже никакой камушек под колёса не бросается. Красота!

Поглядываю в маленькое автомобильное зеркало на свою улыбку, ощущая небывалый прилив сил. Даже на учёбу поскорей хочется. Ведь там она. Крылова тоже довольна жизнью сегодня? Или даже и виду не подаст, что сегодняшней ночью кое-что произошло? Посмотрим...

Одарю в аудитории не увидел. Машу Мартынову тоже. Почти уверен, что девчонки в библиотеке.

Здоровуюсь со всеми парнями за руку, обмениваюсь любезностями, а сам хочу скорей в книжное царство. Вот я смешной, конечно. Зачем мне спешить в библиотеку с самого утра? Странные желания меня посещают, и я должен их игнорировать. Однако, мысль эту слышу в своей голове, когда ноги меня несут уже по коридору. К ней.

В библиотеке не нашёл, но увидел в буфете, когда уже махнул на всё рукой и просто отправился за стаканчиком кофе.

— Наидобрейшего утра, Тём, — встречает меня почти у самого входа в обитель еды Стёпа-шалун.

Он тоже идёт за кофе. Идеально гладкие и прямые волосы, уложенная чёлка. Ну, красавец — что ещё сказать?

— «Ар» потерял, — пожимаю главному из чудиков руку.

— Без обид, Тёмар, — с извиняющимся видом машет руками, — я если кофе ещё не выпил, то буквы и даже целые слоги забываю!

И смеётся. Такой вот юмор у парня.

Одаряя стоит в начале длинной очереди. Откуда здесь такая толпа с утра? Обычно ближе к обеду ажиотаж начинается. Встаю в самый конец прямо за Стёпой.

— Артём, привет! — слышу за спиной голос Алины Ивановой.

Она легко коснулась моего предплечья, чтобы привлечь к себе внимание, но сразу убрала руку. Иногда мне кажется, что эта длинноволосая блондинка пытается заигрывать со мной, но ничего особенного не делает и не говорит, чтобы я мог быть уверен в этом на все сто процентов.

— Привет, — отвечаю, повернувшись к ней лицом.

— Видишь её? — кивает головой на Крылову.

— Вижу. И что?

— Знаю, что видишь. Только на неё и смотришь.

— Чего? — удивляюсь.

К чему Иванова сейчас вообще тему такую завела со мной? Не в первый раз, кстати, про Одарюю заговаривает.

— Да так, ничего, — пожимает плечами. — Уже последовал моему совету или ещё нет?

Оглядываюсь на Стёпу, но тот занят болтовнёй с кем-то из очереди.

— Предложить ей денег? Нет, и не думал даже следовать ему, — отвечаю.

— А зря. Она-то на тебя тоже глазеет, — подмигивает Алина.

— Ты тут местная сваха что-ли?

— Ещё чего, — смеётся. — Просто пытаюсь поддержать беседу.

— Все твои беседы сводятся к Крыловой. Что за нездоровый интерес?

— К ней? — фыркает, сморщив нос. — Никакого интереса. Более скучного человека поискать ещё надо!

Какие же тут все странные всё-таки.

Я и Алина продолжаем болтать теперь уже об учёбе и сегодняшних парах, но у меня не получается не следить за приближающейся в нашу сторону Одарией. В её руках стаканчик кофе, и по отличительной этикетке на нём я понимаю, что он довольно крепкий. Даже я такой не пью.

— Приветик, Крылова, — бросаю я в сторону одногруппницы, когда та проходит мимо нас.

Девушка привычно хмурит брови, но движением глаз даёт команду следовать за ней. Я покидаю очередь, даже не оглянувшись на Алину и Стёпу, обратив всё своё внимание на пятую точку впереди идущей Одарии. Плавные соблазнительные покачивания... Ух, я помню какая мягкая и упругая у неё попа... Зажать бы девушку где-нибудь в тёмном углу и...

— Не здоровайся со мной, — поворачивается Крылова ко мне лицом, когда мы вышли в коридор и отошли немного в сторону от входа в буфет.

— Как не здороваться?

— Веди себя, как обычно.

Лицо у неё всё такое же: недовольное, пасмурное и высокомерное. Вот даже не знаю обидеться или посмеяться над странной женской глупостью.

— Даже головой кивать нельзя?

— Даже смотреть на меня запрещаю, — говорит очень даже серьёзным голосом.

— С чего это?

— С того, что мы, вроде, с тобой договорились позавчера обо всём, — а теперь я слышу упрёк.

— Ты просила о нашем уговоре молчать, а не прикидываться, что вообще друг друга не знаем. Что за бред такой?

— Бред, это содержимое твоей черепной коробки. А я тебя в последний раз предупреждаю: никак не выдавай нашу связь.

— Дышать-то хоть в одном помещении с тобой можно?

— Можно.

— Не понимаю. В чём проблема, Ри? Что случится такого страшного, если просто хотя бы здороваться начнём?

— Не хочу лишнего внимания к своей персоне. Мне хватило его год назад.

«Мне тоже в своё время его хватило...», — подумал я, но оказалось, что произнёс это вслух. Одаряя склонила голову набок, но никак не прокомментировала моё тихое высказывание. Вместо этого продолжила:

— И прекрати разносить обо мне информацию.

— И не пытался даже, — фыркаю.

— А что ты сейчас делал?

— Она сама первая начала! Я даже не спрашивал ничего... И подошла она ко мне сама.

— Мне без разницы кто к кому подошёл. Просто не болтай обо мне. Понял?

— Неужели ревнуешь?

— Дебильная ты клоунская рожа, Артём! Я же сказала...

— Понял я, понял, — останавливаю гневную тираду. — Воспринимать тебя только как сексуального партнёра, бездушный объект, инструмент для дочки моего члена.

Мои слова разозлили девушку. Я вижу это по сощуренным глазам и поджатым губам. Сама напросилась!

Я, конечно, понимаю, что горе какое-то случилось и всё такое... Но при чём тут другие люди? При чём здесь я? К ней по-доброму, по-человечески, а она что? Сама-то не клоунесса? Придумала, блин, бойкот всему миру объявить. Тоже мне загадочная какая выискалась.

Не дожидаясь ответных слов и просто валю прочь, широко и уверенно шагая по шумному коридору. Не нужно мне кофе и бред сумасшедшей слушать тоже не желаю. Да пошла она!

И вообще: радоваться буду. Буду радоваться тому, что имею секс с красивой девушкой, не имея при этом никаких обязательств перед ней. И ведь это я даже не урод — Одаряя сама так захотела. Ну, что же... принимаю её условия и просто наслаждаюсь ситуацией.

А ведь я и правда счастливчик. Следуя назад в аудиторию, где будет проходить первая пара, чувствую, как на моём лице снова расплзается улыбка.

Одаря

Я покажу ему «инструмент для дрочки члена». Так покажу, что глаз на всю оставшуюся жизнь в нервном тике будет дёргаться. Этот придурок у меня ещё посмотрит, как дерзить. Возьму и оторву все причиндалы в следующий раз. Будет знать, как тупые шутки шутить

— Одаря, у тебя программа в выходные нормально работала? — обращается ко мне Елизавета Петровна, расстроено хмуря брови. — У меня второй день зависает.

Она сидит за стойкой библиотекаря, когда я взваливаю перед ней очередную партию синих книг, что набрала сейчас во время большой перемены.

— Кажется, всё было в порядке.

— Ох, что же это такое творится...

— Просто временные неполадки из-за прошлых правок айтишника, наверное, — пожимаю плечами.

— Ладно, что у тебя там... — она пододвигает ближе к себе стопку принесённых мной книг, чтобы занести информацию в компьютер.

Я вижу, как искра удивления мелькает в глазах женщины при виде синих обложек. Слишком часто и слишком давно я беру их, чтобы библиотекаря не могла не заметить одну странную закономерность... Да и названия порой обескураживают. Взять, например, ту же «Введение в электроэнергетику и электротехнику»... Но Елизавета Петровна всё ещё держится, не задавая мне лишних вопросов.

Я рада. Кажется, ей просто не так уж и интересна я и мой выбор книг. Это именно то, к чему я стремилась последние месяцы: избежать ненужных вопросов, тупых сочувствующих взглядов.

Артёму я тоже сказала о желании не получать лишнего внимания в свою сторону. Но он как-то, словно случайно, обронил: «Мне тоже в своё время его хватило...». Что это значит? Внимание какого рода парень имел ввиду? Не похоже, что сейчас он его избегает.

— А ты их вообще читаешь? — Елизавета Петровна впервые задаёт мне вопрос.

Это время пришло.

— Некоторые, — говорю уклончиво.

Пусть думает, что я беру их для кого-то из своих знакомых. Главное, что возвращаю всё в целостности и сохранности.

— Я слышала, молодёжь глупостями страдает: какие-то видео снимают все и в Интернет выкладывают. В магазине наберут ерунды всякой... А ты вон...

— Это вы про школьников. А я семье почитать беру.

— Они всегда синие, — смеётся, но видно, что ждёт внятного ответа.

Любопытство всё-таки проснулось в ней.

— Любимый цвет в моей семье, — не придумываю ничего лучше этого.

— Цвет грусти, говорят, — бормочет с растерянным видом.

Круто. Теперь на одного человека, что считает меня странной, стало больше. Мне ли привыкать? Обычно всё равно на это, но тут неловко стало. Ведь у нас с Елизаветой Петровной хорошие отношения, да и коллеги мы как-никак. М-да.

— А нам на первом курсе на паре по психологии говорили, что синий отражает потребность человека в покое. Но он мне только снится. Вы бы знали сколько человек

пришло в прошлое воскресенье позаниматься в рабочей зоне...

Вот так я пытаюсь сдвинуть с неудобной темы, и библиотекарьша поддается, заинтересованная теперь уже моим воскресным рабочим днём.

После, когда мне были выданы все мои книги, быстро запихиваю их в рюкзак, не заботясь о том, как они там лежат, и почти выбегаю из библиотеки. Несусь по коридору быстрым шагом, убегая, сама не знаю от чего. Студенты и различные стенды на стенах превращаются в карусель из цветных пятен. Раздражающих, мешающих мне. Вскоре успокаиваюсь и замедляю шаг.

Какая-то из книг неприятно колет меня в спину острым уголком, и я решаю остановиться. Нахожу укромный уголок в одном из коридоров со свободным пока ещё диванчиком. Кидаю на него рюкзак, наклоняюсь, дёргаю молнию вниз, а затем поправляю неудобно лежащие книги.

Позади раздаются тяжёлые шаги. Если это Угольников, то ему не поздоровится.

Оборачиваюсь и вижу Кирилла Ермолина. Короткие вьющиеся волосы, белая футболка, намеренно обтягивающая широкий торс, голубые джинсы и кроссовки. А ещё наглость на лице — куда же без этого?

— Снова книжки? — кивает на мой рюкзак, стоящий передо мной на диванчике.

— Какого чёрта ты припёрся? — отворачиваюсь.

Не собираюсь я с ним беседовать. С полным намерением игнорировать парня, дёргаю молнию рюкзака, скрывая его содержимое.

— Долго ещё притворяться будешь, что читать любишь? За умную сойти хочешь?

— Отвали.

— Ну, нет. Ты мне ответ всё же: раньше общались, и всё нормально было. А теперь прописка в библиотеке? Серьёзно? Долго ещё этот спектакль будет продолжаться?

Да что ко мне все пристали так в последнее время?! Столько месяцев не трогал особо никто, а теперь проходу никакого не дают! Даже Машка странно активизировалась, а теперь и Ермолин тут как тут. Из-под земли, блин, вырос.

— Скройся с глаз моих.

— А ты теперь социальная или как? — игнорирует моё требование.

Глаза Ермолина устремлены куда-то в район моей шеи, и я понимаю, что так привлекло его внимание.

— Или как.

— В самом деле? — насмешливо подмигивает, кивая на мой синяк от засоса, над которым Артём вчера вечером постарался. — Я вот не уверен.

— Мне всё равно в чём ты там уверен или нет.

— А когда-то заигрывала со мной... Эх, были времена...

Кирилл так закатывает глаза, что хочется немедленно его ударить. Заигрывала, блин. Выдумщик. Вообще не в моём вкусе такие наглые рожи.

— Времена меняются.

— А такие, как ты, точно нет. Только делаешь вид отшельнический, а сама живёшь полной жизнью. Но не с нами, недостойными.

— Обидно тебе, да?

— Совсем неприятная ты стала.

— Вот и отвали тогда.

— С радостью, — насмешливо скалится. — Но сначала...

Лапища этого огромного парня хватает меня за ягодицу, и Кирилл резко притягивает меня к себе. Я даже ахнула от удивления, когда впечаталась в его твёрдую грудь.

— Ты с ума сошёл? — отпихиваю громилу от себя, и тот лениво поддаётся, не переставая проветривать зубы в широкой усмешке. — Весна в голову ударила?

— Не только меня, — подмигивает, вновь опуская взгляд на отметину на моей шее.

— Знаешь что... — собираюсь я отчитать Ермолина, но меня прерывает неожиданный в такой ситуации голос незаметно подошедшего к нам Угольникова:

— А вы чего тут прячетесь?

Спросил шутливым тоном, но в глазах затаилось какое-то странное и непривычное выражение. Руки Артём упёр в бока, губы сжались в тонкую линию. Если бы не знала какой он клоун, то решила бы, что парень просто-напросто ревнует.

Ревность? Смешно подумать даже.

— А ты здесь откуда? — вопросом на вопрос отвечает Кирилл.

— Мимо проходил. Смотрю, а здесь лица знакомые порнуху решили устроить среди бела дня прямо в учебном заведении, да ещё и в коридоре. Не порядок, ребята! — а глаза то меня, то Ермолина нарастающей злобой опаляют.

— Ты, уголёк, новенький и многого не понимаешь ещё о местных обычаях. Иди, дальше мимо проходи, — машет рукой, «выметая» мешающегося одnogруппника.

И какого чёрта я стою тут и пялюсь на эту сцену? А ноги всё равно не шагают. «Дура любопытная», — мысленно ворчу на себя, но не могу перестать наблюдать за мужской перепалкой. Только нарочно медленно вешаю на себя рюкзак, чтобы как-то занять свои руки.

— Интересный обычай, — язвит Угольников. — А он только задницы Крыловой касается или вообще любую выбрать могу?

— Любую не прокатит, — фыркает Ермолин. — Только Одарии. Не желаешь попробовать?

— Ты идиот? — ударяю ещё одного шутника кулаком в плечо.

— Уже... — начинает отвечать Артём, и я в ту же секунду стреляю в него гневным взглядом.

Только попробуй, идиот. Только посмей хоть слово сказать, и я точно тебе всё оторву с корнем. После небольшой заминки парень вновь продолжает говорить...

Артём

Крылова убивает меня взглядом, но я и без неё вовремя соображаю, что только что чуть не оступился.

— Уже не интересуюсь задницей Одарии, — натянуто усмехаюсь. — Думал, горячая штучка, а на деле эта глыба льда даже не здоровается со мной.

— Она ни с кем не здоровается, — отвечает Ермолин, глядя при этом на девушку.

Та в ответ фыркает и закатывает глаза, качая головой, как-бы говоря, какой же Кирилл debil. Я вижу, как постепенно расслабляются её плечи от понимания, что нарушать наш уговор я не собираюсь. Ну, неужели я так на болтуна похож? Обидно даже.

— Ладно, — говорит вдруг она, — вы тут воркуйте, а я сваливаю.

Мне хочется схватить Одарию за руку и задать один интересующий меня вопрос по поводу увиденной сцены, но сдерживаюсь. Просто молча наблюдаю, как удаляется фигура девушки, оставляя меня один на один с Кириллом.

Смотрю на него, а этот «медведь» тоже глаз с Крыловой не спускает. Какого чёрта?

Такая злость меня охватила, когда увидел ускользящую Одарию из его лапищ. Что между этими двумя произошло? Или... происходит. А что если с ним у неё тоже тайный договор на взаимные сексуальные услуги? Я, конечно, уже слышал, что девчонка вовсе не тихоня, но убеждаться в этом именно таким образом мне совсем не нравится и не хочется.

Или Кирилл сам к ней пристал? В любом случае ясно одно: этот парень бесит меня всё больше.

— Не думал, что ты такой правильный, — обращается он ко мне, когда Одария скрывается за поворотом.

— Не особо. Просто спросить хотел у тебя кое-что.

— А лицо такое, будто в рожу мне вмазать хочешь.

— С чего это? — изображаю удивление, но не уверен, что достаточно убедителен в своём актёрском мастерстве.

— Вот и я думаю: с чего?

— Ты мне ещё с прошлой пьянки не нравишься.

— Из-за видео всё ещё дуешься? — кривая ухмылка. — Сопливые воспоминания об измене бывшей... Да, ну и дела, рогатый.

Вроде и шутит и даже по плечу по-приятельски хлопает, но так раздражает одним своим видом.

— Не дуюсь. Просто не нравишься мне.

— Тогда спросить что хотел и почему именно у меня?

— Просто ты первый под руку попался. А у Крыловой бесполезно что-либо спрашивать.

— А ты смелей будь, и она тебе кроме ответов на вопросы много чего ещё даст, — самодовольно усмехается.

— И много она тебе дала? — из последних сил контролирую свой голос.

— Прилично... — тянет многозначительно.

Либо я ему реально сейчас врежу, либо просто нужно последовать примеру Одарии и валить. И я решаю нести отсюда ноги, пока кулаки просто чешутся, а не прибегают к решительным действиям. Молча разворачиваюсь и ухожу, повторяя маршрут одгруппницы

и, теперь уже, своей тайной любовницы.

— Так а спросить-то что хотел? — слышу в спину.

— Не важно.

Что значит это самое «прилично»? Ермолин просто дурака валяет или в его словах есть своя правда? Я вспоминаю наш с ним диалог в первые дни моей учёбы в стенах вуза и не припомню, чтобы Кирилл что-то говорил о своей связи с Крыловой...

— *Одаря не скромняша,* — говорил Ермолин тогда. — *Только новичок такое и мог о ней подумать! Ха! Мне даже смешно. Ты видел сколько дерзости в её глазах?*

— *Видел. На язык тоже ничего.*

— *Про язык не знаю точно...*

Не знает точно... А затем он принялся болтать о её бывшем и о её предполагаемой трагедии, о которой он сам, по его же словам, мало что знает. Значит ли это, что Кирилл просто впустую языком треплет?

Мне не нравится картина, которую я увидел. Мне не нравится вновь испытывать эмоции, которые думал, что уже никогда больше не испытаю. Мне не нравятся воспоминания, которые всколыхнула произошедшая сцена. Какое мерзкое тяжёлое чувство. Это чувство... ревности? Бред какой-то. Просто обычное уязвлённое самолюбие. Хотя в нашем с Одарией уговоре ни слова не было о том, можно ли нам встречаться с кем-то ещё. Теперь думаю, что зря мы не подняли этот вопрос.

Хочу ли я, чтобы кроме меня девушка больше ни с кем не спала? Да, хочу. И мне плевать, что мы не влюблённая пара. Верность можно хранить даже в отношениях на основе секса.

Оказавшись в аудитории, сажусь рядом с Рыжковым, и тот мне что-то говорит, но я не слышу, увлечённый своими мыслями. Лишь рассеянно киваю и интуитивно поддакиваю, где это нужно.

Всё то, что только что случилось, неизбежно напомнило мне о Кристине. Я так и не скинул ей номер Константина. Удивительно, что бывшая терпеливо ждёт и не выносит мне мозг постоянными звонками. Когда она в последний раз мне звонила? Кажется, в четверг.

Хватаю мобильник и, пока не забыл, захожу в ненавистный диалог, чтобы отправить добытый у матери номер телефона своего отчима.

— *Мобильный номер Константина, как ты и просила. Больше ничем помочь не могу.*

Её нет «онлайн», и мне всё равно. А когда-то давно считал минуты отсутствия девушки. Ох уж эта нелепая влюблённость — что она с людьми делает?

— Твоя? — спрашивает Даня, заглядывая в мои диалоги на экране телефона. — Красивая.

Староста одобрительно кивает при виде фотографии на аватаре у Кристины. Ну, да. Красивая. Но мне пофиг. Одаря покрасивей будет, если честно. Бросаю взгляд в сторону окон и вижу спину Крыловой, а рядом с ней и Мартынову.

— Хм... — не находясь с ответом и делаю вид, что слишком занят перепиской.

В эту же секунду на экране телефона активизируется новый диалог. С Крыловой. Она только что написала мне сообщение, и я от неожиданности почти подпрыгиваю, сразу отгораживая ладонью свой телефон от Рыжкова, чтобы тот не увидел имя одноклассницы. Сама же, блин, себя чуть не подставила! Нашла время сообщения мне строчить...

Даня удивлённо усмехается при виде моей реакции и теперь выглядит ещё более

заинтересованным. Усмехаюсь в ответ. Такой вот я нынче загадочный!

— Что же такого там твоя Кристина тебе написала? — спрашивает Даня. — Неужели пошлости всякие?

Хитро улыбаюсь, а сам, всё так же прикрываясь рукой, читаю:

— *Как на счёт сегодня?*

— *С радостью,* — быстро набираю ответ и сразу отправляю.

— *Понравилось и хочешь ещё?* — подмигивающий смайлик в конце сообщения.

— *Я всегда только «за»!*

— *Отлично. К восьми вечера буду.*

— *Я мог бы и подъехать за тобой.*

— *Мог бы, но не станешь.*

— *Почему? Подъеду, если попросишь.*

— *И не собираюсь просить. Общественный городской транспорт и без тебя с моей перевозкой справится. Не утруждай себя.*

— *Ты боишься чего-то?*

А иначе я не понимаю почему Крылова отказывается от такого предложения. Любая другая сразу бы согласилась, а ещё бы и до вуза возить просила.

«Близости», — мелькнула мысль. Прямо как я, получается. Я после отношений с Кристиной поранился так, что и думать о построении романтических отношений не хочу, а Одария после кого?

Так, стоп. Опасно думать, что мы с ней чем-то похожи. Всё совсем не так, а я просто фантазирую сейчас не к месту.

— *Только того, что у тебя внезапно упадёт,* — приходит ответ.

— *У меня всё в порядке, не переживай. Жду тогда в восемь.*

— *Жди.*

Выхожу из диалога, выключаю телефон. Рыжков тоже завис в своём мобильнике, но выжидающе уставился на меня, когда я закончил вести переписку.

— Да, пошлости, — отвечаю на его недавний вопрос.

— Повезло тебе. У меня вот уже полгода нет девушки. Всё пытаюсь познакомиться с кем-то, да всё что-то не то, — Даня со вздохом поправляет свои очки в чёрной оправе, делаясь сейчас таким серьёзным.

— Да, повезло, — улыбаюсь.

Ещё бы только понимать, один я у неё или есть кто-то ещё... Я должен это выяснить.

Одаря

«Ты боишься чего-то?». Боюсь? Я? Не тебя, Артём, уж точно. Хотя этот вопрос заставил меня задуматься. Неужели про меня можно и в самом деле подумать, будто испытываю страх? Одаря Крылова чего-то боится? Ну, нет.

Моим единственным желанием было отгородиться от всех, разобраться со свежей травмой и разрешить задачу по поиску той заветной книги, которую ищу. Но не получается ли так, что своими действиями и новым способом жизни, вызываю то самое излишнее внимание к себе и даже жалость? Совсем не такого эффекта я хотела.

— Ты квартиру далеко от вуза снимаешь? — интересуюсь у Маши, когда заканчиваю переписку с Артёмом и убираю телефон в сторону.

— Какой неожиданный вопрос ты задаёшь... — с неуверенной улыбкой уставилась на меня Мартынова.

Девчонка аж глаза вытаращила, забыв о терминах, которые повторяла перед предстоящим практическим занятием по радиожурналистике. Хотя я уверена, что Антон Павлович ей в любом случае поставит хорошие баллы, как бы она не ответила. Уж больно нравятся ему тихие и скромные студенты, не создающие лишних проблем. Забавно, но теперь и я с определённых пор в числе не отвечающих.

— Пригласишь в гости?

— Ты? В гости? Ко мне? — подруга удивляется всё больше.

— Ну, да, — пожимаю плечами с такой беспечностью, словно каждый день к Машке домой гоняю. — А потом ты ко мне. Или наоборот хочешь?

— А зачем?

— Как зачем? Мы же подруги, вроде. И не ты ли говорила, что пора мне попробовать что-то новое, светлое и жизнерадостное. Вдруг мне и правда понравится? И тебе заодно.

— Я возле набережной живу, — отвечает с улыбкой. Можешь приходить в любой день, Ри.

— В любой не могу. Сегодня точно нет, — на секунду замолкаю, вспоминая прошлую встречу с Угольниковым. — А как же твой парень? Разве у вас не всё хорошо?

— Всё хорошо, — краснеет в щеках. — Но подруга мне важнее. Тем более та, которая впервые за всё время нашей дружбы захотела прийти в гости, да ещё и к себе приглашает... Я приятно удивлена.

— Что же, я рада, что смогла сделать тебе приятно, — двусмысленно усмехаюсь.

Правда невинная и такая правильная Машка Мартынова всё равно моей шутки не поняла.

Но игривое настроение всё равно не желало покидать меня весь день. В душе непривычная лёгкость, а в голове рассеянность от мыслей о предстоящей встрече с любовником. Ах, это слово! «Любовник» — звучит гордо и вкусно.

Вдруг поймала себя на том, что мучительно долго обдумываю то, в каком белье мне сегодня приехать и в какой одежде. Платье? Слишком романтично. Джинсы? Уже были. Брюки? Или юбка? Остановилась всё же на лёгких хлопковых брюках модного нынче синего цвета и простой белой футболке.

Почему стрелка часов так медленно ползёт, когда чего-то ждёшь? Выполнила всю

домашку (ну, ничего себе!) и даже поработала над курсовой работой, до которой обычно руки не доходят. Ещё и всё в квартире перемыла, чтобы время быстрее пролетело. Вот же нетерпеливая.

Так сегодняшняя среда и пролетела, приближая заветный вечер, где только я, стоящая на пороге квартиры Угольниковка, и, собственно, он сам.

— Приветик, угольный человек, — целую его поочередно в обе щёки, забавляясь.

— Добрый вечер, уважаемая!

Артём не остался в долгу и тоже начал кривляться. После такого весьма саркастично-официального приветствия парень пиявкой присосался к моим губам, сминая их, как самую вкусную пищу на свете. А я и не против вовсе: обхватываю руками мужскую талию, чтобы быть ближе.

Мы целуемся почти минуту, продолжая стоять у порога, но в следующий момент парень отстраняется от моего лица. Его широкие ладони хватают меня за ягодицы, удерживая, а сам Артём пристально уставился в мои глаза. Как если бы собрался сказать что-то очень важное и серьёзное.

— У тебя с Кириллом какое-то общее прошлое? — внезапно озадачил он меня.

— Конечно, — усмехаюсь.

— Конечно? — хмурится.

— Ага.

— А конкретней?

— Ну, мы же учимся третий год вместе. У меня со всеми одногруппниками, кроме тебя, общее прошлое.

— Ты же прекрасно понимаешь о чём я спрашиваю.

— Любопытный?

— Вроде того.

— Поцеловались один раз на вечеринке, когда перваками ещё были, — пальцы Угольниковка сильнее сжимаются на моей попе, только ещё больше заводя и без того заинтересованную меня.

— И всё?

— И всё. Ты что хотел, чтобы я тебе расписала сцену секса с Ермолиным? Дрочил бы на это? Или что?

— Так этой сцены же не было... — склоняет голову набок, удерживая контакт глазами.

— Не было, — не сдерживаю смех. — Увы и ах! Не в моём вкусе. Да и занята я была.

— Зачем тогда целовалась с Кириллом? Для тебя это норма?

— Пьяные были, — нагло улыбаюсь.

А что? Сам-то святой что-ли?

— Я это всё к чему... Мы не обговорили вопрос о возможности или невозможности других партнёров для каждого из нас.

— Хочешь ещё кого-то начать потрахивать?

Неожиданно неприятно стало. Неужели этому смазливому балбесу меня мало?

— Не хочу, — голос парня становится тише. — А ты?

— Групповуху предложить хочешь? — мурлычу Артёму в ухо, чтобы лишний раз подразнить.

— Не хочу, — говорит со всей серьёзностью, не поддаваясь на мой игривый тон. — Так

что на счёт тебя? Я бы хотел, чтобы мы встречались только друг с другом.

— Знаешь... я тоже, — признаюсь. — Не хотелось бы венеричку из-за тебя потом лечить.

— Значит договорились?

— Да.

— Тогда перейдём к самому интересному... — наклоняется так близко, что наши носы соприкасаются.

— О, да... — широко улыбаюсь от предвкушения.

Мы снова поцеловались, но на этот раз коротко и с характерным громким чмоком, чтобы тут же отправиться в комнату, где уже ожидает одинокая и пустая кровать. Ну, ничего, подружка из «ИКЕА», сейчас мы тебя развлечём и согреем.

— Я уже помылся перед твоим приходом, — говорит Артём, неспешно стягивая с себя футболку.

Зачем вообще её надевал? Чудной какой.

— Я тоже, — отвечаю, вытаскивая из под пояса брюк и свою футболку.

— погоди, — парень хватает меня за запястья, мешая мне раздеваться. — Я сам.

— Хорошо владеешь искусством раздевания и хочешь продемонстрировать мне свои навыки?

Вместо ответа Угольников молча склоняется немного вниз, чтобы оказаться лицом на уровне моего живота. Он принимается медленно поднимать такой теперь уже раздражающий меня материал, попутно одаривая мою оголяющуюся кожу лёгкими укусами, которые тут же сразу зализывает тёплым влажным языком. Ох, я помню этот язык...

Медленно, всё выше и выше. Щекотно и одновременно с этим сладко, на грани боли. Зубы, губы и язык парня перемещаются вверх до тех пор, пока не становится видна моя грудь, не скрытая лифчиком. «Да, я его не надела», — мысленно отвечаю на немое удивление на мужском лице.

Я вижу, как он восхищён открывшимся видом. Я просто упиваюсь этим наблюдением и хочу видеть эту эмоцию Угольникова, обращённую ко мне, снова и снова...

Футболка вскоре отправляется прочь, брошенная куда-то в кресло в углу комнаты, а я остаюсь стоять в одних брюках и носках. Бедняга Артём ещё не подозревает...

— Ты ещё и без трусов? — удивляется, когда расстёгивает пуговицу и ширинку на последнем предмете моей одежды.

— Потеплело на улице... — усмехаюсь.

Я повторяю за Артёмом, расстегивая пуговицу на его джинсах, и аккуратно тяну молнию вниз, высвобождая набухший бугорок, что пока ещё прячется от меня за трусами. Вскоре мы это исправим...

— Боюсь узнать, как ты одеваешься летом, — тихо и коротко смеётся.

— Не надо бояться, — мы одновременно избавляемся от своих штанов. — Надо любоваться, гладить и целовать!

— Это я с радостью!

Меня снова, как в прошлый раз, хватают и поднимают на руки, чтобы тут же сразу мягко бросить на кровать. Спину в миг холодит прохлада простыни, но это только больше обостряет все мои чувства. Угольников обхватывает ладонями мои груди, а затем склоняется к ним и...

Артём

Они мягкие, тёплые и упругие. Соски упираются мне в ладони твёрдыми горошинами, и это окончательно сводит меня с ума. Я нетерпеливо склоняюсь к женской груди, как к самому вкусному в мире пирожному, чтобы втянуть в рот поочередно каждую из аппетитных «вишеночек». Пробую на вкус, обводя языком, и кажется мне, что соски стали от моих действий ещё твёрже.

Это одно из лучших ощущений, какое только можно испытать. Одаря тихонько стонет подо мной, когда я проникаю в неё пальцем, продолжая при этом мучить груди своими губами. Я и сам готов начать едва ли не рычать довольным зверем, ощущая как начинает двигаться женское тело подо мной, реагируя на мои пальцы и ускоряющийся темп.

Там, внизу, всё мокрое и скользкое. Стройные ноги раскиданы в стороны, а я расположился между ними, окружённый, зажатый ими, как в тисках, но при этом бесконечно счастливый. Мне слышны влажные чавкающие звуки и наше шумное от взаимного возбуждения дыхание. Так пошло, но невероятно приятно и... как будто даже уютно. Уют? Странное слово, но именно оно приходит мне на ум, ведь я чувствую себя сейчас просто максимально «в своей тарелке». Тело Одарии гладкое, нежное и тёплое. Я мну все его участки, все места, до которых только могу дотянуться. И облизываю, и кусаю, и целую её всю. А девушка в ответ царапается и вбирает зубами кожу на моей шее и плечах.

В момент, когда я уже готов войти в самое сладкое место, девушка вдруг обхватывает обеими руками мой возбуждённый орган и принимается водить по нему вверх-вниз. Я заворожённо наблюдаю за тонкими пальчиками половину минуты, отмечая про себя, как эротично они смотрятся на мне. Но долго игратья собой я не даю: беру запястья Одарии, тяну вверх и располагаю их над её головой, фиксируя одной своей ладонью.

— Нет, так не пойдёт, — шепчу ей в лицо. — иначе всё закончится не так, как я планирую.

— У тебя целый план разработан? — усмехается с хрипотцой в голосе, которая меня заводит ещё больше.

— На тебя у меня сегодня весьма большие планы... Ты же, надеюсь, никуда не торопишься?

— После таких многообещающих слов я бы отменила все дела, даже если бы они у меня и были.

Крылова дёргает руками, пытаюсь их освободить от моего захвата, но я не отпускаю. Глаза в глаза, и я одним плавным движением, наконец, вхожу на полную длину. Сначала медленно, но с каждым толчком всё быстрее и сильнее...

В самый горячий момент я выпускаю тонкие запястья на свободу, но лишь для того, чтобы обхватить скользкие от выступившего пота бёдра и притянуть их ближе к себе. Я сжимаю упругие женские ягодицы, толкая их себе на встречу с такой силой, словно хочу пресечь попытку побега. Но Одаря и не думает сбегать от меня. Она впивается пальцами в мою спину, не имея другой возможности не потеряться в лавине нашей общей страсти.

Я и сам потерял и опустошён, но в хорошем смысле. Лежу на ней, восстанавливая дыхание, и не могу найти ни одной внятной мысли в своей голове. Всё спуталось, покрылось дымкой и стало неважным. Это похоже на вакуум, где есть только я и девушка подо мной.

— Не могу больше, — сбивчиво шепчет Одария, толкая меня ладонями в бока. — раздавишь.

— Извини, — приподнимаюсь на локтях и откатываюсь набок.

Она такая дерзкая и злая на язык, но такая маленькая и хрупкая в моих руках... Сумасшедший контраст. Но даже когда она говорит всякие гадости, меня всё равно необъяснимым образом тянет к ней. И даже переспав с ней уже второй раз, мне всё ещё мало.

Вот же зацепило как.

Я получаю толчок в плечо и понимаю, что потерялся в воспоминаниях о сегодняшней ночи.

— Откликнись хоть, — говорит мне Даня, возвращая меня в реальность, — отмечают же.

— Я здесь! — резко поднимаю руку, чтобы Екатерина Геннадьевна, преподавательница, узрела моё присутствие и не подумала, что я прогульщик.

Хотя, по правде говоря, мыслями я всё же прогуливаю пару, находясь где-то в совершенно другом месте. В собственной кровати. С ней. Я бы с величайшим наслаждением лучше продолжил вспоминать наш второй заход за сегодняшнюю ночь, чем принялся бы вникать в пресный учебный материал. А ведь перевёлся на очное, чтобы понимать больше, учиться... «Вечно эти женщины всё портят», — мысленно проворчал, да только улыбка так и просится при этом. Кажется, я совсем не расстроен.

Бросаю взгляд в сторону Крыловой, а та в свою очередь смотрит куда-то в сторону. Поворачиваю голову туда же и вижу Иванову Алину, что сверлит взглядом мою тайную любовницу. Какая-то тонкая невидимая нить напряжения протянулась между ними через всю аудиторию или мне кажется?

И ни у кого не спросишь ведь... Одария напомним, что мы просто сексом занимаемся. Алина отшутится. К Ермолину, главному болтуну и сплетнику группы, я и сам подходить не хочу. Даня? Смотрю на Рыжкова, сидящего рядом со мной, но вопрос всё же не задаю. Обычные девчачье тёрки — ничего интересного.

— Чего такое? — спрашивает староста при виде моего интереса к его персоне.

— Да ничего, — отмахиваюсь, — пара ещё толком не началась, а я уже с ума от скуки схожу.

— Ах, да, — понижает Даня голос, чтобы не привлекать внимание преподавательницы, — ты же ещё не знаком с приколами Екатерины Геннадьевны.

— Что за приколы?

— Ей хоть и пятьдесят, но жару задаёт ого-го! Никакого покоя с ней: весь семестр мучает нас своими заданиями. А тётка она злопамятная, и если что не выполнишь, то на экзамене потом хоть могилу рой себе. Так что не долго тебе на скуку жаловаться осталось.

Даня, как в воду глядел. Екатерина Геннадьевна, закончив отмечать всех присутствующих, выглядит сейчас весьма довольной. Она оглядывает всех присутствующих с каким-то предвкушением и явным намерением сообщить нам нечто интересное. Так и случилось:

— Следующее практическое занятие будет особенно важным. Прошу отнестись к нему максимально ответственно и послушать меня сейчас внимательно, — она поправляет очки, как и каждый раз когда считает, что говорит что-то очень важное. — Вам всем известно, что

в нашем городе недавно открылся частный парк аттракционов. Вашим заданием будет разбиться на пары по принципу «мальчик и девочка», в течение недели взять интервью у его сотрудников. Директор парка предупреждён и будет вас ждать.

— А за неделю разве реально такую работу проделать? — стонет Стёпа-шалун.

— Стёпа, — отвечает преподавательница, — а специально для тебя ещё и добавлю, что профилонить не получится. Вы должны будете встретиться с директором парка и подтвердить своё прибытие. Список отметившихся он передаст лично мне. Так что дорогие мои, — обращается она уже ко всей группе, — ноги в руки и за работу! Недели вам вполне хватит. Итак... кто с кем работать будет?

Все начинают галдеть и поднимать руки, выкрикивая фамилии своих будущих напарников. «Я с Ивановой!», — звучит голос Стёпы, и до меня кое-что доходит. Ермолин пока молчит, выжидая свою очередь, но я вижу как взгляд его косит в сторону Крыловой. Могу ли я допустить такое? Я обещал молчать о нашей с ней связи, но разве наше партнёрство для практического занятия нарушит это правило? Даже если и да, то молча терпеть этих двоих в паре я не намерен.

— Я с Крыловой! — выкрикиваю сразу, как только выдалась секунда тишины.

Одаря оборачивается и с прищуром смотрит на меня. Так вдруг волнительно стало, что аж кровь по венам быстрее понеслась. Воспротивится и скажет «нет»?

Словно вся аудитория застыла в ту же секунду в ожидании реакции девушки. Чувствую заинтересованные взгляды на себе, на Крыловой, а сам затаил дыхание, нервно поигрывая ручкой у себя в руке.

Одаря

— Я с Крыловой!

И сразу весь мир сузился до одного человека. Артёма Угольникова. Я поворачиваюсь назад на соседний ряд аудиторных столов и вижу уверенный взгляд одnogруппника. Парень не усмехнулся, не помахал мне рукой или что-то вроде того. Он сразу заметил моё внимание, но никак не отреагировал. Никакой эмоции, никакого кривляния, никакой дурацкой шутки.

Все остальные тоже уставились на нас. Но кто придаст значение жесту новенького? Он же совсем недавно с нами и много не знает.

Долго заминка не длится: Екатерина Геннадьевна кивает головой и делает пометку в своей тетради. Я так ничего и не ответила, и моё молчание было принято за согласие.

Продолжают звучать новые фамилии и имена, все выбирают себе пару, а кто-то даже спорит. Про меня и Артёма уже забыли. Но не Машка.

— Мне показалось, что новенький как-то выделяет тебя среди остальных девушек из нашей группы, — тихонько шепчет мне Мартынова.

— Думаю, тебе всё же показалось.

— И ты ведёшь себя немного иначе.

— Потому что вчера к тебе в гости решила напроситься?

— В том числе.

— Разве ты не рада моим изменениям?

— Рада. Просто необычно всё это.

— Необычно то, что ты парня себе завела, — тычу в неё пальцем. — А я лишь возвращаюсь к прежней версии себя.

Поверить не могу, что произнесла такое. Сама себе удивляюсь. Но что сказано без раздумий, то имеет смысл обдумать. Ведь не просто так из нас вырываются какие-то слова без нашего же ведома.

Хотя... чему я удивляюсь вообще? Да, взбодрилась в последнее время. И что такого?

А по поводу жеста Угольникова я всё же оказалась права: одnogруппники и не вспоминали сегодня произошедшее на паре у Екатерины Геннадьевны. Никто ко мне не подходил, вопросов не задавал и косо не смотрел.

Я и сама не особо расстроилась, что Артём теперь мой напарник по практическому домашнему заданию. Как-то даже радостно. Уж пусть лучше он, чем какой-нибудь Ермолин или Стёпа.

Именно с таким оптимистичным настроем я и иду к автобусной остановке, когда все сегодняшние пары уже позади. Даже тучи, что заслонили небо, не влияют на моё настроение. И даже незнакомая неуклюжая девчонка, врезавшаяся в моё плечо из-за собственной рассеянности, заслужила от меня только ироничный взгляд, а не злобную тираду.

И откуда только такие сонные мухи берутся? Мартынова и сама немного такая же, но её почему-то терплю и в какой-то степени даже обожаю.

В воздухе появился тот особенный запах, предвещающий скорый дождь, и поднялся лёгкий прохладный ветер. Нужно спешить. Собираюсь перейти дорогу на «неофициальной» зебре, но путь преграждает машина. В окне с опущенным стеклом смазливая мордашка

Угольников. Ну, неплохая тачка у парня, что сказать.

— Залезай в машину, — кивает на пассажирское сиденье рядом с собой.

— Ещё чего! — фыркаю. — Мы же уже обсуждали эту тему.

— Я и не предлагал тебя до дома подвезти, — говорит нарочито грубо. — Поговорить надо.

— Только не долго, — поднимаю голову вверх, оглядывая чернеющие тучи.

Похоже, сегодня может случиться первая гроза. Быстро обхожу машину спереди и усаживаюсь рядом с Угольниковым, не сильно хлопнув за собой дверь.

— Ну, привет, напарница по взятию интервью, — поворачивается ко мне Артём.

— Тебе было мало того, что мы партнёры по сексу?

— Партнёрами по учёбе тоже быть весело, я думаю.

— Учёба для тебя определяется понятием «весело»?

— В компании таких одноклассников да, — усмехается.

— Что же, — коротко смеюсь, понимая о чём он. — Мы тут все придурки. Каждый по-своему. Так о чём разговор?

— У нас всего неделя. В следующий четверг мы уже должны будем отчитаться о совместной проделанной работе. Поэтому предлагаю пойти в парк в выходные.

— В выходные не могу. Я же работаю.

— Ах, да. Библиотека, — говорит насмешливо.

— Да, — не поддаюсь на иронию в его голосе.

— Отгул? Заявление с доказательствами о том, что для учёбы надо отлучиться?

— Мы можем и вечером после пар сходить, — пожимаю плечами. — Выберем день, когда пар меньше. Не обязательно же в этом парке весь день торчать. В понедельник, например, день у нас не так загружен.

Артём несколько секунд смотрит на меня, и мне никак не понять, что за выражение приняло его лицо в текущий момент. Он удивлён? Разочарован? Заинтригован? Что, блин, означает этот его взгляд?

— Ты настолько кайфуешь от этой библиотеки, что не хочешь воспользоваться уважительной причиной взять отгул на один день? — прервал он, наконец, тишину.

— Да.

— Почему именно библиотека? Почему не официантка в кафе или не продавец-консультант?

— Тебе какое дело? — начинаю раздражаться. — Самому-то охота выходной тратить?

— Слушай... — тянет задумчиво, — один единственный вопрос, и я отстану от тебя с этой темой. Книжки почему синие?

Потому что.

— Потому что люди, печатающие их, так решили. Не знаю, кто там эти вопросы решает. Может, дизайнеры, а может, кто-то другой.

— Ты же понимаешь, что я имею в виду, — Угольников слегка раздражённо вздыхает, и я понимаю, что моим ответом он разочарован.

Спешащие с пар студенты и просто разные прохожие обходят машину, мелькая цветастыми пятнами прямо передо мной. Меня и этих людей разделяет лобовое стекло, а я чувствую странную нужду потревожить такое же «стекло» между мной и Артёмом. Поэтому спрашиваю:

— Что значило твоё: «Мне тоже в своё время его хватило...»?

— Кого или чего? — в непонимании нахмурил брови.

— Лишнего внимания, — уточняю.

— То и значило.

— Внимания от кого и по какому поводу?

— С чего это ты решила в моей жизни покопаться вдруг? Мы же только о сексе договаривались. Поэтому не думай, что мне теперь можно в душу влезать.

Ого, неужели разозлила? Ну, я тоже злиться умею.

— Вот и ты не лезь в мою.

— А когда такое было? Я лишь про книги спросил.

— Больше не спрашивай.

Артём вновь нахмурил брови, в задумчивости склонив голову чуть набок. Он пристально смотрит мне в глаза, словно пытаюсь найти в них ответы на свои вопросы.

— Понял, — отвечает, кивая. — В понедельник, так в понедельник.

— А душа мне твоя и не интересна. Не воображай, — зачем-то снова ставлю его на место.

Не потому ли, что на мой вопрос отказался ответить? «Как и ты на его...», — добавляет внутренний голос.

— Зато мой член тебе интересен — так даже интересней.

Уязвлённое мужское самолюбие даёт о себе знать: парень нагло обхватывает ладонью моё колено и слегка сжимает его. Я замороженно наблюдаю за тем, как рука Угольниковой принимается скользить вверх по моему бедру, приближаясь к краю юбки, а затем ныряет под неё и движется к краю трусиков. Там и останавливается, делая моё дыхание более тяжёлым.

— Ты ко мне явно не равнодушен, — выдыхаю.

— Конечно, — понижает голос. — Бесплатная и ничего не требующая вагина — какой мужчина останется равнодушным?

— Точно не ты, — шлёпаю по руке парня, отодвигаясь.

Артём не возражает, послушно убирая свою лапищу.

— Что ты этим хочешь сказать? — он будто даже оскорбился.

— Такие смазливые морды, как ты, только и рады потыкать в кого-нибудь членом.

— А такие стервы, как ты, только и рады ноги раздвинуть перед такими, как я! — ух, какие искры полетели!

— Сегодня не раздвину. Смотреть на тебя не могу, какой же противный.

Как мы вообще пришли к такой грызне? А началось всё с простого обсуждения интервью в парке аттракционов...

— Ты секси, но ровно до тех пор, пока не откроешь рот и не начнёшь извергать из него свою дерьмовую речь. Лучше бы ты этим ртом другие вещи делала.

— Свою дерьмовую речь я засуну тебе в задницу! — тянусь к ручке двери, но Угольников успеваает её заблокировать. — Отвали от меня!

— Довезу до остановки.

— Я хочу выйти, — и сразу первые капли дождя звонко ударили в окна.

— Выйдешь на остановке, — ответил тоном, не допускающим возражения.

И ведь делать нечего — приходится молча сидеть и ждать освобождения. Внутри кипит злость от нашей перепалки, а деть её никуда не могу. Не побью же водителя, который меня

везёт и отвечает за мою жизнь и безопасность? И разговаривать не хочу.

А сквозь пелену немой ярости тонкий голосок где-то внутри: «А ведь мог бы и высадить тебя, наплевав на дождь...».

Артём

В выходные я и Крылова не общались. Так и стояла перед глазами сцена, как девушка пулей выскакивает из моей машины и мчится под крышу автобусной остановки. Словно гнался за ней кто. А я бы и рад схватить её за руку и усадить обратно в тепло салона, да только не дурак. К чему моё рыцарство, если оно никому не нужно? Одарии не нужно.

Раз она работает и очень занята своими книгами, то и мне стоило бы заняться делом — так и поступил. Девчонки девчонками, а деньги зарабатывать тоже нужно не забывать. Так, от скуки или от раздражения, я выполнил за прошедшие выходные едва ли не недельную норму. Почти все заказы завершил — и как только жив остался? Зато теперь на эту неделю у меня больше свободного времени...

Но на что его тратить? Воображение услужливо подбрасывает мне картины сплетённых в страстном танце двух обнажённых тел, а затем, как бы невзначай, глаза Одарии, которые хитро взирают на меня, будоража, вызывая внутренний непонятный трепет. Совсем не такой, как обычно с другими девушками.

Порыв тёплого ветра привёл меня в чувство. Смотрю на наручные часы, а затем на входные ворота парка аттракционов. Одария задерживается на пять минут. Договорились после пар заскочить по своим домам, чтобы поесть, переодеться и привести себя в порядок, а затем встретиться здесь, у ворот, ровно в пять вечера. Ещё в течение пяти минут я буду спокоен, как скала, но если одnogруппница придёт позднее десяти минут, то... То что? Отшлёпаю — вот что.

Мимо снуют семьи с маленькими детьми и шумные подростки. Из самого парка слышатся визг и смех. Сам я ни разу сюда не ходил, но Даня Рыжков говорил, что парк на самом деле интересный, и в нём запросто можно зависнуть на весь день. «Много всяких локаций там. Прямо мини-городок», — рассказывал староста. Это, конечно, различные аттракционы, кафе, продажа уличных сладостей, свой бассейн, а по вечерам даже живая музыка бывает... От рассказов Дани я был и всё ещё нахожусь под впечатлением.

— Давно ждёшь? — раздаётся за моей спиной голос Крыловой спустя ровно пять минут.

— Опаздываешь, — поворачиваюсь к ней и с удивлением окидываю взглядом её лёгкое и по-настоящему девчачье платье.

Слишком уж романтичный наряд для этой острой на язык персоны. Я аж не знаю куда глаза деть, чтобы не выдать своего восторга. Обычно на Одарии что-то сексуальное, а не милое и трогательное, вызывающее желание приобнять или взять за руку.

— Всего на несколько минут.

Она, несколько не смущённая, не обращает внимания на моё замечание и проходит через входные ворота. Я иду следом. Девушка даже ведёт себя более спокойно и расслабленно. Словно сделала глубокий вдох и выдохнула всю свою злобу и агрессию. Настолько зарядилась за выходные работой в библиотеке? Это же насколько нужно любить свою работу...

Или дело в её сегодняшнем отсутствии на парах? Где она пропадала? В вузе девушка сегодня вообще не появилась. Уж не потому ли настроение такое благосклонное? Встречалась с кем-то? Ходила куда-то?

Задать вопрос не решаюсь. Не спросил во время дневной переписки в «Вконтакте», не

спрошу и сейчас. Договорились же: без лишних вопросов и пересечения личных границ.

Но как же меня начинают раздражать эти наши договорённости.

— За эти несколько минут я успел увидеть здесь пару наших одноклассников, — говорю вовсе без намерения начать ссору.

— Не удивительно. Говорила же, что по понедельникам у нас меньше всего пар — вот и другие смекнули, что сегодня самое удачное время, помимо выходных.

— Многие всё же сходили в субботу. Прямо целой толпой.

— Ну и пусть. Тебе-то что с этого? Всё ещё расстраиваешься, что я в выходные не согласилась пойти сюда?

— Нет, не расстраиваюсь. Работа и у меня была — унывать некогда было.

— Вот и замечательно. Пойдём сразу к директору?

Она оборачивается ко мне, являя своё привлекательное лицо, освещаемое солнцем, и я хочу поцеловать её с такой силой, словно никогда не делал этого. Похоже, я соскучился по ней за прошедшие три дня.

— Да, отметимся у него, а уже после пойдём по парку, ни о чём не волнуясь.

И всё же делаю шаг ближе и слегка склоняю голову к лицу Одарии. Конечно, она отшатывается и смотрит с осуждением. Ну, да. Другие же увидеть могут.

— Зачесалось? — спрашивает, несколько не стесняясь того факта, что мы уже почти у самого административного одноэтажного здания и можем быть услышанными.

— Угу. Сегодня приедешь? — открываю дверь корпуса, пропуская девушку вперёд.

— Скорее да, чем нет. В зависимости от того, насколько мы здесь задержимся.

Мы оба оглядываемся по сторонам, ведь вокруг никого нет и некому подсказать в какую сторону нам стоит пойти. Одно хорошо: слышатся голоса людей. Иду на источник звуков, отмечая про себя солидный, но вместе с тем скромный вид внутреннего убранства.

— Смотри, — Крылова дёргает меня за руку и тычет пальцем в противоположную сторону, где виднеется на одной из дверей табличка «Директор».

Вскоре мы оказываемся лицом к лицу с владельцем парка аттракционов. Он нас отмечает, но вежливо сразу же выпроваживает из своего кабинета, отказываясь от короткого интервью. Вместо этого усатый пятидесятилетний дядечка всучил нам в руки лист с напечатанным текстом. Подозреваю, такие листы были вручены всем моим одноклассникам, чтобы не задавали одни и те же вопросы и не отнимали время у бедного директора.

В тексте в виде тезисов изложена история создания парка, внутренний свод правил для сотрудников и посетителей, информация об акциях, планах на развитие, сотрудничество с мелкими частными предпринимателями, что торгуют на территории и прочая ознакомительная информация.

— Нам же проще, — пожимает плечами Одария, и я киваю, соглашаясь с ней.

Далее мы принимаемся изучать территорию парка, ориентируясь на навигацию с указателями и берём три коротких интервью. Пообщались с продавцом билетиков на колесо обозрения, со смотрящим бассейна и даже с посетителями (семейной парой с пятилетним сыном).

«Здравствуйте, мы такие-то такие, из такого-то вуза и по такой-то причине...». К счастью, сами сотрудники парка уже осведомлены о приходе студентов в текущую рабочую неделю и не были удивлены. Кто-то охотно, а кто-то не очень, но все без проблем

поддержали нашу игру в «интервью», хотя некоторые и старались скорее отделаться от нас.

В какой-то момент я и Одария остановились на дорожке, думая, куда двинуться теперь. Ведь материала для отчёта Екатерине Геннадьевне всё ещё было не достаточно. Пока Крылова вертит в руках листовку с планом парка, я оглядываюсь по сторонам.

— Я знаю, что нам срочно нужно сделать, — словил я внезапное вдохновение.

— Взять интервью у ещё пары работников и сделать несколько фото?

— И это тоже, но сначала... — целенаправленно устремляюсь к будке с мороженым.

— Куда ты? — недоумеваает, но следует за мной, сворачивая листовку.

— Покупать нам мороженое.

— Мороженое? Ты в своём уме? Это не свидание, а практическое задание! Может не будем тратить время на всякую ерунду?!

— Мы должны проверить это мороженое на вкус! А не просто мимоходом указать в нашей статье, что оно тут продаётся. Заодно с продавцом перекинемся парой слов.

— Просто скажи, что есть захотел, и теперь отвлекаешь нас от работы, — ворчит, но идёт следом за мной.

Да что же ты такая... Даже слова подобрать не могу! Серьёзная, холодная, скучная и так далее по списку!

— Да расслабься ты уже, — раздражённо фыркаю. — Если уж нам в любом случае необходимо шариться по этому парку, то почему бы не совместить приятное с полезным, не постараться развлечься и получить удовольствие? Здесь же реально круто!

— Тебе лишь бы удовольствие получать, — закатывает глаза.

— А что плохого в том, чтобы стараться жить и дышать полной грудью?

Кажется, я немного застал Одарию врасплох. Иначе почему она вдруг замолчала и как-то странно нахмурилась. Не так, как обычно, когда злится, а иначе. Словно задумалась. Она вообще вся сегодня немного другая, как я уже ранее успел заметить.

Да что с этой девушкой такое? Взять бы Крылову за плечи и потрясти хорошенько, чтобы посыпались из неё все ответы на мои немые вопросы... Вместо этого трясти я её могу только по одному поводу: в собственной постели. «Неужели тебе этого мало?», — кольнуло где-то внутри. Нет! Не мало. Я и так счастлив. Не нужна мне её душа!

В кармане брюк вибрирует мобильник, и я останавливаюсь, извлекая его. На экране раздражающе светится «Кристина». Отклоняю вызов и убираю гаджет назад. А когда поднимаю глаза, обнаруживаю пристальное внимание Одарии к произошедшему сейчас действию.

Одаря

Какая-то Кристина, с которой Артём не желает сейчас говорить. Так-так, что же это? Просто так трубки не бросают. Обычно такая реакция возникает на близких нам людей, как бы странно это не звучало. Ведь именно близкие имеют наиболее тесную с нами связь, интимную, иногда удушающую и мешающую свободно вздохнуть полной грудью. Неужели Угольников ведёт двойную жизнь? Ну, нет... Сам же проявил инициативу о нашей договорённости, при которой больше никаких других любовников у нас обоих быть не может.

Значит, родственница? Если спрошу вслух, то признаюсь и себе и ему в своём неуместном любопытстве. Придётся, стиснув зубы, молчать и теряться в догадках. Или... Зайду как-нибудь к парню на страницу в «ВКонтакте» и посмотрю, кто там у него есть в разделе «друзья». Может, там и найдётся та самая загадочная «Кристина». Боже, я как школьница какая-то, блин. Стыд-то какой.

— Клубничное, черничное, пломбир или шоколадное? — спрашивает тем временем Артём, высматривая меню на табличке сверху, что стильно закреплена на верёвочки, ниспадающие с защитной от солнца крыши.

— Пломбир.

— Любишь классику? — шепчет на ухо так, чтобы продавец не услышал.

— А ты какой-то экзотичный у нас что-ли? — не понижаю громкость своего голоса.

А что? Сам начинает.

— Один пломбир для моей девушки и одно клубничное для меня, пожалуйста, — отворачивается от меня, с улыбкой покачивая головой.

Пихаю Угольникова в бок. Наглец в ответ гладит ладонью теперь уже мой бок и насмешливо усмехается.

— Да-да, ты тоже мне нравишься, — шутливо смеётся, делая вид, что влюблённо флиртует со мной.

— А ты мне нет! — теперь уже щипаю его в то же самое место, в которое недавно пихнула.

Одногруппник морщится, но оплачивает картой покупку. Продавец, совсем молодой веснушчатый парнишка, принимается специальной круглой ложкой черпать из контейнеров мороженое, формируя шарики, и помещает их в одноразовые картонные стаканчики.

— Вообще-то мы из вуза, — вводит Угольников продавца в растерянность, — и выполняем практическое задание. Сможешь ответить нам на пару вопросов?

— Это розыгрыш такой? — улыбается нам парень, протягивая заказанное мороженое.

— Разве что наша преподша нас разыграть решила, — усмехается в ответ Артём.

Вскоре я наблюдаю как эти двое быстро находят общий язык. Обмен парой шуток и вот вам: краткий рассказ о небольшой сети мороженого, как и просили. До чего же всё-таки легко мужчины заводят общение!

Наблюдая разговор парней, я и сама будто расслабилась. И в самом деле: почему бы просто приятно не провести время? Погода какая хорошая, солнечная и тёплая. И мы такие красивые, заряженные предвкушением перед предстоящей ночью... Ах, соскучилась всё же! Не видела Артёма все выходные и сегодня даже в вузе не появлялась.

Хотя и не планировала изначально прогуливать... Утренний кофе, брюки и блузка, рюкзак на спину — уже готова была выйти за порог, когда позвонил отец:

— Дочь, тут сегодня с утра конверт на твоё имя пришёл...

— Конверт? — сердце сразу дрогнуло от возникшего страха.

Мне никто и никогда не присылал никакие конверты. Кроме... «Евгении», что однажды сообщила в своём письме о записке от моей сестры. Неужели?...

— Да, просто тоненький небольшой конверт. Как тогда... — тихо шелестит мне в ухо отец.

— Там снова это имя?

— Да. Евгения. Адрес отправителя не указан.

— Я приеду сегодня после пар и заберу его. Не вскрывайте, пожалуйста.

— Хорошо.

— Как мама?

— Трезвая, — ответ короткий, и по тону голоса отца стало ясно, что более он ничего не скажет.

— Хорошо. Буду вечером.

Но на самом деле я была на пороге родительского дома уже спустя час. Тревога не отпускала меня, и никакая учёба уже, конечно, не интересовала. Бросила рюкзак на диван, махнув на всё рукой, и принялась перезванивать отцу, чтобы предупредить о своём скором приезде.

Встретила меня мама, полоснув немым укоряющим взглядом. Ведь из-за моего «нетерпения» она не смогла сорваться к подругам, как собиралась.

— До вечера не могла подождать? — ворчала, открывая мне входную дверь.

— Отцу на работу, а ты единственная, кто ещё может впустить меня и передать мне письмо. Я же на минутку всего — потом хоть куда иди.

— Твоя минута принудила меня к опозданию на полчаса, — вздыхает, шаркая вглубь квартиры мягкими домашними тапочками, которые не помешало бы постирать.

В материнских ушах модные кольца, на ещё стройной фигуре вечернее платье, покрытое элегантным пиджаком.

— У вас там очередной девичник по случаю развода или очередной день рождения? — следую за ней.

— В нашей компании уже все развелись, кроме меня. Нет, Ри, мы просто решили собраться все вместе и хорошо провести время.

— Посреди рабочего дня? — иронично приподнимаю бровь. — Никто из твоих подруг не работает? И что это за клуб анонимных разведёнок? У тебя муж есть, мой отец... Как давно ты с ним время проводила, а не с подружками?

— Ты и твой отец только и делаете, что цепляетесь ко мне. А помощь ваша где?

— Мам, трагедия не только у тебя произошла, — ну, начинается.... Не только тебе нужна поддержка. Мы хотя бы вопросы задаём, «цепляемся» к тебе и следим за тем, чтобы ты не скатилась в алкоголизм благодаря своим посиделкам с подружками. А ты как давно вообще обращала внимание на свою семью? Или ты решила... — в горле встаёт ком, мешая говорить.

Мне хочется продолжить, но как я могу произнести слова, что уже несколько недель крутятся в моей голове? «Ты нас всех теперь вычеркнула? Всё или ничего — да?».

— Мы ходим по кругу, — мама протягивает мне тонкий белый конверт. — Сколько уже можно? Вы оба строите из себя святых, а меня тыкаете в выдуманное вами же дерьмо! И конверты эти уже давно нужно просто брать и сжигать. Или вообще обратиться в полицию и выяснить, что за мразь их отправляет, ковыряя мою рану!

— Эти письма для меня, — стиснула конверт у себя в руке. — А тебе нужно обратиться к психологу, а не в полицию.

Ничем хорошим наш с мамой разговор не закончился. Просто вновь не поняли друг друга и разошлись. Каждая по своим делам, будто и не семья вовсе.

Бывает, она ведёт себя почти как раньше, а бывает, как сегодня. И чем больше проходит времени со дня трагедии, тем больше мама отдаляется. При этом она вовсе не выглядит несчастной... Ведь её окружают подруги, веселье, поддержка. Как тут возразишь? «Я взрослая здоровая женщина! Если я выпиваю бутылочку белого раз в неделю, то это ещё не делает из меня алкоголичку!», — вот и весь ответ.

Просто раньше она вообще не пила. Никогда. Даже праздники всегда сопровождалась лишь вишнёвым компотом, и ни разу это не мешало хорошему настроению моей мамы. А тут вдруг без «невинной», по её словам, бутылочки белого вот вообще никак не расслабиться. Как же надоело. А отец злится, да терпит...

Через полчаса городской автобус домчал меня до остановки возле моей съёмной квартиры. Быстро сбросила кроссовки и сразу понеслась к дивану, плюхнувшись на него тяжёлой каменной глыбой.

Сердце продолжало стучать: я слышала его в своих ушах. Оно бесновалось и говорило мне о том, что в моих руках сейчас, возможно, нечто очень важное. Потому что эта «Евгения» — единственная, кто знает об Ане больше, чем я, мама, отец.

Я сделала глубокий вдох и принялась считать до десяти с закрытыми глазами, словно это мне хоть чем-то могло помочь. Открыла глаза. А затем вскрыла конверт и извлекла сложенный вдвое тетрадный лист...

Артём

Я и представить себе не мог, что с Крыловой может быть весело не только в постели. Вчера мы провели в парке весь вечер почти до самого его закрытия, хотя давно могли уйти, так как практическое задание уже было выполнено в достаточном объёме.

Мы посетили несколько аттракционов, а после, немного уставшие от новых ярких впечатлений и эмоций, посидели в кафе.

Но самое странное это не наше времяпрепровождение в парке. Гораздо более странной выдалась наша «встреча» у меня в квартире, когда мы прикатили на моей машине, чтобы поразвлечься теперь уже другим, более взрослым образом. Только вот...

— Слушай... — протянула Одария, массируя пальцами свой лоб. — Что-то зря я сюда приехала.

— Почему зря?

Мы стояли посреди кухни, ожидая только что включенный чайник, так как оба хотели выпить чай. Крылова прислонилась к подоконнику, а я к столу. Смотрели друг на друга и молчали под шипение постепенно вскипающей воды. Я ещё подумал в этот момент, что выглядим, как два неловко мнущихся ребёнка, которые только что осознали, что вообще-то они не друзья и не должны были играть вместе практически целый день.

— Кажется, я устала за сегодня.

А раньше бы просто послала меня и свалила без всяких объяснений. Вот так прогресс!

— Можешь лежать и ничего не делать, — подмигнул ей, — я сам разберусь со всем.

— Что-то мне даже такого не хочется, — вздохнула, разводя руками. — Я не дразнюсь или вроде того, а реально не ожидала, что настолько устала. Казалось, что ещё полно энергии, но...

— Но затем ты расслабилась, сидя в машине, мышцы обмякли, а голова потяжелела, — закончил за девушку.

— О, да. Именно так всё и произошло, как ты описал. Так что я, пожалуй, пойду на автобусную остановку и домой.

Одария оттолкнулась от подоконника и пошла в спальню, где оставила свою сумочку. Я пошёл за ней.

— Зря я привёз тебя сюда что-ли? Можем фильм глянуть, — показываю рукой на широкоформатный телевизор на стене, что как раз установлен напротив кровати.

— Фильм? Ты серьёзно?

Она теребит в руках ремешок сумочки, колеблется, с сомнением поглядывая в сторону телевизора, и жуёт нижнюю губу. Похоже, что-то заставляет её всё же хотеть остаться в моей компании, не смотря на отмену секса.

— А почему нет? — начал я провоцировать девушку. — Боишься меня? Влюбилась и не можешь без последствий выносить мою компанию? Убегаешь?

— Вот ещё, — фыркает и демонстративно подходит к кровати, чтобы затем расположиться на ней с по-королевски важным видом. — Давай, включай, — небрежно машет рукой на меня, — что там у тебя за фильм такой интересный, что удостоился задержать меня в твоих владениях?

— Комедийный боевик, — выдаю первое, что приходит в голову из последнего

понравившегося. — Как к такому жанру относишься?

— Отлично отношусь. Буду представлять, что кулаки героев фильма это мои кулаки, а избитые рожи — рожи раздражающих меня людей.

— Боюсь представить, в какое кровавое месиво ты превращаешь моё лицо в своём воображении...

— О, тебе лучше не знать. Крепче спать будешь.

— Тогда и спрашивать не буду.

Её колкость про кулаки и рожи меня нисколько не задела. Для меня было главным, что провокация сработала, и Крылова оставалась у меня дома ещё на пару часов.

И мы действительно сначала пили чай, а затем просто лежали на кровати и смотрели фильм. А когда уже прощались у порога, я сказал ей:

— Вот видишь, ничего страшного не случилось от того, что мы просто нормально пообщались и отдохнули вместе.

— Сегодняшний день исключение.

— В чём твоя проблема, Рия?

— А твоя в чём? Влюбился? — с издёвкой вернула мне мой же вопрос. — Не можешь выносить расстояние между нами?

— Ты странная. Ты себе-то хоть можешь ответить на вопрос: почему нельзя просто общаться, как все нормальные люди?

— Потому что ты мне не нравишься, пустоголовый болван.

С этими словами она покинула мою квартиру.

И мне бы расстроиться и горько вздохнуть, да только вот не верю я словам Крыловой. Нравлюсь. Иначе бы не поддавалась искушению провести со мной так много времени сегодня.

А что до «пустоголового болвана», так это исправляется временем и познанием друг друга. Кто знает, может и Крылова не такая уж и злая, какой кажется?

Только вот все мои попытки «подружиться» с этой девушкой вечно накрываются шпагатом Волочковой. Да, я пытался убедить себя, что меня итак всё устраивает, и я на самом деле очень даже хорошо устроился. Но не самообман ли всё это? Однако, не дурак я, каковым меня Одария считает, и прекрасно понимаю, что хочу нормально и по-человечески. И я вовсе не о любви и романтике, а о чём-то дружеском, беспечном, весёлом. Без взаимных колкостей и нелепых прятков от одноклассников. Ведь не урод же я, чтобы меня стесняться, и она хороша. Но нет же... прячемся, сохраняем дистанцию.

И сегодня, придя в вуз, вновь не разговариваем, не смотрим друг на друга. Все общаются со мной, и я общаюсь со всеми. А Крылова, как всегда. Хоть и выглядит не такой хмурой, но и глупое правило нарушать не хочет.

Весь день мимо друг друга, как чужаки. Я стискиваю зубы от сдерживаемого раздражения, улыбаюсь другим и поддерживаю шутки одноклассников. Вместе с Даней и другими парнями сижу в студенческом буфете, отсиживаю пары и просто проживаю этот день. Одна пара, вторая... Время идёт неспешно, ничем не удивляя, ничего нового мне не принося. Словно вчерашний вечер приснился мне, и не было никакого потепления в моих отношениях с Одарией.

Во время перемены перед последней на сегодня парой стою в коридоре у окна и заношу номер Кристины в чёрный список. Она вновь достаёт меня звонками. Я уже блокировал её, но бывшая либо звонит с чужого телефона, либо меняет номер. Лучше бы Крылова таким

вниманием меня одаривала...

Только подумал об Одарии, а она мимо проходит как раз — конечно, не глядя на меня. Иди-иди. Потом так отжарю, что долго ещё думать обо мне будешь.

— Привет! — слышу незнакомый женский голос.

Даже не заметил, как ко мне подкралась пышногрудая девчонка со стильным ярко-рыжим каре. Я аж завис от неожиданности.

— Привет... — отвечаю, краем глаза отмечая, как Крылова вдруг останавливается и делает вид, что на что-то отвлеклась в своём мобильном телефоне.

Уверен, она остановилась не просто так, а чтобы проследить за мной и незнакомкой. И нет, у меня не превышение лимита по адекватной самооценке: одnogруппница реально посматривает в нашу сторону. Думает, я не замечаю?

— Я считаю, что в современном развитом мире нет ничего странного и запрещённого в том, чтобы девушка сама подходила знакомиться к понравившемуся парню... Меня Леной зовут, а тебя?

— Артём... — продолжаю тупить и с некоторой опаской коситься на Одарию.

— В общем, Артём, ты мне очень нравишься, и я хотела бы познакомиться с тобой, если ты не против, конечно, — задорно подмигивает.

Признаться, я несколько опешил от такой прямолинейности. Я могу прямо сейчас вновь развести Крылову на очередную провокацию, подразнить её и вывести на эмоции... Я могу прямо в эту самую минуту обольстительно улыбнуться смелой Лене и сказать что-то вроде: «да, почему бы и нет»... Я могу...

А Крылова, уже не скрывая своего внимания, сверлит взглядом. Ждёт, что я отвечу девушке. И Лена ждёт. И я сам себя жду. Чувствую себя главным героем фильма, эпицентром всех событий. Весь мир сейчас крутится вокруг меня одного и моего будущего ответа.

— Лена, я восхищён твоим откровенным признанием, решительностью. И, конечно, не могу просто взять и послать тебя, когда улыбаешься мне так мило и открыто.

Одария зло нахмурила брови и сощурила глаза. Да, я просто нагло наблюдаю за выражением лица одnogруппницы.

А Лена улыбается ещё шире.

Одаря

«Не сдавайся. Продолжай искать». Слова, которые я обнаружила в новом конверте от Евгении, выбили меня из колеи настолько, что я вчера на пары так и не приехала. Вроде, ничего нового, содержательного и важного эта «Евгения» мне не сообщила, а эмоции в хлам. Кто она? Неужели мы всё же знакомы? Как же мне теперь жаль, что не всех подруг Ани я знала.

Я не сдаюсь, я продолжаю искать, но какого чёрта эта анонимная девушка мне такое пишет? Подошла бы и лично в лицо сказала! Боже, я уже размышляю, как собственная мать. Но, может, моя родительница отчасти и права.

«Мы знакомы? — спросишь ты. Лишь отчасти. Поэтому не думай об этом», — писала незнакомка в первом письме. Не думать? Как об этом не думать? Чувство вины мучает? Бойтись моей реакции? Трусиха! Эта девчонка просто издевается! Вместо своего жалкого подобия поддержки лучше бы вообще замолчала. Или явила бы мне своё лицо, наконец. Она ведь даже не даёт мне шанса ответить хоть на одно из писем или задать хотя бы один вопрос. Неужели я и мои родители не заслуживаем хоть какого-то уважения?

Если после первого письма я ещё как-то защищала «Евгению» перед родителями и, особенно, матерью, то теперь и сама на неё злюсь. К чему это второе письмо вообще? Зачем?!

В большей степени именно оно вымотало меня вчера, а не мои приключения в парке аттракционов. Весь день в голове этот призыв не сдаваться и продолжать поиски заветной книги. Не сдаваться? Ха! Ну, спасибо, Евгения, за помощь! Очень уж мне помогло твоё новое письмо!

Думала уже и встречу с Артёмом отменить, наплевав на практическое задание и этот дурацкий парк. Можно же перенести на завтра или даже на послезавтра — уговаривала саму себя. Но, к счастью, передумала. Я просто решила: а с чего это я из-за жалкого клочка бумаги с парой коротких предложений должна забыть про себя и свои дела? Вот уж нет.

После принятого решения как-то само собой и настроение пошло вверх. Нервы успокоились, возвращая мне какое-то даже давно забытое уютное спокойствие. Неужели настолько Угольникова хочется увидеть? И платье-то милое надела, и реснички подкрасила, и локоны красиво уложила...

А уже после посещения парка я лежала в постели Артёма и смотрела вместе с ним комедийный боевик. Не поверила бы, что такое может быть, если бы не воспоминания о вчерашнем вечере, который провела неожиданно приятно даже без всякого секса.

Сегодня о той записке я уже почти не вспоминаю, как и о самой «Евгении». Вместо этого стараюсь держать себя в руках и не начать вызывать подозрения у Мартыновой и других одноклассников, глаза на Артёма. Я не должна на него глазеть! Никакого внимания, никакого мешающего общения — ничего мне не нужно! Если я решила сблизиться с Машей и Угольниковым, то это ещё не значит, что и другие мне нужны.

Я успешно весь день прохожу мимо своего тайного любовника и не обращаю на него внимания. Ровно до одного момента... Когда в студенческом коридоре я в очередной раз проходила мимо, но услышала позади женский голос, которому отвечал голос Артёма.

С кем это он там разговаривает? Неужели с той сисястой с рыжим каре, что плелась

позади меня?

Оборачиваюсь и вижу: реально она! Задницу, и без того обтянутую в узкие лосины, выпятила, и груди свои Артёму почти в руки суёт. Ещё более откровенную майку не могла найти?

— Я считаю, что в современном развитом мире нет ничего странного и запрещённого в том, чтобы девушка сама подходила знакомиться к понравившемуся парню... — воркует она с МОИМ любовником! — Меня Леной зовут, а тебя?

— Артём... — ответил Угольников, вызывая во мне новую волну возмущения.

— В общем, Артём, ты мне очень нравишься, и я хотела бы познакомиться с тобой, если ты не против, конечно, — задорно подмигивает эта сисястая.

У меня аж челюсть сжалась от злости. Только попробуйте тут при мне начать флиртовать — обоих побью, и подмигивать больше будет нечем!

— Лена, я восхищён твоим откровенным признанием, решительностью, — отвечает ей Артём. — И, конечно, не могу просто взять и послать тебя, когда улыбаешься мне так мило и открыто.

Я тебе сейчас покажу «мило»!

— Но я уже занят и нахожусь в сетях другой женщины. Она меня побьёт, если я продолжу с тобой беседу, — продолжает одноклассник, поглядывая при этом на меня.

Лена тоже оборачивается в мою сторону, чтобы проследить взгляд Угольникова. Губы её разочарованно поджимаются: поняла, что здесь ей ничего не светит. У меня, может, и не пышная «троечка», но я тоже ничего. Так что пусть не глазеет, а быстренько проваливает.

— Твоя девушка? Красивая.

Она улыбается мне, но я не отвечаю тем же. К чему эти любезности?

Артём ей не отвечает — только кривовато улыбнулся и неопределённо пожал плечами. Но и этого достаточно: Лена растворяется в студенческой толпе

— Что же ты бедняжку-то отшил? — иронизирую.

— Вежливо отказал, — поправляет меня с абсолютно невозмутимым видом.

— Видал какая у неё грудь? Третий размер — не меньше.

— Меня и твоя устраивает. К тому же у нас с тобой уговор, если забыла.

— Неужели в самом деле соблюдаешь? Или при мне постеснялся?

— Я, вроде, не стеснительный. Да и ты не тихоня.

— Что ты хочешь сказать?

— Видел я, как ты без капли скромности в мой телефон вчера уставилась. И как сейчас взъерошилась, вижу.

— Глазастый какой, — чувствую укол раздражения.

— Конечно. Я всё давно разглядел, — подмигивает. — И ревность твою тоже.

— Мне просто не нравится, когда правила нарушаются.

— И это при том, что ты главная нарушительница всех правил взаимодействия в социуме.

— Самый умный, что-ли?

— Нет, я дурак. Сама же говорила. И как я сразу не понял, что ты втюрилась в меня. Бедолага?

— Чушь несёшь, Угольников.

— Спорить не буду, — пожимает плечами. — Сегодня приедешь?

— Я слишком зла на тебя.

— Так значит я сейчас был прав?

— Поэтому приеду и отшлёпаю за слишком богатое воображение, — угрожающе тычу пальцем в его сторону.

— Отлично. Буду ждать с нетерпением, — посмеивается.

И он, видно, ждал. Потому что из-за вечерней пробки на светофоре автобус домчал меня на двадцать минут позже обычного. Уже подъезжая к нужной остановке, почувствовала вибрацию в кармане ветровки от мобильного телефона.

— Передумала приезжать? — встречает меня голос Артёма, когда я принимаю вызов.

— Уже почти на остановке, скоро буду.

— Опаздываешь сегодня, — короткий смешок. — Отшлёпать же обещала!

— Задерживаюсь.

— Важная персона?

— А разве нет? — дразнюсь, — Как минимум, важная гостья.

— Давай шевели булками, важная, а то я и мои собственные булки заждались уже.

Через несколько минут я стою в прихожей у Артёма, втянутая в бешеный марафон поцелуев. Он набросился на меня сразу с порога, мешая разуться, а я и сама забыла про обувь.

Влажные настойчивые губы мужчины и его крепкие руки на моём теле так разгорячили меня, что я не дожидаясь обнажения наших тел, со всей возможной силой шлёпаю Угольникову по мягкому месту. Тот рыкнул, стянул с меня ветровку и отбросил её на пуфик.

— Спасибо, что не на пол, — выдыхаю ему в рот.

Артём не отвечает. Он обхватывает меня руками за бёдра и поднимает вверх, унося в спальню.

— Я не разулась же! — смеюсь.

— Я разую, — говорит куда-то мне в живот и кусает сквозь топ.

Уже в спальне Угольников опрокидывает меня спиной на кровать и с этого самого момента мы оба превращаемся едва ли не в диких животных.

Сегодня мы быстрые, резкие и немного грубоватые. Я, как и обещала, дарю шлепки по пятой точке любовника, а тот угрожающе рычит и захватывает мои руки в плен своих широких ладоней. Он держит меня, но лишь до тех пор, пока ему самому не понадобится освободиться, чтобы как следует пощупать меня и расположить поудобней. Тогда я, освобождённая от захвата, снова принимаюсь шлёпать Артёма, смеясь и веселясь, как никогда прежде.

— В следующий раз я тебя свяжу, Рия, — шепчет с возбуждающими нотками угрозы, глядя мне при этом в глаза.

— Или я тебя.

— Посмотрим, кто кого.

Ровно на этих словах мои бёдра нагло приподнимают, и я чувствую характерный напор в самом чувствительном месте своего тела. Натяжение, приятная наполненность... Наша сегодняшняя игра ещё только начинается.

Только вот всё хорошее когда-нибудь заканчивается. Не знаю сколько прошло времени, но мы уже отдышались, и я почти начала засыпать. Убаюканная спокойствием, радостью удовлетворения...

Пора.

Тяну руку и включаю ночник на тумбе возле кровати. Шуршу простынями, приподнимаюсь с опорой на локоть и свешиваю ноги на пол. Ищу глазами все предметы своей одежды. Намереваюсь встать, но меня за руку обхватывает широкая мужская ладонь.

— Останься, — говорит Артём, пальцем поглаживая тыльную сторону моего тонкого запястья.

Артём

Она не осталась.

Хотя нам обоим явно пора поговорить. Это висит между нами в воздухе. Замалчиваемое, но почти осязаемое. Не только меня тянет к этой девушке, но и она сама тянется ко мне. Пусть хоть сколько пытается быть колючей, но чем больше времени я провожу с Одарией, тем чаще замечаю в ней какую-то скрытую хрупкость. Что-то болит внутри неё и не даёт ей покоя.

Я бы хотел, чтобы Крылова доверила мне свою боль и поделилась произошедшим, но она держит меня на расстоянии. А сам с такой темой не полезешь. Смерть близкого — не тот случай, когда можно навязывать свою персону и неуместное любопытство.

Засыпал сегодняшней ночью один, на пары ехал один. В вузе, как обычно, большую часть времени провёл в компании парней. Оно и хорошо, ведь я достаточно быстро влился в их компанию, став уже «своим». Было о чём пообщаться, над чем вместе посмеяться — так я приобрёл себе новых друзей. Ближе всего мне оказался наш староста, Даня Рыжков. У нас обнаружили общие интересы и даже взгляды на жизнь были похожими.

В целом учебный день был неплох, хотя с Крыловой ещё не перекидывались ни взглядом, не даже сообщением.

Что могло испортить мне настроение?

Кристина. Её звонок застал меня в машине, когда я уже собирался повернуть ключ зажигания, чтобы покинуть парковку и влиться в общий поток машин на дороге.

При виде незнакомого номера, сначала я не понял, кто это.

— Слушаю, — отвечаю, провожая взглядом сквозь окно машины независимо шагающую Одарию в своих любимых соблазнительно облегающих джинсах.

— Артём, надо поговорить, — узнаю голос бывшей.

— Чёрт, вот же гадость, — недовольно ворчу. — Это снова ты.

— И тебе привет.

— Ты настырная.

— Всегда была — знаешь же меня.

— Что на этот раз тебе от меня нужно?

— Я хочу чтобы мы вместе приехали домой к твоему отчиму.

— С какой это радости я должен это делать?

— Меня не впускают же. И там твоя мать.

— А раньше присутствие моей матери тебя ни капли не смущало, — хмыкаю.

— Артём, если не согласишься, то о твоих отношениях с Одарией узнает весь вуз.

Крылова уже исчезла из поля моего зрения, но образ девушки, проходящей мимо парковки, ещё свеж в моей голове. Услышать её имя от Кристины было слишком неожиданно.

— Что ты сейчас сказала?

— Ты всё правильно услышал. Я знаю, что ты встречаешься с некой девчонкой по имени Одария и знаю, что это строжайший секрет. И я могу сломать эту секретность.

— Откуда?

— Есть у нас с тобой один общий знакомый. Твой одноклассник вас обоих раскусил, а я

случайно от него узнала, когда о тебе болтали.

— Ермолин? Кирилл Ермолин?

— Я не скажу, кто он. Пока он будет молчать, но если ты откажешься мне помочь, то...

— Вот противная ты всё-таки.

— Нет, не противная. Просто живу своей мечтой и следую за ней. И я готова даже общаться с тобой и с Константином, чтобы добиться желаемого. Ты знаешь как много значит для меня карьера гимнастки в цирке. Из-за твоего отчима меня не принимают не в один цирк города, а переезжать в другое место я не хочу. Здесь мой дом: родители, семья, друзья. Понимаешь?

Так уж вышло, что понимаю. Просто по-человечески понимаю Кристину, хотя и испытываю к ней неприязнь после некрасивого завершения нашего с ней романа.

Пришлось согласиться. Договорились встретиться у моего дома в семь вечера — время, когда отчим едет с работы. Хочу не только скорей закрыть эту историю, но и обезопасить так называемую тайну моих взаимоотношений с Одарией. Потому что иначе Крылова меня точно пошлёт куда подальше.

А что там за одnogруппник, который нас раскусил? Сразу подумал про Кирилла. Кто, если не он? Все эти хитрые ухмылки, странные намёки и проявление интереса к самой Одарии. Не потому ли, что знает наш секрет и теперь намеренно дразнит? Не думаю, что дело в моём предвзятом отношении к Кириллу. Ермолин ведь и правда мутный какой-то.

Никто в голову мне больше не приходил. Может, это вообще девчонка? Кристина могла и намеренно сказать «одnogруппник», чтобы я подумал на кого-то из парней.

Ровно в семь вечера бывшая, как и условились, ждала меня у подъезда. Натужно поздоровались, быстро погрузились в мою машину и поехали.

Имея запасной ключ от родительского дома, я спокойно отворил дверь. Никого заранее не предупредил и, возможно, вскоре пожалею об этом. Но уж больно не хотелось, чтобы Константин, зная о моём визите, куда-то свалил «по работе». Не только я не люблю встречаться с ним, но и он со мной. Бедная мать разрывается между нами, а после одного напряжённого диалога со мной, мы с ней и вовсе отдалились друг от друга.

— Артём? — отчим при виде нашего появления в гостиной потемнел в лице, нахмурился.

Видно, что мужчина только что приехал с работы, так как на нём всё ещё деловой костюм и наручные часы, которые дома он никогда не носит. Он намеренно не смотрит на Кристину, обращаясь только ко мне. Словно девушки здесь совсем нет.

— Привет, Константин, — отвечаем хором.

— Давно тебя здесь не было, — с настороженным прищуром развязывает узел галстука, не спуская с меня глаз.

— С тобой Кристина пообщаться хочет. Я просто подвёз её.

— Пообщаться? — коротко и напряжённо хохочет. — Мне некогда маленьким девочкам сопلي подтирать. О чём мне общаться с малолеткой?

Ещё три года назад я бы ударил его. Сейчас просто чувствую укол раздражения и такое противное чувство, как если бы вляпался во что-то мерзкое и вонючее. «Общаться»? Смешно.

— Константин, — подаёт голос Кристина, — нужно уладить лишь один вопрос, и я сразу исчезну. Вы понимаете, о чём я говорю.

— Артём? — входит в гостиную удивлённая мать, поражённо переводя взгляд то на меня, то на Кристину. — Костя, сын, что здесь происходит?

Становится понятно, что психологически здоровым и уравновешенным теперь никто из присутствующих не останется. Слишком взрывоопасная компания собралась в одном помещении.

— Ей просто трахаться со мной понравилось, но мне уже не интересно. Так и передай, — Константин тем временем холодно чеканит каждое слово, по-прежнему делая вид, что девушки здесь нет.

— Костя, — ахает мать, — даже не смей говорить, что тебе там что-то было интересно! Зачем ты позоришь меня?! Мы столько всего прошли за эти три года, чтобы снова вернуться в эту точку?

— Дорогая, я не имел ввиду, что мне было интересно.

Я наблюдаю картину: отчим в успокаивающем жесте вытягивает руки и пытается положить их на плечи своей жене, но та раздражённо их сбрасывает. Конечно, ей не понравилась его реплика. Но Константин никогда особо не умел следить за языком. Я надеялся, что моя мать разведётся с ним, но даже его грязный язык не смог отвратить её настолько, чтобы принять решение о разводе. Чёртова любовь.

— Вы же взрослый человек! — кричит Кристина. — Что за детские игры! Мне плевать, что вы не смотрите на меня и не говорите все эти вещи прямо в лицо! Трус! Просто оставьте меня в покое и перестаньте мешать работать в городе!

— Костя! — взывает мать на грани истерики. — Когда же это закончится? Почему эта девчонка снова здесь? Неужели история всё ещё не закончена?

Я просто уже схожу с ума от этих троих. Мало того, что шоу максимально мне неприятно, так ещё и попкорна нет в наличии.

— Я не приглашал её, Оля! — огрызается отчим. — Она сама припёрлась!

— Артём, — обращается мать теперь уже ко мне, — Зачем ты её к нам привёл?

— Я сама пришла, Ольга Николаевна! — Кристина пытается вернуть всё внимание к себе. — И уйду сразу, как только вы, Константин, пообещаете мне, что больше никаких проблем с трудоустройством в этом городе у меня не возникнет!

— Костя, — уже натурально рыдает мать, утирая первые слёзы, — Почему ты мешаешь девочке? Неужели тебе не всё равно на неё?

Отчим устало вздыхает. Я потираю лоб, уже порядком утомившийся от криков и истерик. Кристина стоит в воинственной позе и выжидающе смотрит на моих родителей. Что же: смелости и упорства моей бывшей не занимать.

— Оля, я просто хотел выдавить её из города. Чтобы нам с тобой было лучше. Чтобы тебе было спокойней.

Мать всхлипывает. Она хочет верить своему мужу, но я точно не верю. Красиво говорит, лихо выкручивается, а на деле просто мелочный и злопамятный мужик. А даже если и говорит сейчас правду, то мне от этого не легче. Мне всё равно — я в любом случае стою здесь и трачу своё время на отвратительное дерьмо, на грязное бельё нашей семейки.

Одаря

Я часто моргаю, из последних сил сдерживая первую слезинку. Хорошо что темно, и Артём ничего не видит. Думаю, он удивился тому, что я уже целый час лежу и никуда не спешу. Секс был хороший, вечер тоже. Но на душе совсем паршиво — сегодняшний день меня полностью опустошил.

Осторожно проглатываю образовавшийся в горле ком. Угольников молчит и ничего не спрашивает. «Молчи. Пожалуйста, молчи и дальше» — прошу мысленно. Боюсь, на разговоры я сейчас совсем не способна. Мой любовник, словно понимая моё состояние, устраивается удобней, слегка приобнимая меня. Тепло тяжёлой мужской руки поперёк моего живота немного успокаивает, но...

Шуршание простыней напомнило мне тот самый звук в квартире Мартыновой, когда она вдруг резко и с непонятной мне злостью дёрнула штору, впуская солнечный свет. А ещё оно напомнило мне шелестящий звук тяжёлого протяжного вдоха моего отца во время нашего сегодняшнего телефонного разговора.

Какой трудный выдался день... Он начался с кофе. Затем городской автобус. Встреча с Машей, обсуждение сегодняшнего учебного расписания, планирование моего прихода в гости. Да, сегодня я, наконец, пришла в гости к Мартыновой...

Но если в течение всего дня Машка была довольна нашим уговором, то уже после пар как-то странно потухла. Всю дорогу до её дома, что мы провели в автобусе, она молчала и хмурила брови. То губу нервно пожует, то шумно вздохнёт. Я почти уверена, что подруга злилась на меня, хотя никогда раньше такого не было. Я могла неосторожно сказать что-то, задеть, но никогда Мартынова не дулась на меня. Она скорее из тех людей, что в первую очередь ищут причину в себе, нежели в обидчике. Но дело ведь в том, что сегодня я даже не давала повода обидеться на меня.

— У тебя с парнем проблемы? — спросила я одноклассницу, когда мы уже переступили порог её квартиры.

— Вроде того, — буркнула в ответ, не глядя на меня.

— Может тогда не стоило мне сегодня приезжать? Чего молчишь-то? Могли бы и на другой день договориться. Не похоже, что ты хочешь поговорить об этом.

Маша молча последовала в кухню, а я вслед за ней. Она плюхается на старого вида табуретку, и я делаю тоже самое. Мы должны были зайти попутно в магазин и купить вкусного, но Мартынова сказала, что у неё уже всё есть. Однако, сейчас мы сидим за пустым столом молчаливыми статуями.

Повисла напряжённая тишина. Я не понимала её природы, но чувствовала напряжение. А ведь Маша это не тот человек, который вызывает такие ощущения.

— Я как раз решаюсь на разговор, — вздыхает Мартынова после немой паузы.

— Странная ты какая-то.

— Как и ты.

— Со мной-то давно всё ясно, а ты чего такая прохладная к вечеру стала?

Подруга с недовольным лицом вскакивает с табуретки и подходит к окну. Её тонкая рука, скрытая джинсовой рубашкой, дёргает штору и отодвигает в сторону. Меня сразу ослепило солнцем, и я отодвинулась немного в сторону.

— Так теплей тебе? — спрашивает, усаживаясь обратно за стол.

— Так, блин! Или ты сейчас же нормально рассказываешь что случилось, или я пошла на выход.

— Ри, а ты не думала завести отношения? Чтобы отвлечься, в себя прийти. Не думала об этом?

— Думала. Я уже... в отношениях.

Само вылетело, но я нисколько не пожалела об этом. Видимо, пришло время говорить более открыто.

— И давно? — Маша как будто даже не удивилась.

— Нет, совсем недавно.

— Понятно.

— Ты это к чему сейчас?

— А мороженое в парке аттракционов пробовала? — игнорирует мой вопрос.

— Ну, да. Вкусное.

— Ты со своим парнем была?

— Да, — отвечаю после секундного колебания.

— А оделась как?

— Маш, что за игру ты ведёшь? В платье я была.

— Красивое платье?

— Ну, красивое.

— Хороший день был?

День-то был хороший, но что за странное поведение у подруги, выяснить мне так и не удалось. Она сидела передо мной и казалась совсем другим человеком. Всё такая же зажатая и неуверенная в себе, но озлобленная.

Я так и не поняла что произошло. Ещё несколько минут я пыталась разговорить Машу, а затем просто махнула на это всё рукой: попрощалась и ушла. Посиделки с подругой это, конечно, весело, но конкретно наши с Мартыновой больше походили на какое-то траурное собрание. Да пошло оно всё — может, завтра нормально объяснит.

На этом странности не закончились. Пока ехала к себе домой, позвонила мама и слезливым голосом принялась рассказывать мне о том, какой же отец у меня негодяй. Я озиралась по сторонам, чтобы убедиться, что громкий голос моей родительницы не мешает другим пассажирам, а сама чувствовала, как что-то закипает внутри меня самой. От злости, паники и чего-то ещё.

Оказавшись дома, набрала номер отца. Звонок он принял почти сразу.

— Отец, это правда?

— Тебе мать звонила?

— Да...

— Это правда, Ри. Мы разводимся.

— Почему? Неужели мама уже и до такого дошла?

Неужели она последовала примеру своих подруг... Они же все разведёнки. Что если мама попала под их влияние и наслушалась всех этих разговоров о беспечной свободной от брачных уз жизни?

— Это я подал на развод, дочь.

— Ты?

— Я устал. Устал от подобия жены. Твоя мать уже давно само по себе, и я для неё пустое место. Это не скорбь и горе по дочери. Это потеря интереса ко мне лично. Да и я уже ничего не хочу от нашего брака, если честно.

Далее последовал тот самый протяжный тяжёлый вздох.

— Неужели уже ничего не изменить?

— Ничего.

— И что теперь?

— Я уезжаю в соседнюю область. Для меня там есть вакансия, поеду по приглашению. Жильё мы делить не будем — у меня достаточно денег, чтобы купить себе скромную однушку.

Он обещал приезжать, чтобы видеться, общаться. Но сама эта новость меня выбила из колеи. Я даже не ожидала, что так сильно расстроюсь. Всё вдруг стало валиться из рук, а ком в горле напрочь отбил аппетит. И даже предстоящая встреча с Артёмом не радовала, как прежде.

Сначала смерть Ани, теперь и развод... Вот так семья и развалится?

Настолько мне стало не по себе к вечеру, что лежу сейчас, глотаю слёзы и жмусь к Угольникову, как потерянный ребёнок. Его рука поглаживает меня по волосам, и я понимаю, что парень всё ещё не спит. Наверное, ожидает, что я всё же встану и начну одеваться. Но нет. Не хочу шевелиться, ехать в ночи к себе домой. Не хочу сегодня быть одна.

Как можно хотеть уйти, когда тёплое тело Угольникова так сладко прижимается к моему? Он сам подвинулся ближе, а я и не противилась. Кожа к коже. Тишина, покой, лёгкие касания. Просто нежность и ничего больше.

Короткая вспышка света на секунду ослепила меня, лишая уютной темноты, в которой так хорошо прятаться. Экран мобильного телефона Артёма на прикроватной тумбе с моей стороны загорелся и быстро погас. Входящее сообщение. Оно показалось всего на пару секунд, но я успела прочесть:

«Привет, это Кристина. Спасибо, что составил компанию».

Снова это имя. Я уже видела его прежде. Укол боли пронзил меня уже второй раз за сегодняшний день. А ведь хотела погреться здесь, в его постели...

Холод и одиночество — вот что я теперь чувствую. Словно все разом покинули меня, оставили одну посреди руин разбитых надежд на что-то большее. На какое-то тихое скромное счастье, радость исцеления от душевной боли.

— Тебе сообщение пришло, — говорю на удивление ровным тоном.

— Завтра прочитаю.

— Как хочешь.

— Ты чего не спишь? — тихий шёпот и поцелуй в плечо.

— А ведь я почти заснула...

Я почти поверила. Какая глупая.

— Мне показалось, ты не спишь. Я разбудил тебя?

— Спасибо, что разбудил, — усмехаюсь.

А на самом деле, спасибо той самой Кристине за моё пробуждение от мира назревающих грёз, нелепых фантазий. Я едва не угодила в ловушку, но сегодняшние события миготом отрезвили меня.

С завтрашнего дня больше никаких глупостей. А пока... пока мне слишком холодно, чтобы вставать с постели и ехать в свою одинокую квартиру...

Артём

— Крылова, слышишь меня вообще? Или я со стенами разговариваю?

Девушка проходит мимо меня в ванную комнату и закрывается там. Слышу плеск воды — очевидно, она умывается. Одаря даже на моё «доброе утро» ничего не ответила. Уже пожалела, что осталась на всю ночь в моей квартире и теперь наказывает нас обоих молчанием? Ну и ну.

— Не стой под дверью преданным щенком, — буркнула, выйдя из ванной.

— Ну хоть что-то я от тебя сегодня услышал.

Однорушница теперь стоит напротив зеркала в прихожей и поправляет одежду на себе. Волосы уже заплетены в две толстые объёмные косы и макияж на лицо тоже уже нанесён.

— Куда торопишься? — спрашиваю. — У нас ещё сорок минут в запасе перед парой, а я на машине быстро домчу. Можно позавтракать пока: у меня в холодильнике творог с фруктами есть.

— Я на автобусе поеду, — от её голоса веет холодом. — Иди завтракай.

Она наклоняется к своим кроссовкам и принимается обуваться. Прямо без шуток, без смеха и задора: реально просто берёт и обувается.

— А я уже было подумал, что до тебя дошло сегодня ночью, что наша игра в прятки не имеет никакого смысла.

— Как и наши с тобой встречи.

— Не понял, — меня как холодной водой окатило.

— Вот именно. Ты опять ничего не понял. Мы не встречаемся, мы не парочка, Артём. Не нужно ничего придумывать на ровном месте.

— А что я придумал, скажи? Где я сказал, что мы парочка? Мне просто надоело прятаться от всех.

— А чем тебя прятки напрягают? Что сложного в том, чтобы просто помалкивать обо мне? Так хочется потрясти своим достоинством перед пацанами и похвастать в какую цыпочку его запихиваешь?

— Ну, было бы здорово.

— Иногда свои похождения лучше скрывать. Не правда ли?

— Не уверен в том, что правильно тебя понимаю. Я, вроде, не из тех, кого стоит стесняться при людях. Не щуплый ботан-неудачник в толстенных очках, не жирдяй с тонкими усиками.

— Главное, что я понимаю. Хорошо, что я не дура.

— А вот в этом я бы не был уверен.

— Мне плевать в чём ты там уверен или нет. Ешь творог, а я в вуз. Одна.

И снова мы вернулись в исходную точку, где есть только два чужака и их обоюдная похоть. А я-то размечтался ночью, обнимая тёплое женское тело. Начал мечтать о чём-то большем. Хотя совсем недавно категорически не хотел новых романтических отношений. Но тут же... стоит признать, что спать с Одарией мне нисколько не надоедает, а даже совсем наоборот. Хочется ещё и ещё, хочется больше времени для нас.

И не только для секса. Я вспоминал наш день в парке аттракционов, просмотр фильма

вечером и думал: «а ведь это было даже круче секса». Мне просто было хорошо, и теперь хочу, чтобы так было всегда.

А она? Неужели мне только кажется, что и девушка оттаивает. Она то тянется ко мне, то вновь отталкивает. В одно мгновение Крылова охотно шутит со мной и смеётся, а в другое пытается уколоть и даже оскорбить. Я тоже не идеал и не пример приятного собеседника, но и в такие крайности меня не бросает.

Ночью была где-то в своих мыслях, но тепла. А утром рядом со мной проснулась глыба льда.

Что же. Одаряя ушла, а я отправился есть свой творог и думать о том, сколько же можно уже заниматься нам обоим ерундой: ей выставить дурацкое условие о секретности нашего общения, а мне терпеть её колкости.

Кстати, о секретности... Сегодня пятница, а значит последний учебный день недели. Мне нужно поговорить с Ермолиным. «Есть у нас с тобой один общий знакомый. Твой одноклассник вас обоих раскусил, а я случайно от него узнала, когда о тебе болтали», — говорила Кристина. Эти слова всё не выходят у меня из головы. На самом деле я удивлён, что Кирилл, имея у себя в наличии язык без костей, всё ещё терпит и молчит. Только хитро подмигивает и усмехается.

К сожалению, на первую пару парень не пришёл, но зато пришёл ко второй — как раз в самом начале перемены, когда я спустился на первый этаж, чтобы заглянуть в студенческий буфет.

— Кирилл, — протягиваю руку, преградив однокласснику путь в коридоре.

Он только-только зашёл в корпус, и я сразу поспешил поймать его, чтобы тот не успел свалить к своим друзьям из параллельной группы.

— Уголёк, — отвечает рукопожатием.

— Я же просил не называть меня так.

— Забылся, Артём. Извиняй.

— Разговор есть.

— Валяй.

Мимо нас снуют студенты, но в целом никто внимания на нас не обращает.

— Что тебе известно о...

— О чём? Или о ком?

В этот момент я невольно провожаю взглядом Одаряю. Она несёт на спине рюкзак, и я понимаю, что девчонка только что из библиотеки. Ермолин проследил мой взгляд и понимающе усмехнулся.

— Мне известно всё, — важно задирает голову.

— От Кристины? — ступаю осторожно, выбрав расплывчатый вопрос.

Кирилл моргнул, не показывая никакой эмоции, а затем отвечает:

— Ага, от неё. И что дальше?

— Ты же понимаешь, что болтать нельзя?

— О том самом? — усмехается. — Очень хочется, если честно. Язык прямо чешется.

— Я морду тебе почешу, если хоть слово о нас с Крыловой скажешь.

— О вас с Крыловой, говоришь... — тянет задумчиво.

Глаза одноклассника зажглись огоньком азарта и... удивления. Я в ту же секунду понял, как жестоко прокололся. Я ошибся. Это не Кирилл. Этот хитрый медведище меня сейчас

просто развёл, как ребёнка.

— Это не то, о чём ты подумал, — отвечаю твёрдо, а сам хаотично думаю о том, как исправить ситуацию.

Я просто влип. Отпилил сук, на котором сидел.

— Одарию потрахиваешь? Вау! Ну и новость ты мне преподнёс! С ума сойти, — оживлённый Кирилл выглядит счастливым и только ручки разве что от удовольствия не потирает.

— Заткнись! — шикаю на него, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что на никто не слышит.

— А вот не заткнусь теперь. Ты чего молчал, дружище? Наша молчунья нас всех нагло разводит своим трауром, а сама на тебе всё это время скачет! Я оскорблён вообще-то!

Ладонь сама собой сжимается в кулак, и я замахваюсь на одnogруппника, хорошенько ударив его по лицу. Тот отскочил от меня на шаг и, морщась, прикрывает ладонями нос.

— Угольников, ты в себе вообще? — рычит.

По его губе бежит капелька крови. Кажется, я только что разбил ему нос. На нас начали оглядываться.

— За базар отвечать надо, — цежу сквозь сомкнутые зубы.

— А себе ответку не хочешь получить? — Ермолин резким бешеным ураганом несётся на меня, и хоть я и увернулся, но всё же получил залёт по скуле.

И это лишь малая часть того, что я заслуживаю. Своей собственной неосторожностью только что «разболтал» наш с Одарией секрет. Видимо, Крылова была права в том, что я всё-таки клоун. Как так можно было сглупить?

С Кириллом меня разняли самые любопытные и равнодушные мимо проходящие. Развели по сторонам и всю перемену не подпускали нас друг к другу. Скула ноет, но это ничто в сравнении с тем, какое чувство вины и злости я испытываю теперь. Одnogруппники, узнав о стычке, задают вопросы, и всё что я могу сказать:

— Это наше с Ермолиным дело.

А тот нагло усмехается, поддакивая:

— Да мы с Артёмкой кокетничаем просто друг с другом. Не обращайтесь внимания.

На Одарию даже не смотрю. Стыдно. Хотя девушка ещё ничего не знает. Но скоро узнает, как и все остальные. Потому что хоть до полусмерти избеж Кирилла — толку не будет. Разболтает. Такие, как он, болтают даже тогда, когда искренне хотят сохранить тайну. Болтун. Он постоянно ходит и перемывает всем кости. Думаю, только лишь большая масса с грудой мышц позволяет ему не стать аутсайдером в нашей группе. Ведь многих своим длинным языком он всё же раздражает.

Я должен опередить одnogруппника и самостоятельно рассказать о своём проколе Крыловой. Она меня убьёт. Секса у меня сегодня по всей видимости не будет. И ладно, если только сегодня и в предстоящие выходные. Есть перспектива и хуже: Одария просто пошлёт меня на три буквы.

Одаря

Субботнее утро весьма тоскливо: пасмурное небо, непрочитанные сообщения от Артёма. Я игнорировала его вчера весь день, хотя он настойчиво пытался поговорить. Приехать к нему вечером отказалась и в «Вконтакте» в наш диалог больше не захожу. Поговорить о чём, Угольников? Явно не о Кристине, которая ему то звонит, то благодарственные сообщения пишет. А сколько их — таких Кристин? Не хочу видеть этого обманщика, не хочу говорить с ним.

Может, это не то, о чём я думаю, но мне в любом случае нужно остыть. Слишком злая на выходку Мартыновой. Слишком раздавлена разводом родителей и отъездом отца. А сегодня с самого утра, как на зло, ещё и посетителей в библиотеке много. Один за другим, и всем что-то нужно подсказать и чем-то помочь. Голова от низ кругом!

— «Основы журналистской деятельности» так и не появлялись? — спрашивает подошедший к стойке первокурсник. — Я уже третий месяц не могу эту книгу у вас получить.

— Если на полках нет, значит все книги у людей на руках.

Парень расстроено выдыхает, но не сдаётся:

— Разве может быть такое, что на всех моих одногруппников книг не хватает? Я ведь не один такой. Как нам к экзаменам готовиться?

— Я вас услышала, — отвечаю равнодушным к его проблемам голосом. — Уточню этот момент у главного библиотекаря. Я здесь только в выходные работаю.

Огорчённый парень ушёл, но после него были и другие. И книг берут много, и приносят много. А в рабочей зоне вообще аншлаг: почти свободных мест не осталось. Да уж: денёк у меня будет «весёлый».

Я уже приготовилась к тому, что день будет тяжёлым. К тому, что придёт ещё куча народу и всем также что-то будет нужно. Но вот уж кого не ожидала здесь увидеть, так это Алину Иванову, что сейчас появилась в дверях и вошла внутрь моего книжного царства. Блондинка при виде меня отчего-то тоже растерялась. Её брови сложились угрюмым домиком, а глаза слегка сощурились.

— Ну, привет, — говорю, когда одногруппница подошла к стойке библиотекаря, что нас разделяет.

— Привет.

Ответ короткий, но вполне в стиле Ивановой. Просто мы с ней не очень хорошо ладим, и иного отношения можно было не ожидать.

— С чем пожаловала? — спрашиваю.

Та в ответ лишь спускает с плеча одну лямку сумки шоппера, раскрывая её для себя, и запускает внутрь руку. В её сумке достаточно много содержимого, напоминающего по очертаниям книги. Но Иванова достаёт и кладёт мне на стойку только одну из них. И, кстати, обложка книги имеет синий цвет.

— Ты пришла сюда в субботнее утро ради того, чтобы принести одну книгу? Ты в своём уме? — усмехаюсь.

— Ты работаешь здесь все выходные ради каких-то жалких копеек? Ты сама-то в своём уме? И разве сегодня не Елизавета Петровна должна работать?

— По выходным я всегда работаю. С чего ты взяла, что сегодня будет иначе?

— Мартынова сказала.

— Маша? — не скрываю удивления.

— Ну, у нас, вроде, только одна Мартынова. Маша, конечно.

— А она с чего так решила?

— Мне откуда знать? От хорошей учёбы и прилежного поведения мозги видно сплывились у подружки твоей, — ворчит недовольно.

Алина выглядит расстроенной. Она совершенно точно не хотела встретиться здесь сегодня именно со мной. Я, конечно, тоже от этой блондинки не в восторге, но какая ей разница, кто книги примет? Неужели я настолько сильную травму девчонке нанесла тем, что постоянно смеялась над ней, когда мы на первом курсе учились?

Это сейчас Алина Иванова является одной из главных красавиц в нашей группе. А тогда, два года назад она выглядела нелепо и тупила постоянно, как самая настоящая блондинка из бородатых анекдотов.

— А твои мозги как поживают? — хмыкаю.

— У всё в полном порядке и с головой, и со всем остальным. Ты за собой лучше следи.

— А у меня саморазвитие полным ходом: даже в выходной день занята делом. А тебе настолько заняться нечем, что ради одной книжонки притащилась сюда. Хотя, ты ведь и не читала её вовсе. Умеешь ли ты вообще читать?

Каждый наш разговор протекает подобным образом. С самого начала так заведено. Вот не любим мы друг друга, и ничего тут не поделаешь уже.

— Может быть, тут картинки есть? — продолжаю издеваться и принимаюсь через пальцы быстро пропускать все страницы принесённой ею книги. — А картинок-то и нет. Как же так, Алина? Настолько расстроилась, что поэтому не выдержала и припёрлась сюда?

Глаза одноклассницы полыхают злостью.

— А ты не изменилась, — говорит, — и язык твой всё такой же грязный. Думаешь, если сделаешь вид, что сама вдруг книги полюбила, если будешь из библиотеки не вылазить, то за умную сойдёшь? Твоё нутро известно всем.

— Моё нутро? Ты просто слишком ранимая и шуток не понимаешь.

— Я ранимая? — повышает голос, вызывая любопытные взгляды некоторых присутствующих. — Это не я демонстративно наслаждаюсь своим страданием, чтобы все видели, как мне грустно живётся!

— Вот же тварь мелкая...

Шиплю на Иванову, выхода из-за стойки и становясь напротив девушки, как на ринге. А та та только взъерошилась ещё больше, готовая на ответное нападение. Девушка и в самом деле на голову ниже меня, но агрессии и готовности дать отпор ей не занимать.

— Ну! — задирает голову с явным вызовом. — Что встала и смотришь? Что ты хотела сделать?

— Хотела чтобы и ты загрустила. Рука так и чешется. Иди бери, что хотела и проваливай.

— Это так теперь в библиотеках обслуживают? Ничего я брать не собираюсь. Просто книгу занесла по пути и всё.

— Тогда топай отсюда, пока не поздно, и я сделаю вид, что не видела тебя.

— Только после...

Говорит, а затем резко дёргает за одну из моих кос, вынуждая меня из-за боли опустить голову ниже, и даёт пощёчину. Косу после сразу отпустила, но смотрит со злобным торжеством.

На нас уставилось несколько пар глаз. Хорошо хоть никого из преподавательского состава здесь нет — только одни студенты и это, в основном, зелёные сопливые перваки.

Я тоже несказанно удивилась, но и сама в долгу не осталась: схватила Иванову за длинные волосы, намотав их на руку и тоже залепила звонкую пощёчину.

— Думаю, — говорю Алине, отпуская светлые волосы из захвата, — это можно считать пожеланием хорошего дня.

— Да пошла ты. К Угольникову своему.

Одноруппница, пылающая краснеющим пятном на щеке, разворачивается ко мне спиной и уходит, поправляя лямки сумки шоппера на своём плече. Вот и поговорили.

— Что ты сказала? — кричу ей вслед.

— Чат не читала? — оборачивается, но продолжает идти к выходу. — Все уже всё про вас знают.

Что она сказала? Если мне не послышалось, то...

Возвращаюсь на рабочее место, игнорируя внимательные любопытные взгляды, и хватаю в руки мобильный телефон. Я игнорирую Артёма со вчерашнего дня и поэтому совсем не заходила в социальные сети. Видимо, зря.

Открываю приложение «Вконтакте» и вижу не только сообщения от Угольникова, но и от некоторых одноруппников. Все они спрашивают о том, можно ли меня поздравить с возвращением в социальную жизнь. А Артём... рассказывает как он случайно выдал Кириллу наш с ним секрет.

В самом же чате группы 621, Ермолин с милейшими смайлами и сердечками поздравляет меня и Угольникова с тем, что мы друг друга нашли.

«Как хорошо, что к нам пришёл новенький и смог исцелить нашу Ру!», — писал в чате Кирилл ещё вчера вечером. Все после, в дальнейших сообщениях, удивляются и поздравляют...

А я теперь ещё более злая, чем была.

Артём

Наконец, спустя много часов, Одария прочитала мои сообщения. Она ничего не ответила, и я подозреваю, что просто уже опоздал с объяснениями. Она всё прочитала уже тогда, когда Кирилл разболтал наш секрет в общем чате группы.

Она теперь злится на меня? Намерена ли Крылова разорвать наши отношения? Учитывая её непростой характер, нашим отношениям, возможно, и правда пришёл конец. Не могу сказать, что счастлив от этой мысли. А если быть совсем точным, то меня вообще не устраивает такая перспектива.

Девушка не отвечает за звонки. Уже воскресенье, а это значит, что я могу либо застать её в библиотеке, либо ждать до завтрашнего учебного дня.

Конечно, разговор один на один предпочтительнее. Поэтому я, долго не раздумывая, одеваюсь и планирую поездку в вуз. Если Одария думает, что достаточно просто игнорировать меня в социальных сетях и не брать от меня трубку, то сильно ошибается. Достану же — должна уже понимать.

Приложу все усилия, чтобы выйти из ситуации с максимальной пользой. Ермолин разболтал о нашей с Одарией связи? Ну, и прекрасно! Так у меня появился шанс убедить Крылову в том, что таиться смысла нет, как и рвать отношения из-за такого пустяка.

Вскоре паркуюсь возле вуза и шагаю к корпусу, где и располагается студенческая библиотека. Часы на экране телефона показывают две минуты десятого. А это значит, что рабочий день Одарии только-только начался, и посетителей быть ещё не должно.

Так и оказалось. Меня встретила полная тишина, и даже сама стойка библиотекаря оказалась пуста. Осматриваю библиотечное пространство и, наконец, замечаю знакомую фигурку между стеллажами. Крылова копается в книгах на полках, а на меня не реагирует. Невозможно было не услышать, как я вошёл и не увидеть меня сейчас. Она продолжает меня игнорировать.

— Привет, — подхожу тоже к стеллажу, но становлюсь по другую сторону так, чтобы он стоял между нами.

Ну, так, на всякий случай.

— Угу, — отвечает угрюмо.

— Ты читала мои сообщения или просто отметила прочитанными?

— Читала.

— Злишься на меня?

— Злюсь.

— Ты же знала, что я дурак. Вот тебе первое подтверждение.

— Впервые ты это сам признал.

— Только в связи с данной ситуацией. Не знаю, как так вышло, что Кирилл выудил из меня информацию без особого напряжения и даже без прямых вопросов. Хитрый, однако.

— Не недооценивай ни его, не других наших одногруппников.

— Тебе видней, ведь ты знаешь их дольше, чем я.

— Не нужно много проводить времени с людьми, чтобы понимать, что близко подпускать к себе можно далеко не всех. Но можно веселиться. А веселье, как ты понимаешь, временно покинуло меня.

Удивительно, но, кажется, девушка не отказывается от разговора со мной. Хочет тоже что-то сказать? Будет ли это «что-то» позитивным и приятным?

— Временно?

— Конечно. Не думал же ты, что я вся такая бедняжка решила уйти в вечный мир траура.

— Дело в трауре?

— У меня нет желания веселиться, пока не решено одно дело... И сочувствие мне не нужно, — Крылова вновь возвращает высокомерные нотки в свой голос.

— Расскажешь, что у тебя случилось?

— С чего мне это делать?

— С того, что ты ночевала в моей постели, и мне не всё равно.

— Не всё равно? Это такие слова ты теперь используешь? — она скептически и даже насмешливо усмехается.

Я вижу широкую улыбку Одарии по другую сторону книжного стеллажа в проёме между верхушками книг и следующей полкой. Мне хочется спросить её: «А какие ещё слова ты ожидала в ответ на свои грубости?». Но вместо этого протягиваю руку ладонью вверх в этот самый проём, как бы приглашая к перемирию и говорю:

— Да, именно такие. Вообще, я и сам должен кое-что рассказать.

— Это точно, — отвечает девушка и кладёт свою ладонь поверх моей. — И начни с того, какого чёрта ты нарушил наш уговор о том, что сексом мы можем заниматься только друг с другом?

— А вот сейчас я не понял, — теряюсь.

Одария отнимает свою руку, лишая меня тепла, и обходит стеллаж так, чтобы оказаться прямо передо мной.

— Я вот тоже не поняла. Что за Кристина, которая тебе всё время звонит и строчит сообщения?

— Откуда ты про Кристину знаешь? — я прямо таки опешил.

Крылова могла разве во время нашей встречи в парке аттракционов увидеть имя моей бывшей, когда я отклонил входящий вызов. Но... сообщения?

— Мне больше интересно, зачем ты её скрываешь. Сам же хотел, чтобы мы только друг с другом имели связь. Что за идиотизм? Передумал? Я теперь тоже могу коллекционировать любовников? — смотрит с вызовом и не скрываемой злостью.

— Подожди ты! Кто тебе про Кристину сказал? Это моя бывшая, и отношений с ней я давно никаких не имею. О ней, кстати, и хотел рассказать, на случай если...

— На какой случай? — Одария грозно щурит глаза.

— На случай если она или кое-кто из наших одноклассников наплетут тебе какую-нибудь чушь.

— Какого чёрта вообще происходит! — девушка начинает раздражаться по-настоящему. — Каким образом кто-то из наших одноклассников связан с твоей якобы бывшей?

— Они вроде как со Стёпой имеют общих знакомых и иногда общаются.

— Стёпа? Шалун что-ли?

— Он.

Стёпа и оказался тем самым одноклассником, который уже давно знает наш с Одарией

секрет. Он сам мне вчера написал в «ВКонтакте» после того, как чат группы 621 взорвался от новости обо мне и Крыловой. «Спасибо» Ермолину, которого я «поблагодарил» уже сотни раз за сутки.

— Артём, — Одаряя опирается боком на книжный стеллаж, скрестив руки, и шумно вздыхает, — не уводи нас от моего вопроса куда-то в сторону. Почему ты нарушил наш уговор?

— Я же сказал, что никаких отношений с Кристиной не имею!

— А как ты объяснишь её сообщение с благодарностью за то, что ты составил ей компанию? Я видела оповещение на экране твоего телефона в нашу последнюю ночь.

— А компанию только в постели можно составить? По себе судишь? — огрызаюсь.

Честно, даже сам злиться начал.

— А где ты ей компанию составил? А главное: зачем?

— Об этом я и хочу рассказать. Сколько у нас примерно времени до прихода первых посетителей?

Помимо злости я вижу заинтересованность на лице девушки. Злится, но хочет, чтобы я прояснил ситуацию. Значит, не всё ещё потеряно?

— Примерно полчаса. Но их в воскресенье много не будет, так что в любом случае тебе никто и ничто не мешает объясниться.

Звучит как: «Ты просто обязан мне сейчас всё рассказать».

Так мы оказались вдвоём за стойкой библиотекаря. Просто поставили второй стул для меня, и я начал свой монолог.

Я рассказал о начале отношений со своей одноклассницей, Кристиной, в школьные годы. О том, как мы с ней встречались, и о том, как расстались. Рассказал, что одним из главных поражений и разочарований в моей жизни стало то, что произошло на выпускном после окончания школы и одиннадцатого класса.

Тот выпускной я ещё, пожалуй, долго не смогу забыть...

В арендованном кафе громко играла музыка, а половина воздушных шариков либо сдулись, либо просто лопнули. Мы, уже бывшие школьники, тоже, как эти самые шары: половина пьяна, а другая половина, глядя на всё творящееся безобразие, ещё только начала пробовать алкоголь. Кто-то даже впервые в своей жизни. Нам было весело, и даже некоторые присутствующие родители вошли в раж, обособившись своей собственной отдельной компанией за другим длинным столом.

Я тогда был с матерью и отчимом, с которыми тогда был ещё в нормальных отношениях. До этого самого вечера...

До момента, пока я не потерял из виду Кристину.

— Кто-нибудь видел Кристину? — ходил я по душному залу и спрашивал у всех, но никто не мог точно ничего сказать.

То на улице, говорят, то вообще домой уехала. Без предупреждения? Ну, нет. Она бы так не сделала. И тогда я вышел на улицу, обеспокоенный за свою девушку. Она пила. Я напугался, что одноклассница могла выпить слишком много, и ей могло стать плохо. А ведь мне от её родителей было дано указание проследить за тем, чтобы их дочь вернулась домой в полной сохранности.

Сердце стучало, тревога била в уши. На улице курили двое мужчин, которые были отцами моих одноклассников. Они тоже не видели Кристину. Тогда, уже теряя надежду, в панике несусь в заднюю часть двора на территории кафе.

Я и в самом деле нашёл её там, прямо за кафе на одной из широких лавочек. Полуголую Кристину и своего отчима со спущенными штанами. Моё тело застыло. Девушка стонала, цеплялась ногтями в плечи Константина, и совсем не выглядела «расстроенной».

Я так и стоял, пронзённый болью, как колом, пока они не закончили. Тошнота подкатила к горлу, руки тряслись, как ненормальные. В глазах отчима я увидел досаду, а в глазах своей девушки испуг вперемешку со стыдом.

Моя жизнь была сломана — так я это ощущал.

— Так это не было даже насилием? — спрашивает удивлённая моим рассказом Одария.

— Нет. Они оба просто сделали то, что хотели. И, кстати, — добавляю, — Кристина не была всё же пьяна. У неё были абсолютно ясные глаза и чёткая речь.

— Она извинилась?

— Нет. Мы просто перестали общаться в этот же момент.

— Ну и история, Артём, — хмыкнула задумчиво Крылова. — А что твоя мать?

— Простила его, — недовольно усмехаюсь.

— Злишься на мать?

— Так что там у тебя за нерешённое дело, которое мешает тебе веселиться? — перевожу тему. — И в чём причина... твоего траура?

Я ступаю на скользкую дорожку, и прекрасно понимаю это. Но так или иначе, я намерен получить ответы на свои вопросы. Особенно теперь, когда вывалил перед девушкой своё прошлое.

Одаря

— Про моё дело и про мой траур мы поговорим как-нибудь в другой раз, — закрываю тему, не успев даже начать её. — Лучше скажи, как намерен исправить свою ошибку.

— А разве её возможно теперь исправить?

— Конечно. Можно сделать вид, что никаких взаимоотношений между нами не было, нет и не будет.

— Ты сейчас серьёзно? Решила просто прекратить всё? — раздражается и ёрзает, скрипя стулом.

В библиотеке всё ещё нет посетителей, и я на самом деле надеюсь, что моё уединение с Артёмом продлится как можно дольше. Такие важные разговоры не хочется обрывать и отодвигать в сторону.

— Что «всё»? Секс мы с тобой и в других местах найдём.

На самом деле я сейчас просто дразню Артёма и проверяю его реакцию. У меня нет намерения обрывать наше с ним «общение», ведь это не имеет никакого смысла. Я хотела избежать внимания к себе, но уже провалилась. Теперь это внимание обрушилось на меня целой лавиной, высоту которой взрастила я сама же. Не будь я такой «тихоней» в последние месяцы, то и дела бы никому не было до моей связи с Угольниковым.

Да и привыкла уже к Артёму... А что скрывать? Привыкла.

— Как у тебя всё просто и бездушно, — хмурится и прожигает твёрдым взглядом.

— Неожиданные слова от пустоголового парня, — усмехаюсь.

— Рия, — говорит теперь уже даже холодно, — с этой самой минуты я больше не потерплю оскорбления в свой адрес. Я устал быть каким-то нелепым шутком для тебя. Шутки шутками, но всему есть разумный предел. Я, может, и накосячил в разговоре с Ермолиным, но наш юмор на грани мне всё же надоел.

Кажется, таким Угольникова я вижу впервые. Максимально собранный, серьёзный и невозмутимый. Парень встаёт со стула и отходит от меня на шаг, проверяя свой мобильник в кармане брюк. Он собирается вот так просто уйти сейчас?

— И раз уж тебе нравятся странные игры в недотрогу с секретиками, то так и быть: признаю, что правила твоей игры я нарушил. Случайно. Но... давай заканчивать тогда.

— Заканчивать?

— Разве не этого ты хотела?

Упрёк, плещущийся в карих глазах пугает меня.

— Я...

Я растерялась. Не часто я оказываюсь в ситуации, когда не знаю, что сказать. Знаю, что хочу быть с ним и дальше, но озвучить своё желание язык не повернулся. Я же Одаря Крылова — задира. Разговоры про чувства нужны таким девочкам, как Машка Мартынова. А я что?

Пока «зависала», Угольников ушёл. Равнодушный, холодный. Больше не мой?

А моим он и не был. И уже не будет, похоже.

Вот дерьмо. Я настолько привыкла к тому, что этот парень бегаёт за мной и терпеливо сносит все мои гадости, которые льются из моего рта, что мне и в голову даже не пришла мысль о том, что терпение Артёма может закончиться.

Он ушёл. «Разве не этого ты хотела?». Нет, совсем не этого...

Всё воскресенье было испорчено. Даже очередные бесполезные поиски заветной книги с синей обложкой так не убивали меня, как повисшее молчание между мной и Угольниковым. Почему в последние дни всё так сложно? Неужели и правда конец?

Но то было вчера. Сегодняшний понедельник тоже не радует.

Зайдя в стены учебного корпуса, сразу вижу Мартынову, подскочившую со скамьи в коридоре. Словно ждала меня. Ещё один человек, с которым у меня не заладилось...

Подруга подходит ко мне с немного испуганными глазами. Мы стоим друг напротив друга в самом эпицентре движения студентов.

— Привет, — говорю.

— Привет, Ри.

— Всё нормально?

Подбрасываю рюкзак у себя на спине, чтобы удобней расположить, и направляюсь в сторону расписаний. Мартынова идёт следом. Мы смотрим номер аудитории, а когда отходим и идём к лестнице на второй этаж, Маша задаёт странный вопрос:

— Можно на паре с тобой сесть? — она теребит лямку своей сумки и выглядит совсем уж неуверенно.

— Почему ты спрашиваешь?

— Мы не очень хорошо расстались в четверг... Да и в пятницу я отмалчивалась.

Это правда. Мой поход в гости к Мартыновой оказался провальным из-за её странного поведения, и половину следующего учебного дня одногруппница продолжала быть угрюмой и замкнутой. Пару раз я попыталась завести с ней разговор, но затем махнула на это всё рукой. Если надо будет, то сама скажет в чём дело.

— Ты что-то не в настроении была, подружка, — не удержалась я от ироничных ноток в своём голосе, стараясь протиснуться сквозь густую толпу прямо возле лестницы.

— Я просто глупая. Извини.

— За что?

— Я что-то вообразила себе, не подумав.

— Не хочешь объяснить? Я же не понимаю ничего. Какая-то тупая ситуация.

— Тупая я, и ситуации создаю тупые... — сказала упадническим голосом, уныло перебирая ступени рядом со мной.

— Кончай с самобичеванием и рассказывай нормально, что за приколы с твоей стороны начались.

— На днях я общалась с Алиной, и она наговорила мне всякого.

— Например?

— Я просто поинтересовалась у Ивановой, почему она избегает тебя и пишет гадости в твой адрес в общем чате. Она ответила, что терпеть тебя не может. Я понимаю, что ты её достала ещё на первом курсе, когда постоянно задирала, но сейчас-то ты никого не трогаешь...

— Угу, — коротко смеюсь, вспоминая свою позавчерашнюю стычку с Алиной.

— Тогда она сказала мне: «Подружка твоя любит чужих парней уводить. Разве можно нормально относиться к ней после этого?». А я и вспоминаю про Ваню, твоего бывшего. Удивляюсь, спрашиваю Алину: «А разве Ваня был твоим парнем?». Так она мне ответила, что и не про него вообще.

— А про кого? — хмыкаю.

Если это очередная бывшая у Артёма нарисовалась, то сколько же у него их?

Второй этаж более пустынный, в отличие от первого, и я начинаю оглядываться по сторонам: нет ли кого из наших одноклассников в поле зрения? Сегодня первый день, когда я прихожу на пары в новом статусе. Теперь же всем известно про меня и Артёма... Которых уже нет. Нас нет и даже никогда и не было.

Эта мысль, это имя, этот мужской образ в моей голове делают мне больно.

— Про... моего парня, — продолжает Маша.

— Что?

— Ну, мне стыдно признаваться, но я так сильно расстроилась и испугалась, что успела наломать дров: с тобой испортила общение и с парнем своим. Алина сказала, что ты заигрывала с моим парнем в парке аттракционов.

— Что? — повторяю.

Мы идём вдоль коридора, а меня словно засасывает в тёмный беспросветный тоннель. Света в нём нет. Сейчас мы зайдём в аудиторию, а там он. Отдельный от меня. И я, отдельная от него.

— Она сказала: «Я не про Ваню. Я про твоего. Противны люди с таким уровнем лицемерия. Я втащу Крыловой, если увижу её, оставшись с ней один на один. А ты, глупая, ничего не знаешь. Не догадалась до сих пор? Он же у тебя в парке продавцом мороженого работает? Крылова в тот день оделась весьма романтично». Я ей возразила и стала защищать тебя, говоря, что ты бы так не поступила. А Иванова в ответ: «А ты спроси у нее чем она занималась в парке. Только ли практическим заданием. Честное слово, втащу ей без раздумий». Поэтому я тебе все эти вопросы и задавала... А потом ещё и на парня наехала, а он обиделся и высказал мне всё, что думает о моей истерике. И я поняла, что ни с кем он мне не изменяет, а ты вообще с... Артёмом была.

— Истерике? Ты ещё и истерить у нас умеешь? — усмехаюсь, игнорируя произнесённое подружкой имя.

Да, теперь и Машка знает.

— Я просто...

— Ладно, Маш, я поняла тебя. Алину слушать, конечно не стоило. Знаешь же, как мы друг друга не любим. Особенно она меня. И, кстати, у меня вопрос к тебе: почему ты Ивановой сказала, что я в субботу в библиотеке работать не буду?

— Извини, — Мартынова с новой силой делает несчастный вид, едва ли не плача тут передо мной, — я расстроилась от её слов и просто соврала. И правда: знаю же, что вы, как кошка с собакой. Видимо, моё обиженное внутреннее ребяческое нутро захотело вас столкнуть лоб в лоб.

— У тебя это получилось, — смеюсь.

— Извини!

— Не извиняйся, — отмахиваюсь, — нам обеим понравилось.

Мы пришли. Дверь аудитории открыта, и я с Мартыновой вхожу внутрь. Одноклассники встретили меня любопытными взглядами и понимающими улыбками. Я вижу по всем этим лицам, как чешутся их языки, чтобы спросить меня о...

— А вы правда с Артёмом встречаетесь? — спрашивает как раз один из наших парней.

Лёгкий гул голосов затих. Все ждут моего ответа.

— А чего у Угольников не спросишь? — приподнимаю бровь. — Он тут перее меня

оказался, насколько я понимаю.

Артём уже сидит в аудитории рядом со старостой. Всё такой же холодный, чужой и недоступный для меня.

— А он не хочет отвечать, — встречается голос другого, — у тебя говорит спрашивать надо.

— Вот так поворот... — бормочу себе под нос, а сама обращаю своё внимание на Артёма.

Он смотрит на меня с вызовом несколько секунд, а затем продолжает свой разговор с Даней Рыжковым.

Всё ясно: сейчас, в эту самую минуту, Угольников мне предлагает решить судьбу наших с ним отношений.

Артём

Она смотрела на меня, но я вскоре отвернулся. Пусть сама разбирается. Крылова так сильно хотела быть на расстоянии вытянутой руки, и вот прямо сейчас ей предоставляется возможность здесь и сейчас окончательно закрыть вопрос нашей с ней связи. Пусть сама и закрывает его.

Даня не комментирует ситуацию, и я рад этому. Мы просто продолжаем обсуждать мою работу.

— Сколько времени ты пишешь один такой сценарий? — спрашивает староста.

— Два, три, а бывает и четыре. Всё зависит от сложности темы. Иногда мне нужно лезть в Интернет и изучать вопрос... Бывают завалы с несколькими заказами, но зато платят хорошо.

Да какое мне сейчас дело до моих заказов, если личная жизнь и новые отношения рушатся, даже толком не начавшись. Я бы хотел, чтобы Одария прямо сейчас сама и при всех подтвердила, что мы пара, что мы встречаемся. Мне даже кажется, словно «да, встречаемся» звучит и в самом деле, но кого я обманываю? Зачем вообще я бегаю за ней всё время? Если Крыловой ничего не нужно, то и я не буду навязывать себя, унижаться.

Что же она молчит-то?

— Я даже и не задумывался всерьёз, что видеоблогеры могут быть работодателями, — Рыжков выглядит заинтересованным. — Думал только монтажёры им нужны. Может, и я смогу? А то официантам в нашем городе не очень хорошо платят...

— Да, понимаю, — усмехаюсь, — сам до этого в ресторане с подносами бегал.

Аудитория взрывается свистом и аплодисментами, мы с Даней отвлекаемся от разговора и смотрим по сторонам.

Одногруппники столпились вокруг Одарии и начали кучковаться возле нас с Даней. Кто-то меня даже по плечу хлопает, как-бы поздравляя. Я же растерянно киваю и перевожу взгляд на Крылову.

Она в ответ сощурила глаза, уперев руки в бока:

— Ты хоть подтверди что-ли, — говорит, — чего молчишь?

И тут я понимаю, что слова «да, встречаемся» мне не послышались. Девушка и в самом деле их произнесла. Аж пульс слегка ускорился от неожиданности...

— Ну, да, — говорю громко, чтобы все слышали, — мы встречаемся.

Но все уже итак всё поняли. Улыбки наших ребят настолько широки, словно им только что объявили, что их стипендия станет ощутимо выше. Ну и ну, а я думал, что счастливей меня в этот момент не будет никого!

Только один человек скрещивает руки и показушно закатывает глаза к потолку. Алина Иванова. Я случайно пересёкся глазами с этой блондинкой, заметив её недовольство. Она стоит возле доски в паре метров от Одарии.

— Наконец-то замену Ване нашла? — спрашивает Иванова у моей девушки.

У «моей девушки» — звучит-то как!

— Что ты к Ване прицепилась? — Крылова направляется к своему месту, где уже сидит Мартынова в ожидании подруги. — Не замечала раньше за тобой особой любви к нему.

— Не к Ване, а к тебе я прицепилась.

— А от меня тебе чего надо?

Все затихли и с интересом наблюдают за диалогом. Я и сам весь подобрался, не желая упустить что-то, возможно, важное. Всё-таки мужское имя прозвучало.

— Адекватности. — Алина подходит к аудиторному столу, за которым уже сидит Одария и извлекает из своего рюкзака лекционную тетрадь. — Сейчас выйдешь из своего панциря и снова начнёшь не смешные шутки шутить.

— Я же не виновата, что ты такая ранимая. Работай над собой, а ко мне не лезь.

— А ты ко мне не лезь.

— И не собиралась: ты мне больше не интересна. Чего прилипла?

Алина, вероятно, ответила что-то грубое. Нам здесь не было слышно слов, но я задался вопросом: а что это Иванова сейчас делала? К ней ведь и правда никто не лез. Зачем сама же провоцирует конфликт? Я чего-то не знаю, похоже. Это один из тех моментов, когда я особенно остро осознаю себя полным новичком в этой группе. Они-то всё понимают, в отличие от меня.

Я уже было повернулся к Рыжкову, чтобы спросить, но быстро опомнился. Я же парень Одарии. Теперь уже даже официально. А значит и вопросы буду теперь все лично ей задавать.

Звенит звонок, начинается пара. В затихающую аудиторию входит препод, старенький Антон Павлович. Он идёт медленной шаркающей походкой, и всем нам ясно, что следующие полтора часа мы проведём «весело». Вновь длинные паузы в нудной речи немолодого мужчины, задумчивые взгляды на наши лица, зачитывание лекции с потрёпанного учебника... Но всё же я давно заметил, что всем студентам словно жалко его, и они учтиво соблюдают тишину.

В один удачный момент, когда Антон Павлович надолго уткнулся в книгу, пишу Одарии сообщение:

— *Пообедаешь со мной?*

— *В буфете?*

— *Ресторанов в этом вузе не предлагают.*

— *На большой перемене?*

— *Конечно.*

— *Договорились.*

В этот раз я не пытаюсь скрыть от Дани, с кем переписываюсь. Да и ему уже не так интересно, когда никакой таинственности не осталось. В телефон ко мне не заглядывает, рожи странные не кривит, как Ермолин, например или некоторые другие кадры.

Когда наступает обеденное время, не таясь, хватаю Крылову за руку и веду по коридору. Я впервые иду обедать не с парнями, а с кем-то другим. С Крыловой! Кто бы мог подумать. Однотруппница идёт рядом со мной с почти безмятежным видом. Плечи расслаблены, походка уверенная и голова высоко поднята. Впрочем, по другому эта девушка и не может. Она в любой ситуации будет гордо нести себя. Даже будучи в траурном молчании не даст себя в обиду.

— Не тяжело тебе? — Одария кивает на моё плечо, на котором я тащу сразу оба наших рюкзака.

— Шутишь? Настолько жёстко ты меня ещё не оскорбляла! Даже сравнение с надоедливой собачкой было приятней. Или как ты там говорила?

— Любые мои слова подобны райской песне. Наслаждайся тем, что вообще говорю с тобой, — фыркает.

— Я в тебя ещё и засовываю периодически. Это ещё круче!

— Вот же идиот!

— Сама такая!

Ругаемся, но скорее шутливо, по привычке. Вроде и рассмеяться даже хочется, когда Крылова щипает ноготками мою ладонь, чтобы «отомстить» и в очередной раз продемонстрировать мне свой нрав. А то я же ещё не понял, что она женщина с характером!

В самом буфете аншлаг: всё забито голодающими студентами. Мы еле находим один из последних пустующих столиков. Маленький, в самом углу и прямо возле раковин, где моют руки. Не популярное место, но другие заняты.

— Я заметил, что между тобой и Алиной какое-то напряжение, — начинаю разговор, когда мы вместе с купленной едой уселись за стол.

— Конфликт интересов ещё с первого курса, — пожимает плечами.

— И в чём его суть?

— В том, что Иванова тупая курица, а я таких терпеть не могу.

— Я смотрю, ты всех считаешь тупыми, — не сдерживаю смеха.

— Я тоже иногда бываю такой.

— Вау! — искренне удивляюсь. — Ты впервые отзываешься о себе подобным образом. Мне казалось, что твоя самооценка пробивает озоновый слой планеты и стремится к Солнцу.

— Я же не говорю, что тупая, — щурит глаза. — Только иногда.

Девушка маленькой ложкой поглощает салатик, а я пожираю глазами её рот.

— Или не иногда, — дразню.

— Возьми свои слова назад или отсыдь от меня.

Она блефует. Я вижу это по хитринкам в её глазах.

— Я бы, пожалуй, подсел поближе и... но вокруг слишком много людей.

— Стесняешься?

Мурлычет так, что у меня ткань брюк натягивается от этого её тембра. Одаряя тут же, словно чувствуя моё состояние, принимается гладить своей ногой мою где-то там под столом, заставляя меня немного поплыть в мыслях. Носок её туфель забирается мне под штанину и водит по оголённой коже...

Она продолжает есть салат. Капля белого соуса на нижней губе девушки сводит меня с ума. Это тоже специально?

Чёрт, я же о чём-то там поговорить хотел... Прочищаю горло и задаю вопрос:

— Почему ты рассталась с бывшим?

Одаря

— Почему ты рассталась с бывшим?

Как много вопросов в последнее время от Артёма. Он словно душу наизнанку мне вывернуть хочет. В самом деле интересуется моей жизнью? Мне казалось, что мы просто сексом занимаемся. А ещё мне думалось, что меня это устраивает. Неужели мы становимся той самой «парочкой» в общепринятом смысле?

В задумчивости продолжаю водить носком туфли по ноге Угольниковой под штаниной. Вверх, затем вниз, и снова вверх. Облизываю губы, чтобы убрать остатки салатного соуса и томно улыбаюсь парню напротив.

— Почему тебя так интересует моё прошлое?

Артём моргнул, видимо, разгоняя туманную пелену в своей голове, вызванную моими дразнящими действиями.

— Мой рассказ про Кристину ты тоже слушала с интересом, как мне показалось.

И возразить нечего даже.

— Так почему с бывшим не заладилось? — продолжает.

— С Ваней?

— А у тебя их несколько?

— Нет, один пока что.

— Так кто этот Ваня и причём здесь Иванова? — игнорирует моё «один пока что».

— Ваня это мой бывший парень, с которым я встречалась с первого курса. Мы расстались в тот момент, когда... в моей семье кое-что произошло. Мне уже было не до отношений. А Алина просто обижена на меня за то, что я приставала к ней на первом курсе. Иванова тогда выглядела нелепо и вела себя, как тупая блондинка из проходных низкосортных комедий.

— Хорошо же ты её задела, что ей покоя всё ещё нет.

— Она злопамятная. Прямо как муж твоей матери.

— Константин не злопамятный, но злой и память у него хорошая, — криво усмехается, и я отчётливо вижу, как Артёма едва не передёргивает от упоминания этого мужчины.

— В общем-то... — тяну, обдумывая свою фразу, — про Ваню мне больше и нечего сказать. Мы были в радости, но не смогли быть в несчастье.

На самом деле я опустила некоторые детали. По правде говоря, Ваня гораздо больше связан со смертью моей сестры, чем я рассказала Артёму. Но к чему Угольникову засорять голову лишней информацией? Да и самой не хочется в этом ковыряться...

Я вообще много не договариваю, но уверена, что Артём знает кое-что. Знает о факте смерти члена моей семьи. Ведь все об этом знают, и не могло такое остаться в тайне даже от новенького. Но он не спрашивает об этом более конкретно. Кажется, я даже испытываю благодарность по этому поводу. На меня не давят, не пытаются расшевелить рану — это ли не повод для уважения?

Угольников менялся в моих глазах постепенно, даже почти незаметно. Я шучу, что он клоун, но этот парень оказался не таким плоским, как мне думалось. У него есть разные грани: шутливый болван, деликатный собеседник, горячий любовник, взрослый самостоятельный парень... Он тоже пережил свою личную травму, ему тоже есть о чём

грустить.

Я проникаюсь им.

Всю неделю мы не скрываемся, ведём себя, как пара. Не как сопливые подростки, что обжимаются на каждом углу, а просто как люди, хорошо ладающие друг с другом. Не смотря на мой дерзкий характер, я не любитель демонстрации чувств. Даже с Ваней такого не было. Я просто пошло шутила над ним, и всем, включая его самого, было смешно.

Теперь другие времена. Проходящая неделя мне это хорошо показала. Если раньше в паре шутницей была я, то теперь, в уже новых отношениях, одёргивать приходится Артёма, а вовсе не меня.

А он светится. Довольный настолько, что у меня подкрадывается мысль: «А не влюбился ли случайно?». Ну, нет — смешно же! Мы просто хорошо проводим время: ходим вместе на обед на большой перемене, вечерами занимаемся сексом. Кстати, теперь я стала часто оставаться у него с ночёвкой, хотя и сопротивляюсь идее полного переезда к нему.

— Какой смысл мотаться тебе туда-сюда? — спрашивал он меня.

— У нас не любовь, — отвечала я, — мы же убьём друг друга, если останемся наедине на такое длительное время!

На том спор и заканчивался.

Хотя буйная фантазия то и дело подкидывала мне картину того, как бы могла выглядеть наша с ним совместная жизнь... Быстро убираю мечтательную улыбку со своего лица — сейчас не время для витания в облаках, так как я на работе.

Эту суббота выдалась спокойной: сейчас, в последний час рабочего дня, в библиотеке только компания из трёх первокурсниц и Угольников. Девчонки шарятся в книжных стеллажах и тихонько хихикают между собой, а мой парень сидит в рабочей зоне за компьютером. Он приехал полчаса назад, чтобы мы потом сразу же отправились к нему домой.

Поглядываю на часы, считая минуты. На мне новое откровенное бельё, и мне не терпится скорей прыгнуть в машину Артёма, а затем и в его кровать.

Растягиваю губы в улыбке, ведь парень, словно прознав о моих шаловливых мыслях, подходит к стойке библиотекаря. Мужская рука протягивает мне самодельный конверт из листа печатной бумаги.

— Снова твои шуточки? — усмехаюсь, предвкушая прочесть всякие пошлости.

— А ты прочти, а затем посмотри в мои глаза. Тогда и поймёшь.

По голосу и лицу Угольникова ничего не читается. Я не понимаю серьёзен он или разыгрывает сейчас какую-то свою клоунскую сценку.

Открываю конверт и извлекаю из него валентинку, напоминающую мне апрельскую, которую Артём дарил месяц назад. Словно в другой жизни это было...

«Четырнадцатое февраля ещё не скоро, а валентинку хочется подарить уже сейчас. Я без ума от того, как пахнет твоё тело и от того, как ты улыбаешься мне».

Лицо бросило в жар. Если месяц назад я разозлилась, то сейчас растерялась. Меня охватило лёгкое смущение, ведь я ожидала чего-то совсем другого. Более дерзкого, наглого и даже почти грязного. А это... даже мило.

— Мило, — коротко смеюсь и нервно поправляю волосы, не зная, что и ответить.

А затем смотрю в его карие глаза, как он и велел ранее. В них ни тени улыбки или шутки.

— Мило это бантик на члене, а я тебе по факту говорю.

— Это признание?

— Ты мне приятна, — вальяжно облокачивается на стойку.

— В последнее время и ты меня не бесишь.

— Ну, круто. Мы всё больше похожи на стандартную парочку, а не на кошку с собакой.

— Хорошо, что мы не влюблённые идиоты, но при этом нравимся друг другу.

— Да, хорошо, — кивает.

Мы дружно обмениваемся смешками, но, уверена, каждый подумал о чём-то своём. Не знаю, что там у Артёма в голове, а вот я мысленно скрестила пальцы в надежде, что не начну сохнуть по этому парню. Да, мы не влюблённые идиоты, а просто нравимся друг другу. Правда же?

— Что же! — весело восклицаю. — А вот эту валентинку я, пожалуй, оставлю при себе.

— Никаких мусорок?

— Нет, этот клочок бумаги достоин большего.

— А я?

— А что ты? — встаю со стула, наклоняюсь и почти мурлычу парню на ухо.

— А я достоин чего-то большего, чем простое «мило»?

Подзываю рукой Артёма к себе за стойку, и тот послушно идёт за стулом, а затем усаживается рядом со мной.

— Ты об этом? — спрашиваю.

Поглаживаю рукой ширинку Угольниковова, делая свой нажим всё более настойчивым.

— А если кто-то придёт сейчас или та троица увидит? — выдыхает шёпотом.

— Общественные места не твой конёк! — тихо смеюсь, но не прекращаю движений рукой.

— Ты была права: я стеснительный.

— Ты?!

— Уж точно скромней тебя буду, — усмехается, выглядя донельзя счастливым.

— Ты сейчас что мне хочешь сказать? — с угрозой щурю глаза.

— Что ты меня заводишь своей смелостью.

— Значит, я смелая? — играюсь молнией его брюк, дёргая замок то вниз, то снова вверх.

— Ты милая.

— С каких это пор?

— С тех самых, когда ты впервые осталась у меня на ночь. Это мило, что злая и ужасная Рия сворачивается во сне калачиком и прикрывает ладошкой нос.

— Прекрати, а то блевану! — шутливо шлёпаю парня по ноге, а тот смеётся.

— Ладно: на самом деле я потешаюсь над тобой. Твоё счастье, что я сам не блеванул при виде того, как ты ещё и слюнку во сне пускаешь.

Вот же... клоун. Но в этот раз я совсем не злюсь. Наши взаимные колкости превратились из кровавых поединков в детскую борьбу деревянными палками, имитирующими боевой меч.

Угольников заворожённо следит за моими пальцами, продолжающими играть на его ширинке, то и дело оглядываясь на первокурсниц. Нервничает, но светится удовольствием от моей забавы. Такой смешной сейчас и какой-то родной, что мне вдруг захотелось приоткрыться ему...

— Я не читаю все эти книги. И у меня не окр, как ты шутил. Я ищу кое-что, и для этого мне нужна книга с синей обложкой, — убираю руку и вытягиваюсь струной при виде троицы, следующей ко мне.

— Что ты ищешь? — делается серьёзным Артём.

Себя...

Артём

Эта девушка бывает слишком смелой. Иногда рядом с ней я ощущаю себя так, словно балансирую на какой-то тонкой грани между обыденностью и чем-то дразняще запретным. Прямо как сейчас, когда тонкие пальцы порхают у меня в районе ширинки, а в нескольких коротких метрах от нас хихикают первокурсницы, прячущиеся в книжных стеллажах. И пугает и возбуждает одновременно мысль о том, что меня и Одарию могут видеть. Точнее то, чем мы занимаемся...

— Я не читаю все эти книги, — вдруг раздаётся голос Крыловой, наполненный печалью. — И у меня не ОКР, как ты шутил. Я ищу кое-что, и для этого мне нужна книга с синей обложкой.

Девушка убирает руку, прекращая свою дерзкую игру. В это же время я вижу, как те самые девчонки идут к нам с одной книгой на троих.

— Что ты ищешь? — спрашиваю Одарию.

Я словно боюсь, что сейчас её отвлекут посетительницы, и к теме мы больше не вернёмся. А я совсем не хочу забывать — мне нужны ответы.

Повисает тишина. Она нарушается лишь стуком клавиш, пока Крылова заносит данные о протянутой ей книге. Такое, казалось бы, короткое действие, а каких усилий мне стоит вынести возникшую паузу в разговоре.

Вскоре троица уходит, и в библиотеке остаёмся только мы вдвоём. Обращаю пристальный взгляд на лицо своей девушки. К моему удивлению Одария без промедления продолжает разговор:

— Среди всех этих книг я ищу одну конкретную. Я не знаю её названия, не знаю автора. Знаю только то, что цвет её обложки имеет синий цвет. Внутри этой книги есть записка, написанная для меня. Я не обнаружила этот жалкий клочок бумаги тогда, когда это было нужно. И этот жалкий клочок бумаги не даёт мне покоя.

— Это как то связано с бывшим?

— Забудь ты про Ваню! — морщится и фыркает с таким пренебрежением, что я понимаю: бывший и правда больше не имеет никакого значения. — Это связано с моей младшей сестрой, Аней. Я думаю, ты знаешь, что в моей семье кое-кто... умер.

— Это она? — спрашиваю едва слышно, со всей осторожностью.

— Да. Записка была написана ею незадолго до трагедии. Для меня.

Что же, время шуток на эту тему прошло. После рассказа Одарии мне стало понятным её странное поведение. Замкнутый образ жизни, тяга к библиотеке, острый язык... Хотя последнее с ней было всегда, насколько я понял. Но этим одnogруппница мне и понравилась изначально — не так ли?

— Сильно переживаешь по этому поводу?

Чёрт, что за глупый вопрос я задаю? Но сказанного не вернуть...

Думал, Крылова разозлится и пошлёт меня за непонятливость, но она вдруг согласно кивает и смотрит на меня так, словно я единственный, кому она может доверить свою историю. Неужели я и в самом деле тот редкий человек, который смог добиться доверия этой девушки? По груди невольно разлилось жгучее тепло от этой мысли.

— Книга может быть вообще у кого угодно! — восклицает она. — Конечно, переживаю.

Записку вообще могли выкинуть, как лишний мусор.

— Могли. Но с другой стороны: многие ли студенты книги открывают?

— Те, что приходят в библиотеку, вряд ли берут книги просто так по приколу. А у меня даже зацепки никакой нет, кроме цвета обложки.

— Всю библиотеку перерыла или нет ещё?

— Почти всю...

— Книга и правда может быть у кого-то на руках всё это время. Много у вас должников?

Во мне проснулся внутренний сыщик, желающий докопаться до сути. Или просто парень, который увлечён одной девушкой и желает ей помочь...

— Должников я проверяла: приходилось искать в Интернете названия книг и инициалы авторов, чтобы увидеть их обложку. Не нашла в общем.

С минуту мы молча смотрим на колыхающиеся от открытой форточки шторы. Повечернему свежий воздух гуляет по помещению, разгоняя мелкие частицы пыли и запах распускающейся на деревьях листвы.

— Ни одной синей обложки среди просрочки? — спрашиваю с сомнением.

— Были штуки три, но затем эти книги принесли, и я увидела, что никаких записок в них нет. Спрашивала у возвращающих, а они на меня, как на дуру смотрят, не понимая о чём я.

— А тех, кто ещё не является должником, но долго держит книги на руках, проверила?

— Таких слишком много, Артём, — Одария невесело усмехается.

— Это правда... Представляю.

Одни только первокурсники, набравшие учебников в начале учебного года, чего стоят.

— Буквально в каждой учебной группе найдётся хотя бы один такой человек. Вуз большой, студентов много. За всеми не уследить. Я итак с ума схожу, копошась здесь. А что же со мной будет, если я ещё и каждого студента проверять начну? Это даже звучит фантастически!

— Удивила ты меня, — признаюсь. — Я тебя то про бывшего, то про Алину спрашиваю, то ещё про что... А самый правильный мой вопрос был еще тогда, в самом начале нашего с тобой знакомства.

— Ты про собачий климакс? — смеётся и пихает меня в бок, едва не пошатнув мой стул, на котором сижу. — Обожаю эту твою шутку!

Ого. Неожиданно. Только вот смеяться не могу, находящийся под впечатлением от истории про умершую сестру и отчаянные поиски одних из последних слов Ани.

— Про книги. Как знал, что что-то здесь не чисто.

— Ты решил, что я странная.

— Ага.

— Я знаю более странную персону, чем я.

— Ты сейчас про меня? — улыбаюсь и подмигиваю ей.

Но лицо Одарии делается озабоченным. Она скрещивает руки и откидывается на спинку стула, слегка сползая по нему вниз. Со стороны может показаться, что девушка расслаблена, но это вовсе не так.

— Есть ещё одна вещь, которая беспокоит меня. Я про Иванову. Она настолько не может выносить меня, что специально ходит в библиотеку в те дни, когда там работает Елизавета Петровна. Можно сказать, что я выдумываю, ведь логично же, что Алина предпочтёт таскать книги в учебные дни, когда она итак вынуждена находиться в стенах

вуза, а не в выходные. Но есть одно «но». Иванова не стала из-за своей тупой обиды извлекать тогда из рюкзака остальные книги мне на сдачу. Я уже даже промолчу о том, что чтение не является её хобби. Главное увлечение этой девчонки — переходить мне дорогу. Остерегайся Ермолина и Иванову, Артём. И если начнут что-то болтать обо мне, то прежде чем поверить им, спроси у меня. Ладно?

— Конечно, — киваю.

Про Кирилла я уже давно и сам всё понял, а что до Алины...

— А что она там читает вообще... — Одария подскакивает на стуле и принимается с оживших азартом щёлкать компьютерной мышкой.

Передо мной мелькают непонятные для меня таблицы с заполненными строками, а сам я отрешённо думаю о том, как же мне ускорить поиски той самой книги. Как я могу помочь? Просто заниматься тем же, что и Крылова? Таскать стопки книг, прописаться в библиотеке... Неужели больше никак?

Уверен, что можно хорошенько поломать голову и к чему-то всё же прийти. А иначе так ведь можно и месяцами искать... что Одария и делает. Страшно подумать о том, каково это — искать так долго и при этом безрезультатно.

— Что за неразбериха... — шепчет тем временем девушка, нахмутив брови. — какой-то винегрет.

Она нажимает кнопку на принтере и тот вскоре с характерным шумом выплёвывает пару листов, один из которых Одария вручает мне.

Я верчу его в руках, ещё тёплый после печати, смотрю на таблицу с какими-то цифрами и буквами, а затем в недоумении поднимаю глаза на Крылову.

— Зачем мне это? — спрашиваю.

— Смотри в третий столбец с названиями книг! Пробивай их через поисковик и проверяй, как выглядит обложка! Иди с конца, а я с начала списка проверять буду!

Одария прямо загорелась своей идеей. Сама не своя сейчас: суетливая, с горящими глазами. Пожимаю плечами, но не сопротивляюсь, а открываю браузер в своём мобильном телефоне, пока сама девушка делает то же самое прямо с рабочего компьютера.

Около получаса мы молча занимаемся каждый своим делом. За это время в двери библиотеки вошёл лишь один студент, принёсший на сдачу книгу. Весь запыхавшийся, покрасневшийся — он явно торопился и боялся опоздать. Смотрю на часы, а они сообщают, что до конца рабочего дня пятнадцать минут.

Одария беседует с ним, ведя обычный диалог между библиотекарем и читателем. Я же продолжаю рыскать по Интернету.

— Артём... — шепчет Одария поражённо, когда за последним посетителем закрылась дверь — Они все синего цвета...

— У меня такой же результат поисков, — признаюсь, кивая на телефон.

— Разве такие совпадения бывают?

— Я не знаю... Каким боком тут Алина?

— Понятия не имею. Видимо, всё же совпадение. Или... она просто назло мне, видя моё «странное увлечение» нахватала себе синих книг побольше, только бы мне не досталось.

— Странный способ насолить...

— Я же говорила тебе, что она тупая! — глаза Крыловой загораются злостью.

— Прямо настолько?

Что-то сомневаюсь.

Одаря

Я толкаю дверь палаты. Аня лежит с закрытыми глазами в окружении белых стен. Из-под бледно-голубого одеяла виднеется землянистого цвета лицо, покрытое кислородной маской. Вокруг сестры трубки, капельница, электрокардиограф, аппарат искусственного дыхания и полная тишина.

Вдруг из-за туч на улице выглядывает солнце, и сквозь оконное стекло проникает его яркий луч, падающий прямо на неподвижное лицо Ани. Она, словно пробуждённая им, открывает глаза, и смотрит прямо на меня, не моргая.

— Разве ты не умерла? — спрашиваю в полном потрясении, возвышаясь над хрупкой девичьей фигуркой на больничной койке.

— А ты бы хотела этого? — сестра приспускает кислородную маску так, словно та ей больше не нужна.

— Ни за что на свете! Но разве ты не разбилась насмерть?

— Разбилась, — язвительная усмешка. — Какая жалость, ведь я не успела сказать тебе одну вещь: я ненавижу тебя.

Её лицо так похоже на моё. У нас один цвет волос, глаз, кожи. Одна форма носа на двоих и почти одинаковый рост. Но, не смотря на такие сходства, мы такие далёкие друг для друга, как две незнакомки.

— Ненавидишь? — слышу дрожь в своём голосе.

Почему? Почему Аня меня ненавидит? Неужели не понимает, что Ваня не выбирает её не из-за меня. Он не любит её, но любит меня. Неужели я виновата в том, что чувствует он?

— Но почему? — спрашиваю, смаргивая первые слезинки на глазах.

Взор заволочло и всё поплыло от влаги, но я вижу и чувствую, как озлобленно смотрит на меня Аня. И молчит, добивая, лишая последней надежды на нормальный разговор.

Почему же? Я ведь никого не уводила и не отбивала! В чём моя вина? В том, что младшая влюбилась в моего парня? В том, что терпела её глупые попытки отбить Ваню у меня? В том, что тот смеялся над ней?

Я просила парня, чтобы он был мягче и не обращал внимания на глупого подростка, которым являлась моя семнадцатилетняя сестра. Я старалась избегать Аниного внимания и не демонстрировать лишней раз своё счастье. Я таскала эти несчастные книги из студенческой библиотеки, как просила мама, чтобы «воспитать» младшую дочь и заставить ту сидеть дома, вместо тайных и крайне сомнительных вылазок по ночным клубам.

Да разве могло всё это сработать? Ничего не помогло. Никакая ласка и никакая строгость не работали на той, что уже считала себя взрослой.

— Я же спросила: почему ты меня ненавидишь? Что ты молчишь! — повышаю голос.

Аня возвращает на лицо кислородную маску и закрывает глаза.

— Почему?! — кричу ещё громче.

Мой крик эхом отражается от белых стен и продолжает звенеть в ушах, когда я закрываю глаза, очутившись в полной темноте.

Ничего не вижу и дышать всё тяжелей. Что-то давит на мои рёбра, и вскоре я понимаю, что это мужская рука лежит на мне, когда как я сама лежу на постели.

Нет никакой палаты, Ани, капельниц и трубок. Только я, сопящий под боком Артём и

воспоминание о недавнем сне. В окно, между двумя не смыкающимися шторами, льётся совсем тоненькая нить лунного света. Часы на экране моего мобильного телефона показывают четыре утра. Ну и дела.

Поворачиваюсь на бок, чтобы сместить тяжеленную руку с ноющих рёбер на бедро. Угольников сквозь сон делает шумный вдох мне в спину и что-то бормочет.

— Почему ты плачешь? — едва разборчивый шёпот мне в спину.

— Что? — тоже шепчу.

Может, он сам с собой во сне разговаривает?

— Нужно спать, Рия... Завтра на пары.

Голос парня хрипит и вибрирует, как бывает сразу после пробуждения. Вдыхаю с намерением игнорировать его бормотание и поскорей заснуть.

Только вот рука Артёма вдруг покидает моё бедро и спустя секунды мужские пальцы скользят по моим щекам. Я тут же поняла две вещи: Угольников уже не спит, а моё лицо и в самом деле мокрое. Даже и не поняла, что заплакала в реальности.

— Просто кошмар приснился. Давай спать, — отвечаю.

— Давай...

Парень быстро заснул, судя по сопению за спиной, а вот я пролежала ещё около часа в задумчивости. Приснившееся вселило тревогу и тоску. Ещё и мысли об Ивановой с её выходками вновь пришли в мою голову. Всё смешалось в неприятную вязкую кашу, есть которую точно не хочется.

На утро в итоге проснулась совсем «раздавленной». Всё валится из рук, проливается. И аппетита совсем нет: опрокидываю в себя чашку кофе, ничем даже не закусив.

— Кофе на голодный желудок? — заметил Артём мои действия.

— Ой, только не включай папочку...

Быстро собираемся на первую пару: одеваемся, на ходу чистим зубы, обуваяемся...

— Что это такое было ночью? — спрашивает, когда мы уже сели в машину.

— Мне приснился плохой сон.

— Что тебе снилось?

Щёлкаем ремнями безопасности. Я спокойно отвечаю:

— Моя сестра.

— О... понятно.

— Но я думаю про Алину. Мало её было за волосы подёргать — надо было быть не такой ласковой.

— Ты сейчас о каких волосах речь ведёшь? — Артём поворачивает ключ зажигания. — Неужели вы дрались?

— Нет, мы лишь обменялись коротким комплиментом. Ну ничего: сегодня ей мало точно не покажется! Все выходные об этом мечтала...

— Что ты собираешься делать?

— Поговорить с ней.

— Рия, давай только без драк.

— Боишься, что Иванова моё личико испортит? Целовать меня перестанешь?

— Боюсь, что Иванова, благодаря твоим стараниям, откроет абонемент к травматологу. Я сам с ней поговорю.

— Как бы не так! Это моё дело, Артём. Что за режим «папуля» у тебя включился

сегодня?

— Не включал я никакой режим, — умело крутит руль, вывозя нас с парковки у дома. — А дело Наше. Ты посвятила меня в эту историю, и теперь я часть её. Здесь нужна моя холодная голова, а не твои измотанные нервы.

Конечно, я его не послушалась.

Следила за Ивановой с самого утра, а та, как нарочно, держалась от меня на расстоянии. То в буфет сбежит, то с подружками хихикает где-то в укромном уголке.

Но я не буду собой, если поскромничаю и позволю тупой блондинке провести меня. В середине учебного дня, пока Артём пропадает где-то с друзьями, делаю вид, что слишком занята разговором с Мартыновой, чтобы замечать что-либо вокруг. В этот-то момент я и увидела краем глаза, как Иванова вешает себе на плечо сумку-шоппер и в одиночестве выходит в коридор.

Она настолько ненавязчиво забивает свою сумку книгами, что я никогда и подумать не могла, что там кроме тетрадей и косметики что-то есть. Да и дела мне не было до этой девчонки в последние месяцы...

— А ну стой! — цепляю одноклассницу за плечо, выбегая вслед за ней из аудитории.

Алина оборачивается, брезгливо сбрасывая мою руку и морщится:

— Чего тебе, Крылова?

— В библиотеку несёшься? — задираю голову и скрещиваю руки на груди.

— А тебе какое дело? Уже и ходить туда, кроме тебя, никому нельзя?

— Что в сумке? — киваю на шоппер.

— Книги на сдачу, — зло щурит глаза. — Отвали, а?

— Показывай, что у тебя там за книги!

— Ты совсем больная? Крыша у тебя уже течёт с книгами этими!

— Крышу я тебе сейчас продырявлю, если не покажешь книги! Я работаю в библиотеке и обращаюсь к тебе, как библиотекарь!

— Сегодня не твой рабочий день, Крылова! — нервно отбрасывает свои волосы за спину. — Угомонись!

— Тогда идём вместе. Пошли! — машу рукой в зазывающем жесте. — Чего стоишь?

— Ты маньячка. Никуда я не пойду с тобой.

— Я ведь поговорю с Елизаветой Петровной, и мы придумаем санкции против тебя за твои книжные долги.

— За остальными должниками так же бегаешь?

— Являюсь к ним в кошмарных снах и обещаю адские муки.

— Больная.

— Ладно. Тогда так: у тебя в сумке все книги с синей обложкой. Да?

Иванова с досадой поджимает губы, и я понимаю, что права.

— Допустим. И что с того? — с вызовом задирает голову.

— Зачем они тебе?

— Сама не догадалась?

— Настолько глупа, что хочешь позлить меня именно таким образом? Не лень таскаться с таким грузом постоянно и бегать раз за разом в библиотеку?

— Не лень. Ты мне настолько неприятна, что я готова и на такое.

Какая глупость... Нисколько не поумнела за время, что мы вместе учимся.

— Ненависть на грани любви и помешательства... — смеюсь.

Она в самом деле так неравнодушна к моей персоне? И кто из нас болен... Мой смех угрожает стать истерическим... С такими-то нелепыми врагами...

— Мне наскучило уже. Вот и возвращаю. Пора жить жизнь дальше, не заикливаясь на прошлом. И ты для меня теперь в том самом прошлом, — приподнимает сумку и трясёт ею в воздухе, — как и эти книги. Ты сиди и дальше в своём трауре, игнорируя всю группу, а я намерена начать наслаждаться настоящим. Прекрасным настоящим, где нет Одарии Крыловой с её высокомерной задницей.

Я даже почти заважала Алину после такой пламенной речи. Почти.

— Хочешь посмотреть мои книги? — продолжает девушка. — Пошли в библиотеку вместе. А я просто посмеюсь над тобой и твоей одержимостью синим цветом.

Все оставшиеся главы будут выходить по средам) ≡

Пока не располагаю большим количеством времени для написания книг, но следующая книга (сейчас пишется в стол) планируется с ежедневной выкладкой)

Артём

Одаряя раскрывается передо мной с новых сторон.

В какую-то из недавних ночей она рассказала о предстоящем разводе родителей, об их отношениях после той самой трагедии с младшей дочерью. Рассказала о диком желании найти книгу, о страхе, что записка давно и безвозвратно утеряна.

Столько всего рассказала, что не перестаю удивляться тому, как такая колючка смогла это сделать. Долгое время она казалась мне высокомерной, но всё же её дружба с тихоней Мартыновой вызывала вопросы. Как такие две разные девушки могут дружить? Как Маша выносит компанию Крыловой? Много вопросов было у меня к моей будущей девушке. Теперь я многое понял про неё, многое узнал.

Да и сам, признаться, стал каким-то другим в этих отношениях. Никаких признаний в любви не было, но мне так уютно с Одарией засыпать ночами, словно это то, чего мне и не хватало для полного счастья.

Изначально я убедил себя в том, что моя жизнь полноценна, и желать мне больше нечего. Я убедил себя в том, что у меня с Одарией всё хорошо: красивая девушка и прекрасный секс без обязательств. Но, оказывается, этого мне не достаточно.

Затем мы стали жить вместе, о многом говорить. И отношения даже больше не секретны... Но теперь мне снова мало. Что-то зудит и не даёт покоя. Мне даже кажется, что у нас... любовь? Только общаемся так, словно это слово — какая-то ерунда, и она не для нас.

Но это всё мои переживания. А Крылова тем временем беспокоится о своей книжной истории, и я её в этом, впрочем, понимаю и поддерживаю. Я долго ломал голову над тем, как можно ускорить поиски заветной книги. Тем более видел и продолжаю видеть мучения Одарии. Её отчаяние будто начало резко расти, и я не могу понять, с чем это связано.

Я видел нервозность своей девушки, а ещё помнил о злости Крыловой на Иванову, и вчера уточнил:

— Ты же точно не собираешься драться с Алиной? Это ведь даже звучит смешно.

Мы сидели в коридоре на одном из диванчиков, так как нужная аудитория была заперта на время перемены.

— Я уже поговорила с ней. Мне больше не интересно, — голос прозвучал пресно, со скучающими нотками.

— Когда ты успела?

— Во время большой перемены, когда она как раз в библиотеку потащилась. Пока ты тусил где-то с друзьями, я её и подхватила под локоток.

— И что в итоге?

— Да пофиг на неё мне в итоге, — она как-бы успокаивающе хлопает меня по бедру, распространяя таким простым жестом лёгкий аромат полюбившихся мне духов. — Просто пару минут выясняли отношения и разошлись. Потом я сходила в библиотеку и попросила Елизавету Петровну показать мне книги, которые притащила Алина. В них ничего не было.

По лицу Одарии я понял, что пофигизм не наигранный. От облегчения наклонился и в порыве страсти прикусил нежную мочку уха, за что в ответ получил то же самое...

После я снова много думал. Всю оставшуюся последнюю пару, весь вечер и даже немного ночью. И придумал. Всё гениальное приходит на ум ночью? Как и всё самое

глупое... Но уверен, моя идея может дать свои плоды в ускорении поисков нужной книги.

Утром уже привычно приехали с Одарией в вуз вместе, но в коридоре мы разошлись: я сослался на важное мужское дело с парнями, а сам умчал в библиотеку. Там я недолго посидел в рабочей зоне за компьютером, создавая нужный мне документ, а затем распечатал в нескольких экземплярах.

Всего через десять минут я уже ходил по коридорам корпуса.

— Артём, ты серьёзно? — Ермолин неожиданным образом оказывается у меня за спиной.

— Нет, потешаюсь, — даже не оборачиваюсь к однокласснику, занятый размещением листовки в свободный кармашек настенного стенда.

— Это какая-то секта или что?

Кирилл тычет пальцем в стенд и я, наконец, обращаю внимание на парня.

— А тебе что с того, Кирюх? — словно из ниоткуда возникает перед нами Даня, деловито поправляя очки в чёрной оправе.

— Присоединиться хочет, — говорю, здороваясь с обоими за руку.

— Просто реально не понимаю в чём прикол.

— Не всё в этом мире поддаётся нашему пониманию — это нормально, — отвечает Ермолину староста с комично философским видом.

— Ты тоже с ними в этой секте?

Кирилл теперь и до Рыжкова докопался. Я вмешиваюсь:

— Тебя в нашу секту в любом случае никто не звал. Иди развейся куда-нибудь, пока перемена не закончилась. В буфет сгоняй за утренним кофе, с друзьями порезвись...

— Вот значит как, — хмыкнул пристава и развернулся прочь, потеряв ко мне интерес.

— *«Принеси в эти выходные вузовские книги с синей обложкой в библиотеку и получи двести рублей на телефон».*

Даня зачитывает объявление на размещённой мной листовке, а затем с немым вопросом в глазах оборачивается ко мне.

— Это ведь не просто так, — говорит. — В этом новом приколе Крыловой с синими обложками книг есть какой-то логично объясняемый смысл.

Впервые староста задаёт мне столь откровенный вопрос. Обычно он держится нейтрально и не пытается влезть в личное пространство. Да, может что-то спросить, но продавливать не станет. Поэтому Рыжкому и не трудно ответить:

— Да, ты прав. Она не сошла с ума, и я тоже в своём уме. На всё есть свои причины, но они имеют личный характер, и поэтому я не могу рассказать тебе в чём же суть.

Даня в задумчивости проводит пятернёй по своим чёрным кудрям на макушке и понимающе кивает.

— Ладно, — кивает, — я тебя понял. Посмотрю какие книги у меня дома завалялись, хотя и не уверен, что среди них есть те, что с синей обложкой.

— Спасибо.

— Я это говорю не потому что я староста группы и всё такое... Не пытаюсь показаться хорошим.

— Я и не думал...

— Просто ты ровный, адекватный человек, и я тебя уважаю.

— Ну, — усмехаюсь, — не трудно уважать кого-то в компании, где есть такие кадры,

как Стёпа- шалун или Кирилл.

— И правда, — смеётся Даня.

Кажется, я только что понял, что у меня есть друг. Не коллега по работе или просто знакомый из прошлой жизни, а целый друг, с которым у меня много общих интересов. Как же всё-таки я рад тому, что в какой-то момент своей жизни решил перевестись на очную форму обучения. И друзья, и даже девушка появилась...

Она и сейчас появляется в поле моего зрения. Надо же, думал, что Одария с Машей всю первую перемену проведёт, как и собиралась. Они там парня Мартыновой вроде как обсуждать собрались сегодня утром.

Крылова, очевидно, из буфета, так как в её руке два стаканчика кофе: один для себя и другой, видимо, для подруги.

— Пойду тоже за кофе сгоняю, что-ли... — засобирился тактично слинять Даня, и я согласно киваю.

О, да, Рия. Сейчас ты увидишь, чем я тут занимаюсь. Волнение и жадное ожидание охватили меня, когда девушка оказалась рядом. Думал, сделаю сюрприз, но теперь уже вышло, как вышло.

— Я думала ты с парнями, — недоумевает. — Что это у тебя в руках? — спрашивает, глядя на листовки, которые я держу.

— Возможно, твоё спасение.

— Что? Что за пафосные слова? — хмурится. — Что там такое написано?

Крылова кивает головой на мои руки, и я размещаю перед её лицом стопку листов таким образом, чтобы она могла прочесть напечатанное объявление.

Я вижу, как двигаются её глаза при чтении, как приоткрываются пухлые губы, как сжимаются пальцы на стаканчиках с кофе.

— Интересно будет посмотреть, что из этого получится, — говорю.

Девушка смотрит на меня такими странными глазами, что я не знаю какой реакции ожидать. Разозлится? Пошлёт меня в далёкое пешее путешествие? Порвёт со мной отношения?

Одаря

Горячий кофе обжигает мне ладони, и я несусь по коридору, чтобы скорей юркнуть в аудиторию и поставить горячие стаканчики с напитком на аудиторный стол передо мной и Мартыновой.

— Мне нужно кое-что показать тебе... — бормотала Машка ещё несколько минут назад, лазая в своём телефоне. — Да где же это фото...

— Может, удалила случайно и забыла об этом? — начинала я скучать.

Мы с Артёмом приехали сегодня слишком рано, и я не понимаю почему. Он прямо спешил, словно мы не на учёбу собираемся, а на увеселительное мероприятие. Весь взъерошенный, возбуждённый. Говорил, с парнями договорились раньше встретиться. Ну, я поворчала, ведь даже кофе в себя влить не успела, да смирилась. Только вот потом еле дождалась свою верную подружку в практически пустынном коридоре учебного корпуса. А теперь и она где-то не со мной, а в своём гаджете.

— Нет, точно не удаляла. Хотела парня тебе своего показать... ты ведь интересовалась.

— О, это интересно, — я сразу воодушевилась и начала краем глаза поглядывать в мелькающую карусель фотографий на экране мобильного своей подруги. — Ладно, ты пока ищи, а я за кофе. Тебе взять?

— Да, — кивнула Маша, не отрываясь от телефона.

— И чтобы я пришла, — начала грозить я пальцем, — а фото уже было найдено!

И вот я несусь обратно из буфета с этими стаканчиками для нас двоих, минуя других студентов, но взгляд спотыкается об Артёма.

Что делает здесь? Сказал же, что с друзьями будет, а сам стоит у стенда. Рядом только наш староста, и никаких парней с ними нет.

Угольников и Рыжков тоже замечают меня, я направляюсь прямо к ним. Даня при виде моего приближения едва заметно кивает и как-то сразу уходит, оставляя нас с Артёмом одних. У него, как и у меня, руки тоже не пусты: он держит тонкую стопку печатной бумаги, на которой имеется невидимый мне текст.

— Я думала ты с парнями, — я прямо на грани того, чтобы вновь начать ворчать. — Что это у тебя в руках?

— Возможно, твоё спасение.

Парень явно не думал, что мы можем вот так увидеться, но бумаги не прячет. Даже с какой-то намечающейся гордостью на лице поглядывает на свой груз.

— Что? Что за пафосные слова? — хмурюсь. — Что там такое написано?

Угольников без колебаний размещает перед моим лицом стопку листов таким образом, чтобы мне был виден текст. И я читаю.

«Принеси в эти выходные вузовские книги с синей обложкой в библиотеку и получи двести рублей на телефон».

— Интересно будет посмотреть, что из этого получится, — звучит довольный голос Угольникова.

Так сильно я в жизни не удивлялась. Как вообще до такого додумался?

Так вот в чём дело. Теперь мне ясно, куда так спешил этот идиот и почему он такой взбудораженный. Поднимаю глаза на парня, а он смотрит так настороженно, будто думает,

что я его сейчас покусая. Мне же хочется...

— Какой же ты дурачок всё же! — громко смеюсь, а затем делаю шаг вперёд и звонко целую в мужские губы.

Артём охотно отвечает мне, не смущённый в этот раз свидетелями. Мы не обнимаемся, касаясь лишь губами, и есть в этом что-то особенно эротичное сейчас. Ах, вот как не иметь таких мыслей рядом с этим смазливый красавчиком с настойчивыми губами... Даже кофейные стаканчики не кажутся более такими горячими, как тело того, к кому не имею сейчас возможности прикоснуться без страха пролить напиток.

Спустя бесконечно сладкую минуту прерываем поцелуй, и я с удовольствием отмечаю огонь в карих глазах парня.

— А если людей много придёт? — засомневалась я. — На каждого двести рублей... Может приличная сумма набежать. Должников не мало, много студентов с книгами на руках. Ещё больше тех, кто был бы не против за просто так получить пусть небольшие, но деньги.

— Об этом не думай, — Угольников обеспокоенным вообще не выглядит.

Он светится от облегчения, от довольства за свою идею. Какой он... милый в этот момент. Меня затопило тёплой волной нежности. Я просто таю...

Мы, как замороженные уставились друг на друга, словно впервые увидели что-то новое друг в друге. Уж я-то точно. Чем больше времени я провожу с Артёмом, тем более неоднозначным он мне кажется. Не пустым, а наполненным всяким разным. Я и ранее об этом задумалась, но сейчас я оказалась просто поражена поступком парня. Заморочился, взялся помогать решать мою проблему, хотя я не просила.

Угольников медленно склоняется ко мне, не прерывая наш контакт глазами, и я затаила дыхание в ожидании нового поцелуя.

— Какой из них твой? — шепчет он вместо этого мне на ухо, опалая своим дыханием чувствительную кожу.

— Кто? — выдыхаю.

— Стаканчик.

— Любой, — в растерянности пожимаю плечами.

Артём берёт меня за правое запястье и осторожно приподнимает мою руку выше. Находит глазами отверстие в крышке стаканчика и наглым образом отпивает приличный глоток кофе.

— Твой правый, Рия, — довольно облизывается. — Не забудешь?

— Нет, — усмехаюсь. — «Целоваться» с Машкой я тебе не позволю.

— Пейте кофе, а я остальные объявления размещать пойду.

На том и разошлись. А на паре потом кокетливо переглядывались и слали друг другу воздушные поцелуйчики, наплевав на понимающие улыбочки одноклассников. Нам так даже веселей — сидеть отдельно, как и раньше. Я с Машкой, Артём с Даней Рыжковым. Романтика...

Меня затопило такое чувство счастья, которое даже смогло затмить надежду на то, что затея Угольникова сможет мне и в самом деле помочь. Сам его поступок настолько окрылил меня, что мы оба сегодня похожи на светящиеся лампочки. Ой, а что же тогда будет сегодня ночью! Просто съедим друг друга, похоже.

Но мой душевный подъём не вытеснил мои вечерние планы навестить маму. Хочется

посмотреть, как она теперь живёт одна в пустой квартире, как справляется с такими жёсткими переменами в своей жизни. Да и сама она звала меня недавно в гости заглянуть — как тут отказать? Хотя и скребётся внутри что-то настороженно и немного пугливо.

После пар Артём едет домой, а я сразу села в городской автобус. Еду к родительскому дому неохотно, лениво наблюдая проносящиеся по другую сторону стекла городские пейзажи. Видимо, боюсь увидеть что-то такое, что вновь выбьет меня из колеи. Вдруг расслабляющего вина в жизни мамы стало больше? Что если она впала в глубокую депрессию? Ведь у неё появился новый повод ненавидеть мир — уход мужа. Одна эта встреча может разрушить всю ту радость, что я испытывала ещё в первой половине дня.

У порога, вопреки моим переживаниям, меня встретила опрятная, улыбающаяся женщина.

— Я соскучилась, Ри, — обняла меня мама.

От неё сладко пахнет любимыми духами, а это значит, что подружки из её жизни никуда не делись.

— Ты ходила сегодня куда-то? — спрашиваю.

Мы проходим в кухню, где уже гостеприимно накрыт стол для нашего чаепития.

— Ходила на сеанс к психологу, вечером в кафешку пойдём со Светкой и Лизкой.

Психолог? Внимательно вглядываюсь в лицо своей родительницы, но в данный момент оно безмятежно.

Усаживаемся за стол, и я сразу спешу уточнить:

— Всё хорошо?

— Я проплакала всю неделю, — тяжело вздыхает, пуская всё же печаль в свои глаза. — Но затем одна из моих подружек дала мне визитку одного психолога, и теперь я его новый клиент. Уже посетила три сеанса.

— И как?

— Я пришла с желанием вернуть твоего отца и всё исправить, но мы почему-то копаемся в прошлом. В том прошлом, где...

Где от нас ушла Аня. Это она хотела сказать, но не смогла. Споткнулась, потупила взгляд. Тянусь за печеньем, быстро обдумывая свою речь.

— Значит так надо, — говорю осторожно, не зная, как себя вести. — Надеюсь, ты не собираешься прекратить походы к ней?

— Я дам этому шанс.

— Отлично. Я рада, что ты совершаешь какие-то действия, а не засела у телевизора с бутылочкой вина и сомнительными романтическими сериалами.

— Береги друзей, дочь, — с самым серьёзным видом отвечает мама, игнорируя слова о вине и сериалах. — Видишь, как бывает. Иногда только они и вытаскивают со дна. И пусть некоторые из них лицемерны, но все мы нужны друг другу.

Сегодня у меня день открытий. Если раньше мне казалось, что моя мама слепо следует за своими подружками и рискует из-за них спиться или натворить дел, то теперь вижу, что не так уж она и слепа. Оказывается, в ней есть цинизм. Или он появился совсем недавно?..

«Я пришла с желанием вернуть твоего отца», — говорит она мне. Но по-моему, поговорить об Ане ей сейчас важнее. Жаль, что только сейчас мама решилась на это.

Возможно ли вообще вернуть отца? Боюсь, ни одну из своих потерь она не вернёт. От этой мысли ком горечи подкатил, а я ещё сильнее захотела крепко вцепиться сегодня в Артёма и не отпускать всю ночь.

Влюбиться в самого несерьёзного и поверхностного парня в группе? Слишком глупо. Но не такой он и пустышка, как оказалось. Да и я... не влюбилась же в самом деле. Ведь так?

Артём

— Давай не пойдём на первую пару, — мурлычет мне в ухо Крылова.

Она льнёт ко мне под одеялом, трётся грудями о мою руку, а я ведь не каменный... Так тепло, уютно. Солнце бьёт из окна и освещает всю кровать. Ну, какая тут учёба?

— Я ведь и согласиться могу, — усмехаюсь, ущипнув девушку за сосок.

— На это и рассчитываю.

Одаря зевает мне в плечо, а затем сладенько потягивается.

— Я так и не спросил вчера: как к матери съездила?

Не было времени спрашивать, так как по возвращению Крылова вцепилась в меня обезьянкой, и не расцеплялись мы потом половину ночи. Не то, чтобы я жаловался, но, признаться, устал. Из меня буквально выжали все соки. Я теперь и счастливый и ленивый одновременно. Так что предложение прогулять первую пару оказывается для меня весьма заманчивым.

— На деле всё обстоит лучше, чем я думала и боялась. Она в порядке.

— А ты?

— Разве я выглядела умирающей, когда рассказывала тебе про развод своих родителей?

— Ты выглядела грустной.

— Не более грустной, чем при рассказе об Ане.

— Это верно.

— Так что я в порядке. Жаль только маму, ведь она всё ещё надеется вернуть мужа. Но это не возможно. Отец твёрдо решил начать новую жизнь.

— Мне мою маму тоже было жаль, ведь Константин ей изменил, а потом наплёл, что это большая случайность, которая больше никогда не повторится. Я очень был зол на неё, и жалко было при этом. Но не сейчас. Наши матери взрослые люди и сами разберутся со своими выборами и жизнью.

— Ты всё чаще включаешь «умного», — шутливо хмыкает.

— Я и есть умный, — вновь щипаю за сосок. — Просто ты всё чаще это замечаешь, так как мы фактически уже живём вместе. Ты даже к себе за вещами уже не так часто ездешь.

— Потому что все нужные мне вещи уже в твоей квартире.

— Так зачем тогда тебе съём той квартиры? Деньги впустую сливаешь, — смотрю на натяжной потолок с едва различимым отражением двух фигур на кровати. Хорошо смотримся.

— Предлагаешь окончательно переехать к тебе?

— А почему нет?

На минуту девушка призадумывается, а затем говорит:

— Мне просто почему-то казалось, что моя мама беспомощная и ведомая.

— Ты говорила, у неё есть подруги и активная социальная жизнь. Не такая уж и беспомощная.

— Я подумаю над твоим предложением о совместном проживании.

— Рия, мы уже живём вместе, — тормошу ладонью макушку Крыловой и та, фыркая, отпихивает мою руку.

— Ладно, это последний месяц, который я оплачиваю за ту квартиру.

Ох, неужели.

— Свяжись с хозяином квартиры и сегодня же реши этот вопрос. А я думаю, что и мне нужно доехать до матери.

— Ты же говорил, что не любишь туда ездить и почти не общаешься с ними, — Крылова приподнимает голову, в удивлении уставившись на меня.

Понимаю: после рассказанной мной истории трудно поверить, что я готов поехать к родительскому дому по собственному желанию.

— Первое время я жил с матерью и отчимом, пока не нашёл работу и не скопил денег для переезда. Дело в том, что я не уверен, что вернул все книги, которые брал ещё во время первого курса для подготовки к экзаменам. Хочу осмотреть их.

— Думаешь, в этом есть смысл? — в голосе Одарии звучит отчаянная тихая грусть. — В каких-то паре книг. Я уже не один месяц копаюсь, столько полок перерыла... и ничего.

— Можно хотя бы попробовать, — возражаю. — Завтра суббота, а значит мы с тобой будем заняты. Так что к матери съезжу сегодня после пар.

— Интересно: сколько людей придёт в эти выходные в библиотеку...

Надеюсь, достаточно. Меня не пугает перспектива проработать все выходные в библиотеке вместе со своей девушкой. Сейчас меня пугает только мысль о том, что нужную книгу мы так и не найдём.

И всё же я приложу все усилия для того, чтобы закрыть скорей этот вопрос. Видеть хмурую озабоченность Крыловой уже порядком надоело. Хочется, чтобы девушка отпустила ситуацию и начала дышать полной грудью. И не пыльными книгами дышать, а весенним тёплым воздухом, напитанным солнцем.

Поехали мы в вуз, как и спланировали, ко второй паре. Всё равно на первой была всего лишь лекция, а не какое-нибудь практическое занятие, на котором зачётные баллы раздают за выполненные задания.

Во время перемен я расклеил оставшимися листовками с объявлениями всё, что мог и до чего только руки дотянулись. В любом корпусе, в любом коридоре, на любом стенде можно увидеть призыв принести книги в библиотеку. И не просто принести, а ещё и вознаграждение получить за это.

Однорूपники задают вопросы, мы с Одарией просто отмахиваемся, говоря, что это наше личное дело.

Не прекращаются и шутки про секту — с подачи Ермолина, конечно.

— Ну, признайся же: это вербовка? — смеялся он.

— Ах, помню времена, когда ты завербовал меня на алко-вечеринку! — стучал я Кириллу по плечу.

— Алко-крещение, а не просто вечеринка! — бил себя кулаками в грудь Стёпашалун. — Между прочим, это я придумал!

В последнее время и этот патлатый парень любопытный стал. Ходит возле меня, разговоры ни о чём завязывает. Я же стараюсь держаться подальше, помня о его общении с Кристиной. На всякий случай, так сказать.

— Ну, конечно! — кивнул я.

— А я был весьма удовлетворён плодами нашей дружбы в тот вечер, — попытался задеть меня Ермолин.

Ну, да. То удалённое видео, где я размазывал сопли по бывшей... Сейчас мне на такую

запись было бы плевать — другие заботы и более интересные дела.

Одно из текущих дел: съездить к матери. После окончания последней пары отвёз Одарю к «нам домой», сам переоделся в свежее и сразу в путь.

Мимо проплывают уже зеленеющие улицы с распускающимися цветками яблонь; их запах проникает в салон машины, успокаивая меня и напоминая о том, для чего я это делаю. Вернее, для кого.

Желания быть снова там у меня нет. В памяти ещё свеж тот день, когда я привёл в родительский дом Кристину. Неприятное воспоминание.

Но сегодня всё иначе: я один и приехал не ради болтовни. Мне лишь нужна комната, которая когда-то была моей и деревянная полка с несколькими книжками на ней.

У порога меня встретила только мать. На ней поварский фартук и сама она вся измазана в муке.

— Сегодня без Кристины? Проблем с её трудоустройством больше же нет?

В глазах матери опасение, и я спешу её успокоить:

— У Кристины после нашего последнего визита всё в порядке, больше она вас не побеспокоит. Просто хочу заглянуть в свою прежнюю комнату. Там остались некоторые мои вещи.

— Хочешь забрать оставшиеся? — её голос звучит странно, и я обращаю внимание на лицо матери.

Губы обиженно поджаты, брови словно давят на глаза.

— Нет, просто хочу убедиться, что вернул в студенческую библиотеку все книги.

— Я ничего там не трогала, — мать словно выдохнула, заговорив теперь более легко, да и лицо немного посветлело. — Только пыль протирала и пол мыла. Все вещи остались на прежних местах...

— Хорошо, спасибо.

— Пойдём, — засуетилась она, уже направляясь в сторону комнаты, — я проведу тебя.

— Не нужно, с тебя мука сыпется. Не отвлекайся от своих дел.

Мать озирается по сторонам, оглядывая пол, чтобы рассмотреть посыпавшуюся муку.

— А чай потом попьёшь со мной? — поднимает на меня голову.

— Если Константин к тому времени не придёт.

— Он в командировке. Я как раз пирог сейчас в духовку отправлю к чаю... Он быстро испечётся, даже заметить не успеешь!

— Ладно, ладно, — киваю, спешно сворачивая в коридор, чтобы не продолжать неловкий диалог — ты пока пеки, а я в комнату.

Скрываюсь в коридоре и иду к комнате, где провёл так много лет. Сколько меня здесь уже не было? Вроде и не так много времени прошло, а словно в другой жизни было. Одно маленькое событие, одна маленькая сцена может разделить жизнь на «до» и «после». Всего одна сцена, и я уже не беспечный вчерашний школьник, а потерянный, как побитая собака, первокурсник-заочник.

Но теперь всё иначе. Теперь у меня есть Одария, из-за которой я и захожу вновь в эту комнату.

Здесь и в самом деле ничего не изменилось. Всё ровно так, как я и оставил. Старая забытая гитара, на которой так и не научился играть, рабочий стол со стопкой тетрадей, книжная полка...

Роюсь, перебирая книги, вспоминая, откуда каждая из них.

Я обнаружил, что всего две из них принадлежат нашему вузу, а одна из этих двух книг имеет обложку синего цвета — «Философия. Курс для бакалавров». Держу её в руках и понимаю, что, кажется, я эту философию даже не открывал ни разу.

Поднимаю вверх обложку, и прямо под ней, на синем же фоне, вижу сложенный вдвое обрывок тетрадного листа. Слегка помятый и одинокий.

Одаря

В первый рабочий час субботнего утра в библиотеке стоит тишина. Сажу за стойкой библиотекаря, наблюдаю, как ходит кругами Артём. Он то к окну подойдёт и «докладывает» есть ли потенциальные посетители, то между стеллажей затеряется, то в рабочей зоне на стуле посидит.

Парень немного напряжённый, взволнованный, молчаливый. Впрочем, я тоже. Но со мной-то всё понятно, а вот Угольников меня удивляет. Всегда удивляет. Удивляет своим неравнодушием, участием в поисках моей книги. В карих глазах вместо насмешки участие, и мне страшно представить, что же Угольников может сейчас разглядеть в моих.

Потому что нежное пушистое облачко умиления окутало моё сердце и греет меня, когда я смотрю на своего парня. Что если это отражается в моих глазах? Замечает ли Артём, как меня тянет к нему, словно магнитом. Как хочется быть ближе, касаться чаще...

Ещё немного, и я начну думать, что влюбилась. Ведь не зря же в последнее время много думаю о любви. Ох, Одаря Крылова думает о любви... Ну, надо же. Так и есть: влюбилась.

— Толпа из пяти студентов прямо под окнами... — Артём стоит у окна, в задумчивости уперев руки в бока.

— В библиотеку ли они, — отвечаю.

— Вошли в корпус. Ну, сейчас узнаем. Вообще, вижу, что они с сумками, да и что здесь ещё делать в субботу?

— И правда.

Говорю, а сама рассматриваю широкую спину, обтянутую чёрной футболкой. На Угольникова падает солнечный свет, и его тёмные волосы «светятся» пушистой искрящейся рыжеватыми бликами шапкой.

В коридоре тем временем раздаются шаги и гул голосов — вот и первые посетители.

Все весёлые, спешат показать принесённые книги, переглядываются с хитрыми ухмылками друг с другом, а затем счастливые получают деньги на баланс своего телефона.

В последующие часы продолжают прибывать студенты с горящими заинтригованными глазами. У всех книги с синей обложкой и у всех жажда заветных двухсот рублей. Многие из них недоверчиво переспрашивают:

— А про двести рублей правда?

— Да, диктуй свой номер телефона, — отвечает им Артём и переводит сумму каждому из пришедших.

Я же тем временем отмечаю в базе возвращённые книги и с колотящимся сердцем отмечаю мысленно, что людей становится всё больше и больше. Никогда ещё в выходные не было так много посетителей, как сегодня. Неужели и завтра будет некогда перевести дух?

Многие приходят толпой по несколько человек, у многих всего одна или две книги синего цвета, но суммарно их так много, что голова кругом.

Есть и те студенты, что приходят с книгой другого цвета.

— А как же обещанные двести рублей? — наглово спросил один из таких товарищей.

У него торчащие во все стороны волосы, цепь на джинсах и массивные кольца на пальцах.

— Так ты книгу зелёную принёс, а деньги только за синие обещаны, — парирует

Угольников, мой сегодняшний ассистент.

— Вот же синяя полоса! — тычет лохматый в сантиметровую полосу на обложке книги.

— Это не считается, — отмахивается Артём. — Всё иди, не отнимай наше время.

— Я ведь не уйду просто так, — грозная стойка.

— Здесь камеры, — вмешиваюсь.

Это срабатывает. Смелость парня поубавилась в тот же миг и он раздражённо и намеренно громко топает прочь.

— Здесь ведь нет камер? — шепчет мне в ухо Артём, одновременно наблюдая, как в библиотеку входит пухленькая студентка с огромным рюкзаком за спиной. — Иначе бы не игралась с моей шириной тогда.

Ухмыляюсь и хитро подмигиваю, оставляя парня без ответа. Пусть побудет в неизвестности.

Девчонка вскоре уходит с опустевшим рюкзаком, как и многие, не взяв с собой новых книг. Сегодня в основном все только приносят, и даже рабочая зона с компьютерами стоит пустая. Если бы не «акция» с синими обложками, то посетителей было бы совсем мало, судя по всему.

Пользуясь временным спокойствием и тишиной склоняюсь к Артёму, что сидит рядом, уткнувшись в телефон, с которого всем переводит деньги, и шепчу на ухо:

— Хочешь прямо здесь?

Он поворачивает голову ко мне, и мои губы от этого действия проехали по его щеке.

— Значит камер и правда нет, — улыбается.

Наши носы соприкасаются, дыхание смешивается.

— Кто знает... — тяну улыбку. — Может просто я не в курсе. Вот как раз и проверим...

Наклоняюсь ближе, обвожу кончиком языка край его ушной раковины, а затем дую на влажный след.

— Кто-то идёт, — останавливает мои поползновения, кладя руки мне на предплечья.

— Пока что ты спасён, — усмехаюсь и отодвигаюсь от парня.

— Как жаль...

Голос Угольникова соблазнительно вибрирует, но ко мне и в самом деле пришёл новый посетитель, которого нужно обслужить.

К вечеру поток людей становится меньше, но почему-то именно к концу рабочего дня стало больше приходить тех, кто думает, что мы с Артёмом дураки. То книга не того цвета, то вообще не из нашей библиотеки. Я им говорю, книга не наша, а те обижаются и дверью хлопают...

Я рада, что идея Угольникова на практике оказалась рабочей, но записка всё ещё не найдена. В свободные минуты трясу и пересматриваю всё, что принесли, но везде пустота. Ничего нет.

Голова начинает болеть, в глаза словно песком бросались, и сил всё меньше.

Артём молча помогает, став ещё более задумчивым, чем утром. Разговаривать уже не хочется — только бы скорей закончить этот день, запереть дверь библиотеки, сесть в машину и поехать домой.

«Домой»... Это последний месяц, который я оплачиваю за съём своей квартиры. Ведь я переезжаю к парню.

Всё чаще смотрю на настенные часы. Уже почти шесть вечера. За пятнадцать минут до

окончания рабочего дня Угольников вдруг решает ошарашить меня:

— У меня тоже есть для тебя книга.

Нас разделяет библиотечная стойка. Он смотрит на меня прямо, без тени улыбки. Под его глазами залегли тени, и я сама чувствую, как тоже устала за сегодняшний день.

— Почему вчера не сказал?

— Потому что она не пустая. А время было уже позднее, когда я приехал, и тебе нужно было выспаться перед сегодняшним днём.

— Не... пустая? — из моих лёгких разом вышел весь воздух.

— Она синего цвета и в ней сложенный клочок тетрадного листа. Я не заглядывал в него и поэтому не знаю, то ли это, что ты ищешь.

Артём сцепил пальцы рук в замок, подпирая ими подбородок, и его напряжение передаётся мне.

— Почему только сейчас говоришь об этом? — морщит лоб.

— Хотел отдать в конце рабочего дня, когда вся суэта поутихнет и работа тебя не будет отвлекать.

Смотрю на широкие сильные ладони парня и так хочется вцепиться в них, трясти, трясти, трясти...

— Она у тебя с собой? — спрашиваю дрогнувшим голосом.

— Да, в машине.

— Принесёшь?

— Хочешь здесь посмотреть? — убирает руки от подбородка и склоняет голову набок, прислушиваясь, присматриваясь.

Раздаётся громкий стук грубо проворачиваемой дверной ручки, и я вздрагиваю от неожиданности: Иванова Алина врывается в библиотеку со своей неизменной сумкой-шоппером на плече и цокает каблуками по плитке, приближаясь.

— Ты опоздала. Мы уже закрываемся, — не скрываю недовольства.

— Вычеркнешь их завтра, всё равно у тебя ещё воскресенье впереди.

Иванова уходит не собирает и уже хватается за свою сумку, раскрывая её. Лёгкая синяя ветровка одnogруппницы шелестит, а мои ноздри заполняет приторно-сладкий аромат духов.

— Ладно, выкладывай всё на стойку и уходи.

Алина извлекает книги одну за другой, выстраивая целую башню на моём столе. Получилось целых шесть книг... с обложками синего цвета.

Шоппер одnogруппницы опустел, повиснув унылой тряпкой у неё на плече. Мы смотрим друг на друга в молчаливой дуэли глазами.

— В этих ничего нет, — кивает Иванова на принесённые книги. — Можешь не искать.

Она разворачивается и уходит. Я смотрю на развивающиеся светлые волосы, на тонкую ладонь, что поворачивает дверную ручку, на исчезающую спину девушки. И думаю: какого чёрта?

— Алина тоже в курсе, что ты ищешь записку? — удивляется Артём.

— Вообще-то не должна, — отвечаю, всё ещё глядя на закрытую дверь библиотеки.

Артём

Уже сгустились вечерние сумерки, и небо затянуло тучами. Кажется, синоптики обещали дождь ночью, но начаться он может уже совсем скоро. Ведь неспроста ветер начал трепыхать ветви деревьев, поднимать пыль на асфальте.

Я как раз успеваю спрятаться дома, запереться в нём. Ставлю чайник, задумчиво смотрю в окно, где кроме зажжённых фонарей сложно что-то разглядеть и думаю о предстоящей непростой ночи.

Только что отвёз Одарю в её прежнюю квартиру, хотя её вещей там уже почти и не осталось. Да, сегодня я ночую один. Буду наедине со своими мыслями, переживаниями, ведь мне было велено не звонить, никак не беспокоить.

— Я хочу быть одна, когда разверну этот лист и посмотрю, что внутри, — сказала мне Крылова после ухода Алины из библиотеки.

Наверное, я и сам бы хотел быть в такой момент один. Знаю, как важна для Одарии эта записка и насколько личная вся эта история. Поэтому спорить не стал, а только лишь предложил свою помощь в том, чтобы отвезти девушку на машине.

Развернула ли она уже тот бумажный листочек или ещё нет? Каково это: получить послание из прошлого от уже умершего близкого человека? Сложно примерить это на себя, и ещё сложнее суметь поддержать, найти правильные слова. Я беспомощен прямо сейчас, ведь она там одна, а я здесь и тоже один.

Сигнал оповещения на телефоне моментально привёл меня в чувство. Тянусь за гаджетом, лежащим на подоконнике, в полной уверенности и непоколебимой надежде увидеть имя Крыловой на экране, но это оказалась не она. Стёпа-шалун. Вот так неожиданность.

Обычно он пишет мне, если хочет показать какое-то смешное видео из Интернета, но не в этот раз.

— *Ничего, если я начну мутить с Кристиной?* — пишет одnogруппник.

— *Почему у меня спрашиваешь? Спроси у неё самой.*

— *Просто помню тебя пьяным, ноющим о том, как бывшая предала тебя, когда ты так её любил... Да и она о тебе расспрашивала ранее, Крыловой интересовалась и вообще вами обоими.*

— *Раньше любил, но не сейчас же. Ты ведь самый первый знаешь про меня с Крыловой. Что за тупой вопрос от тебя? А Кристина из своих мотивов расспрашивала, причём далёких от романтических.*

— *Я на всякий случай.*

— *У самой Кристины спроси, а я тут давно не при чём.*

— *Я спрашивал у неё, но она говорит, что я клоун.*

«Она и сама циркачка», — мысленно посмеиваюсь. Разве клоун не идеальная партия для цирковой гимнастки? Даже настроение поднялось, пока мысленно представляю этих двоих рядом, как парочку. Что-то не верится мне, что моя бывшая посмотрит на Стёпу влюблёнными глазами. Он ведь и правда выглядит нелепо... Длинные прямые русые волосы, и чёлка эта дурацкая. Причёска, откровенно говоря, женская. Он как хиппи какой-то или неформал, только никаких крутых цепей при этом или даже чёрного цвета.

— Прости, Стёп, но ты и выглядишь, как клоун, — набираю ответ. — Меня, конечно, тоже так обзывала одна девушка, но в твоём случае это и про внешний вид, а не только про поведение.

Ох, ещё свежи воспоминания об обзывательствах Одарии. Как вспомню, и смеяться сразу хочется.

— Ладно, Угольников, я тебя понял.

Что же, хорошо, когда тебя понимают. Только я сейчас Стёпу не понял: зачем ко мне с ерундой такой обращаться? Я бы на его месте никого не спрашивал. Да я даже от самой Крыловой не ждал разрешения прежде чем начать подкатывать к ней! Нравится — добивайся. А не бывшим парням пиши разрешения спрашивать...

Смешные ребята в моей учебной группе всё-таки, смешные.

Успеваю выпить чай, перекусить остатками вчерашнего ужина из холодильника, когда мой телефон вновь оживает. «Одария?», — возникает предательская мысль. На этот раз точно должна быть она! Отодвигаю опустевшую тарелку на середину стола и хватаюсь за мобильник.

Нет, это мать решила напомнить о себе, ведь после моего последнего визита, мы не так уж и плохо расстались, как это часто бывало обычно. Я ведь даже согласился тогда на пирог перед уходом. Не сказать, что мило поболтали при этом, но вполне миролюбиво.

Открываю входящее сообщение:

— Привет, Артём. Я бы позвонила, но Костя сегодня с самолёта после командировки и уставший лёг спать пораньше. Не хочется переписками или звонками, ты же не заедешь на неделе?

Коротко вздыхаю. Мысленно считаю до пяти, а затем печатаю ответ:

— Привет, мам. Ты же знаешь, что пересекаться с твоим мужем у меня нет желания.

— А вечером? Когда он ещё на работе будет.

— Не уверен... учёба, работа — со свободным временем не так радужно, как хотелось бы.

— Тогда так напишу, а то пока тебя дождусь... А мне сейчас надо.

Немного напрягает меня такой настрой матери. Что за срочность вдруг? Я даже завис на половину минуты, озадачившись и в то же время насторожившись.

Словно по заказу, прямо в этот же момент я слышу, как за окном за моей спиной начинает шуметь самый настоящий ливень, который готовился пролиться ещё час назад.

— Что там у тебя? — спрашиваю в своём новом сообщении.

— Я хотела про твою комнату спросить... Ты забрал всего ничего в прошлый раз. Не будешь против, если я твои оставшиеся вещи переложу в подсобку в нашем шкафу? Или сам забрать хочешь?

И всего то? Видимо, она просто искала повод поговорить.

— Можешь убрать в подсобку. Всё, что мне нужно, я уже давно увёз к себе в съёмную квартиру. Решила навести порядок?

— Мы с Костей решили стать настоящей семьёй. В общем, я беременна. У тебя будет маленький братик или сестрёнка, Артём.

Вот так новости. Уж такого я точно не ожидал. Мать у меня, конечно, ещё молодая и здоровая, но ни разу я от неё и Константина не слышал хоть слова о детях. Живут вдвоём несколько лет, ничего такого не помышляли. Или я просто не в курсе.

— *Рад за тебя. Можешь сделать из моей бывшей комнаты самую крутую детскую спальню в мире.*

— *Думала, ты разозлишься.*

Не знаю, как будет после, но сейчас ловлю себя на том, что никакой агрессии от новости не испытываю. Связано ли это с ожиданием весточки от Крыловой и мыслями о ней или с тем, что я просто уже смирился с наличием Константина в жизни матери? Не знаю. Просто, видимо, не до этого сейчас.

— *Живи как хочешь, я не могу тебе указывать. Да и рад я, если ты рада.*

— *Тебе не нравится мой выбор и теперь мы как чужие. А потом ещё и родившийся у нас с Костей ребёнок тебя совсем отпугнёт...*

— *Мне не нравится Константин, а это совсем другое.*

Через несколько минут ливень начал успокаиваться и переходить в формат обычного дождя. Кажется, я даже слышу первую в этом году грозу. Развалившись после переписки с матерью на кровати, думаю о том, что сейчас делает Одария. Как школьник, захожу раз за разом в «ВКонтакте», чтобы проверить, не появилась ли девушка в сети. Но её всё не было и не было. Я ждал и надеялся, что хоть какой-то знак Крылова мне подаст, не смотря на желание быть одной.

Не наивен ли я? Если мне самому хочется поделиться своими новостями после недавних вечерних переписок с одноклассником и матерью, разве значит ли это и взаимное желание Одарии делиться своим со мной?

Мы много язвим на тему дурацких влюблённостей, но что если девушка нисколько не шутит, когда смеётся над чувствами? Ведь так получилось, что у меня они есть.

Только признаться такой девушке, как она, страшно.

На улице раздаётся громкий раскат грома. Да, буду, как громом поражённый, если признаюсь Крыловой в любви, а она посмеётся надо мной.

Я вновь слышу сигнал оповещения. Ну, кто на этот раз? Поднимаю с соседней пустой и холодной подушки телефон, ввожу пин-код для разблокировки экрана и вижу родное сочетание букв.

Одария. Её имя на экране мобильного телефона, как что-то особенное и эксклюзивное. Специально для меня.

— *Пишу, чтобы пожелать спокойной ночи и сказать, что это и правда та самая записка. Я просто в шоке, Артём, у меня нет слов.*

Вот и настал этот момент) В следующей главе вместе с Одарией прочтём, наконец, найденную записку от Ани)

Ох, и самой волнительно))

Одаря

В детстве я и Аня хорошо ладили, что вызывало у родителей и старших родственников удивление смешанное с умилением. Всё же не всегда двум маленьким девочкам удаётся жить дружно под одной общей крышей. Тем более, что наша разница в возрасте была достаточно крохотной для того, чтобы появилась благодатная почва для ревности. Всего три года разницы обеспечили нам общие игрушки и общее внимание родителей, но мы сильно не ругались.

Помню, как с сестрой было весело проводить время, обмениваться куклами и одеждой для пластиковых красоток. Как выбегали во двор вдвоём к остальным детям, как затем вместе шли в школу по утрам....

В один момент мы перестали быть детьми. У меня своя компания, у Ани своя. Подростковые годы сделали своё дело — мы отделились. Начались придирки, недовольства, язвительные перепалки, делёжка косметики. Оказалось, мы совсем разные.

Еле вынесли последние годы нахождения в общей школе, но, к счастью, наступил момент, когда я стала студенткой первого курса, решив связать своё будущее с журналистикой.

Казалось бы: теперь всё будет хорошо! Однако, потом появился Ваня, и всё совсем пошло наперекосяк. Я, фигуристая симпатичная первокурсница, и он, такой же подтянутый симпатичный первокурсник из другого факультета. Привела я его к нам домой пить чай, а там и Аня крутилась, хлопая глазками. Понравился ей Ваня, и мне сразу это было видно. Только всерьёз «любовь» сестры я не воспринимала, принимая за подростковый каприз.

Чем дальше я встречалась с парнем, тем сильнее росла одержимость моей сестры. Аня всё время находила повод оказаться рядом, одеться кокетливо, заговорить с Ваней... Но тот смеялся:

— Аньк, что ты крутишься возле нас? Мелкая ещё разговоры наши слушать! Иди в куколки играй!

— Мне шестнадцать!

— Ты школьница.

— Вы сами только ещё вчера школьниками были!

И это было правдой. Но пропасть между старшеклассниками и студентами всё же велика, да и я терпеть не могла младшую, что пугается под ногами. Тем более, что отношения наши давно дали трещину. Если в других семьях братья и сёстры дерутся, а взрослея дружат, то у нас всё получилось наоборот.

Весь следующий год Аня пыталась доказать Ване, что уже взрослая. Начались бесконечные побеги из дома, вечеринки, какие-то компании... Родители не могли найти управу, я злилась и отчитывала беглянку наравне с мамой и отцом, настраивая сестру против себя только больше.

— Мне семнадцать! — кричала она, — и ты мне не указ!

А после я всё чаще слышала слова ненависти в свой адрес. «Ненавижу тебя!», — летело в меня от некогда любимой сестрёнки. Ваня перестал бывать у нас в гостях, и я сама искала повод быть где угодно, но не в родительском доме. Всё время ночёвки, ночёвки... И сестра знала, где я ночевала.

«Ненавижу тебя!» стало клеймом на мне. Домашние аресты, организованные родителями, навязывание чтения книг только больше отдаляли, разбивали нашу семью на две части: на Аню и всех остальных.

У меня опускались руки, ведь видела, как мой парень устал от навязчивости влюблённой школьницы. Она караулила возле вуза, писала сообщения, слала нескромные фото... Теперь у меня уже рушились отношения и с ним.

«Ненавижу тебя!» было последним, что я услышала от сестры, когда видела её в последний раз перед последней, роковой вечеринкой.

А теперь у меня в руках, возможно, та самая книга, в которой находится записка от Ани. Я верчу сложенный клочок тетрадного листа в руках, не решаясь развернуть. Что если там снова эти слова? Рядом на кровати лежит «Философия. Курс для бакалавров» и молчаливый мобильный телефон. Всего один звонок, и я смогла бы услышать голос Артёма...

Пора. Разворачиваю лист и вижу всего одно предложение, написанное таким знакомым почерком:

«Я не ненавижу тебя, но мечтаю о том дне, когда Ваня бросит тебя и поймет, что я лучше».

На глаза навернулись слёзы и быстрым потоком поползли по щекам. Я плачу всё сильнее, всё отчаяннее, не находя сил остановиться. Сквозь собственные всхлипы и хлюпанья носом мне не слышно, как опадает на пол выпущенная бумажка из ослабевших дрожащих пальцев.

Всё плывёт перед глазами, а к моему плачу вдруг добавляется смех. Я плачу и смеюсь одновременно от раздираемой боли, облегчения и тоски. Такой слабой я себя ещё не чувствовала. Тело размякло, как желе, в голове полный сумбур.

Она не ненавидит меня. И её желание почти исполнилось: с Ваней я рассталась.

Спустя целый час бури эмоций и слёз успокаиваюсь. Какое-то странное чувство пустоты и свободы... Я свободна, ведь только что сняла проклятие под названием «Я ненавижу тебя!».

Однако, у меня есть ещё один не закрытый вопрос...

«Алина тоже в курсе, что ты ищешь записку?», — спросил Артём три часа назад, когда мы ещё были в библиотеке и провожали взглядом блондинку. Сейчас этот вопрос вновь всплыл в моей голове. Что известно Ивановой и откуда у неё информация? Уж не знакома ли она с той самой «Евгенией»? Слишком подозрительно одnogруппница себя ведёт...

Беру в руку телефон и захожу в «Вконтакте», чтобы найти Алину и задать ей пару вопросов. Отлично: она «в сети». С всё ещё колотящимся сердцем набираю ей сообщение:

— Привет, Алина. Не хочешь рассказать мне, почему тебя так волнует тема с моим бывшим? Твоё равнодушие к Ване и твоё страстное желание уводить у меня из под носа книги с синей обложкой вызывают вопросы.

— Привет, Одария, — отвечает она спустя минуту. — Я не хочу отвечать на твои вопросы. Не ты ли сама недавно говорила, что я тебе не интересна? Твои же слова: «Ты мне больше не интересна. Чего прилипла?». Вот и ты отвали, Крылова. Давай забудем прошлое, перестанем обсуждать покрытые пылью конфликты и заживём иначе. Ты изменилась, я тоже изменилась.

— Ну, нет, ты от меня так просто не отделаешься. Прежде чем расходиться и жить своими жизнями, нужно закрыть все вопросы. Какого чёрта две недели назад ты

упоминала Ваню?

— А о нём говорить нельзя?

— А зачем о нём говорить? Почему тебя волнует эта тема? Будто влюблена в него была. Или... влюблён был кто-то другой.

Например, моя младшая сестра. Всё же не могу отделаться от мысли, что Алина как-то связана с «Евгенией». Ивановой явно что-то известно, и я узнаю, что именно. Если потребуется, то выбью из неё этот ответ, вырву с волосами! Ох, ну и кровожадная я... А какой мне ещё быть в такой ситуации? Нет, я не имею привычки махать руками, но как же я устала за эти полгода поисков книги. И от поисков устала, и от анонимных писем «Евгении», а в последнее время и от выходок Алины.

— Что ты хочешь сказать? — спрашивает она.

— Хочу, чтобы ты сказала. Зачем Машке плела про меня и её парня? Детский сад прямо.

— Слишком много вопросов задаёшь, Крылова.

— Ты копаешься в моей жизни, так что я имею право знать.

— Уже не «копаюсь», — прикрепляет саркастичный смайлик в конце.

— Но было дело. Так что отвечай. Что за байки про увод парней?

— Просто хотела устроить тебе небольшую пакость.

«Просто». Как у неё всё просто. Я не верю ей, не верю, что можно так долго копить и хранить обиды на меня и так сильно стремиться мне навредить такими нелепыми попытками. Действия одноклассницы слишком смешны. Даже для такой глуповатой девицы, как она.

— Не правда. Имя «Евгения» тебе о чём-то говорит?

Последовало долгое молчание. Сообщение отметилось, как прочитанное, но ответ всё не приходит. Алина молчит минуту, вторую... Прошло около десяти минут, а молчание не прерывается. Я начинаю нервничать и уже борюсь с желанием начать разговор в более агрессивном тоне.

Ну же, что замолчала?! Просто невыносимая и сводящая с ума пауза. Я обновляю страницу, чтобы убедиться, что Иванова не вышла из сети, но нет: она «онлайн».

— Да. Я её знаю, и понимаю о чём ты, — вдруг приходит ответ.

В следующей главе узнаем кто же скрывается под именем "Евгения" и воплотим в жизнь одну фантазию Артёма...:)

Артём

— Пишу, чтобы пожелать спокойной ночи и сказать, что это и правда та самая записка. Я просто в шоке, Артём, у меня нет слов.

— Я ждал твоего сообщения, — признаюсь в ответ. — И рад, что записка найдена. Всё нормально?

— Ты же придёшь завтра в библиотеку?

— Конечно, приду. У нас ведь всё ещё действует акция «Принеси в эти выходные вузовские книги с синей обложкой в библиотеку и получи двести рублей на телефон». Книга найдена, но обещание есть обещание, ведь всё равно все приходит будут и завтра тоже.

— Тогда завтра и поговорим. Спокойной ночи, Артём.

— Спокойной ночи, Ри.

Закрываю вчерашнюю переписку, убедившись в том, что новых сообщений не поступало. Оно и к лучшему, ведь это значит, что всё в силе: я по-прежнему иду в библиотеку к Одарии, а она по-прежнему меня там ожидает.

Воскресное утро встречает уличным запахом сырости после ночного дождя, но вскоре от этой сырости не останется и следа, потому что вновь ярко светит солнце.

Очень солнечный месяц на самом деле. Такая хорошая погода — просто отличные декорации к моей меняющейся жизни.

Потому что меняется она у меня к лучшему.

Под жизнерадостную музыку подъезжаю к вузу и паркуюсь на любимом месте, которое бывает свободным только в выходной день или при условии моего раннего приезда.

Рабочий день у Одарии ещё не начался, но мы заранее условились, что прибудем раньше времени, чтобы было время поговорить.

Вхожу в тишину библиотеки, но одnogруппницу у стойки не вижу. Оглядываюсь по сторонам, высматривая её и вскоре нахожу.

Девушка стоит в тёмном дальнем углу, склонившись к коробкам, в которые Елизавета Петровна и сама Одария складывают намертво изношенные и уже не пригодные для чтения книги. Крылова копошится в одной из этих коробок, шуршит там дряблыми учебниками, перекладывая их то так, то этак. Пыхтит да цокает языком, но продолжает там копать.

На моём лице сама собой появляется улыбка. Округлые бёдра Крыловой вдёрнуты вверх, словно приглашают меня к...

— Чего встал за моей спиной и молчишь? — спрашивает меня, даже не обернувшись.

Оказывается, Одария меня заметила. Оно продолжает рыться в коробке, и я усмехаюсь такой провокации. Подозревает ли девушка о том, как выглядит сейчас сзади?

— Любуюсь, — отвечаю.

— Чем ты там любишься?

— Вот этим...

Даю волю своим рукам и теперь ладонями оглаживаю упругие ягодицы девушки, обтянутые тугими джинсами.

Крылова на миг замирает, но тут вновь продолжает своё дело, не обращая на меня внимание.

— Рада, что тебе нравится, — усмехается.

— А хочешь, сделаю так, чтобы и тебе понравилось? — засовываю пальцы в задние карманы её джинс и дразнящими движениями пощипываю пальцами попку. — Чем ты там занята? Может, отвлечёшься?

— Я пытаюсь уложить книги так, чтобы все вместились, и я смогла закрыть коробку, а затем заклеить её скотчем.

Девушка выпрямляется во весь рост и прислоняется спиной к моей груди. Мои пальцы всё ещё в её задних карманах, но мне уже не терпится засунуть их в куда более интересное место.

— Так что ты там говорил про «нравится»?

— До начала рабочего дня несколько минут, — шепчу девушке на ухо. — Не провести ли нам его с пользой?

Крылова, ничего не отвечая, принимается тереться об меня нижней частью тела, и я понимаю её без слов. Притягиваю ближе, прижимаю сильнее.

Мы находимся в самой укромной части библиотеки, невидимые глазу, как и то самое книжное старье в коробках. Так что если?..

Опускаю руки на талию девушки, расстёгиваю сначала пуговицу, а затем и звонкую молнию... Одним победоносным резким движением опускаю джинсы вместе с трусиками вниз, к коленям, и наклоняю Крылову так, чтобы она опёрлась ладонями об одну из стоящих перед ней коробок.

Мне открылся невероятный вид, от которого каждый раз, как в самый первый, дыхание застывает, а потом вместе с сердцем ускоряется, разгоняя кровь и возбуждение по венам.

Пожалуй, настолько заведённым я был разве только когда раздевал Одарию впервые. Ведь мы сейчас в студенческой библиотеке, и сама мысль о том, что есть опасность быть застуканными, заставляет всё внутри меня кипеть.

Ещё пара движений, и вот я уже сам стою с приспущенными брюками, прижимаясь своим стояком к горячей коже ягодиц. Сначала дразню, распалю, двигаясь то вверх, то вниз по ложбинке между двух мягких округлостей. Дыхание Крыловой от моих движений становится чаще, что выдаёт намечающееся нетерпение.

Одаряя приветливо качает мне бёдрами, что окончательно сносит мне крышу. Опускаю руку вниз, туда, где уже видна капелька влаги, которая вот-вот сорвётся и капнет на внутреннюю часть джинс девушки. Размазываю каплю по половым губам, особое внимание уделяя трению самой чувствительной точки...

Крылова ахает и ещё сильнее выпячивает бёдра. Это меня вдохновляет на то, чтобы подключить вторую руку, пальцы которой поочередно ввожу в жаркую глубину.

— Артём, — слышу сдавленный голос девушки.

— Сейчас, — словно успокаивая, оглаживаю уже влажными ладонями ягодицы, а в следующий миг плавно вхожу в гостеприимное местечко.

Старый, как мир, танец. Сначала медленный, но с каждым движением всё более быстрый и резкий. Сдавленные стоны под вдыхаемый запах книг — в жизни это даже лучше, чем было в моих фантазиях. Чувствую себя наглым парнем, совратившего библиотекаршу прямо на её рабочем месте. Хотя... кто кого совратил? Ведь так сразу и не скажешь: удерживаю я девушку за бёдра или держусь за них, как за единственное сейчас спасение...

После спешно натягивали на себя штаны, восстанавливали дыхание. Раскрасневшаяся Крылова выглядит невероятно.

— Вот и сбылась моя фантазия! — признаюсь.

— В библиотеке?

— Да, я думал о том, каково заниматься этим с тобой библиотеке.

В этот самый момент слышно, как кто-то отворяет дверь в наше книжное царство и входит внутрь. Мы с Крыловой обмениваемся весёлыми ухмылками.

— И как? — спрашивает она в полный голос, чтобы посетитель смог заметить её присутствие.

— Мне понравилось, — подмигиваю.

— Мне тоже. Ты был хорош!

Последнее девушка произносит шёпотом, а затем резко шагает к стойке библиотекаря. Вот и поговорили... Как вовремя мы закончили «говорить»!

Уверен, сияю сейчас ярче солнца за окном. Это выглядит странно со стороны, ведь сегодня я продолжаю всем участникам «акции» переводить по двести рублей вознаграждения. Раздаю свои деньги, но улыбаюсь.

Приходит людей, кстати, меньше, чем вчера. Видимо, основная масса студентов решила прийти как можно скорее, чтобы уж точно денег досталось. А к вечеру и вовсе возникло затишье — никого нет.

— Так от чего ты там в шоке была вчера? — спрашиваю Одарию, пользуясь нашим уединением.

Я уже привычно сижу рядом с ней за стойкой, и мы выглядим, как два полноправных библиотекаря.

— Помнишь как-то раз я рассказывала тебе про «Евгению» с её письмом?

— Ну, да, припоминаю.

Крылова, помню, как-то вскользь упомянула то, откуда знает про записку, которую ищет.

— Я узнала кто это такая, и от этого знания была в шоке. И всё ещё в нём пребываю, если честно! — Одария смеётся и качает головой из стороны в сторону, как бы показывая своё неверие.

— Это кто-то знакомый тебе?

— О, да. Оказывается, подруга моей сестры, назвавшаяся Евгенией, всё это время была рядом со мной. Мне всё ещё не верится!

— И кто же это?

— Алина Иванова.

— Серьёзно?

— Да. Она сама мне призналась вчера, когда мы переписывались во «Вконтакте». Я таки прижала Иванову к стенке, но получила от неё такие ответы, каких не ожидала.

— Это и правда удивляет, — не скрываю собственного удивления. — Я сам сейчас перевариваю это в голове. Но теперь мне ясно, что Алина и правда не настолько глупа, а скорее имеет более серьёзные мотивы не любить тебя. Дело, значит, не в банальной обиде на твои старые злые шутки.

— На счёт «не настолько глупа» я всегда готова поспорить!

— В этом я не сомневаюсь! — хмыкаю. — И что теперь?

— А ничего. Записка найдена, прочтена. «Евгения» мне больше не интересна, а сама Алина так тем более. То, что она была подругой Ани и оказалась на той самой вечеринке, ничего не меняет. Мы по-прежнему будем недолюбливать друг друга. Иванова продолжит

таить на меня обиду за Ваню, которого я, якобы, увела у Ани. А я продолжу считать её недалёкой.

— Не обострится ли ваш конфликт?

— Лично я её трогать не собираюсь. Ей и без меня хватает: потеря подруги, чувство вины.

Одария и в самом деле не стала «трогать» Алину. В наступивший понедельник наблюдаю за тем, как обе девушки молча кивают друг другу в приветствии и так же без слов расходятся по сторонам. Но ранее я не замечал, чтобы они хотя бы кивали друг другу. Это явно прогресс. Не удивлюсь, если они вообще в какой-то момент и относятся друг к другу начнут больше нейтрально, нежели враждебно.

Как и всегда, я сел рядом с нашим старостой, а Крылова рядом с Мартыновой. Нам это никак не мешает переглядываться, загадочно улыбаться и обмениваться только нам понятными шутками.

— Ненавижу понедельники! — стонет Ермолин, рисуя мелком на доске непотребства, посвящённые этому дню недели.

Другие одноклассники подначивают Кирилла, громко шутят и смеются, но уже имеющийся шум становится ещё более сильным, когда в аудиторию входит Стёпа-шалун. Или уже просто Стёпа... Я не уверен, как этого парня теперь называть.

Все прямо ахнули при виде новой причёски шалуна. Больше нет длинных волос и чёлки. Стёпа превратился в обычного парня с типичной мужской короткой причёской.

— Вот это трансформация, — присвистнул Даня рядом со мной. — Чего это с ним? Как бы снег теперь не выпал.

— Влюбился, наверное, — весело усмехаюсь.

Хотя внутри себя собственный смех я слышу нервным. Ведь сегодня вечером я собираюсь признаться Одарии в любви.

Одаря

Странный день, странный понедельник. Артём то хмурится, то глуповато улыбается. Что там происходит такого в его голове? Настолько в себе, что даже утром поворчать на меня забыл по воду кофе на пустой желудок.

Пока ехали до вуза, в машине слушали жизнерадостную музыку и много шутили, а потом в обнимку шли по коридору к аудитории, где должна была проходить первая пара.

— А что ты решила на счёт библиотеки? — спрашивает Артём, как раз когда проходим мимо книжного царства.

— Думаю, уволюсь.

— Так и знал, ведь на книжного червя ты совсем не похожа!

— Ну, книги это больше к таким, как Мартынова, если честно. Да и воспоминания от этой библиотеки остались тягостные.

— Понимаю, — кивает.

Историю с библиотекой я хочу закрыть. Буду лишь иногда захаживать, чтобы поздороваться с Елизаветой Петровной, ведь она совсем неплохая женщина и всегда радовалась мне.

Уже в самой аудитории расходимся с Угольниковым по своим любимым местам, и я вскоре замечаю, что одноклассники тоже странноватые — весна в голову ударила?

Стёпа-шалун пришёл с новой причёской и выглядит теперь, как совершенно нормальный парень. Мартынова витает в облаках и мечтательно улыбается. Периодически Машка даже тихонько подхихикивает себе под нос — такая смешная в своей влюблённости.

А Ермолин так вообще чудит по полной: разругался с парнями из параллельной группы, и ходят они теперь весь день шумят, разборки устраивают. Кажется, даже бой на кулаках будет. Какие-то идиоты ещё и ставки делают. Хотели Даню втянуть, как старосту и ответственного за ставки, но тот отмахнулся. Этот стильный кудрявый очкарик никогда в общий замес не лезет.

Я даже не удивляюсь, что Артём именно с Рыжковым подружился и сидит теперь с ним на всех парах. Эти парни чем-то похожи. Оба общительные, но с некоторой претензией на автономность. И идиотизмом они страдают чуточку меньше, чем все остальные наши парни...

Пар сегодня не много, и день пролетает незаметно. Не успеваю толком понять ничего, а уже вечер за окнами и семнадцатый час на часах.

Вот как оно, оказывается, время пролетает, когда в душе светло и не беспокоит ничего! Единственная оставшаяся забота это моя мама, переживающая сейчас бракоразводный процесс.

— Твоя беременная, а моя разводится, — размышляю вслух, раскладывая свои последние не рассортированные вещи по шкафам и полкам Артёма, — а отцы вообще фиг знает где!

— Мой-то да: ушёл за хлебом и не вернулся, как говорится. Но твой же, вроде, поддерживает связь с вами.

Угольников извлекает из моей спортивной сумки очередную футболку и передаёт мне. Принимаю её и кладу на полку к остальным своим вещам. Тесновато теперь Артёму

становится, когда я окончательно к нему переехала, но парень и не думает жаловаться, а даже наоборот довольный ходит при виде всяких флакончиков с уходовой косметикой в ванной и прочих признаков женского присутствия.

— Поддерживает: вот вчера созванивались. Я просто шучу, — посмеиваюсь.

— Очередная твоя шутка, которая никого не обижает — ты делаешь успехи, Рия!

— Да ну тебя!

И с чего все решили, что я грубая в общении? Машка же не жалуется, а она вон какая фиалка нежная! Раз такая скромница со мной дружит, то и я не так плоха, как кажется. И разве плохим людям помогают так, как помог мне Артём? Кого попало так не выручают, как он выручил меня. Даже влюблённый тогда в меня Ваня не был бы настолько отважным, чтобы раздавать всем желающим по двести рублей ради меня.

— А познакомлю-ка я тебя со своей мамой, — хихикаю от пришедшей в голову идеи. — Она как раз сейчас в трудном положении и делает всё, чтобы не раскиснуть. Подружки, психолог... А тут я приду к ней с парнем под ручку! Сразу и развод переживать легче станет, отвлечётся...

Ведь со времён Вани у меня никого и не было. Я думаю, родительница обрадуется Артёму и хорошо с ним поладит. Заодно расскажу, что записок от «Евгении» больше не будет и не стоит переживать. Что-нибудь придумаю, чтобы не бросать тень на Алину.

Пусть мама и не знает моих одногруппников, но этот вопрос закрыть стоило бы. Просто скажу, что лично поговорила с «Евгенией», и мы вдвоём всё расставили по своим местам. Предам её сожаления, соболезнования, и скажу, что подруга Ани уехала в другой город. А всякие там тонкости опущу, как и раньше о них молчала. Ни к чему маме информация о том, что «Евгения» поспособствовала спаиванию водителя на той проклятой вечеринке.

— Лишь бы она только тебя у меня не увела, — продолжаю хихикать, поправляя тем временем стопку одежды на одной из уже заполненных полок — а то она у меня ещё ого-го!

Угольников там что-то угукнул у меня за спиной, не дав более вразумительного ответа. И вообще странно тихо стало, будто я одна тут в четырёх стенах и говорю сама с собой, сумасшедшая.

— Артём, ты меня слушаешь вообще? — оборачиваюсь к парню лицом.

— Да, слушаю. Я просто рассеянный немного...

И смотрит на меня так странно, словно вот-вот выдаст страшную тайну или сообщит дурную весть. Моя сумка ещё не опустела, но парень перестаёт передавать мне вещи. Стоит, смотрит то на меня, то по сторонам. И, блин, молчит.

— Всё нормально?

— На самом деле нет, — горестно вздыхает, а затем вдруг усмехается.

— Что случилось? Ты потратил все свои деньги на книжную акцию? К тебе хочет вернуться бывшая? Константин переезжает и будет теперь жить вместе с нами? Что с лицом, Угольников?

— Настолько плохо выгляжу?

— С грустинкой, скажем так.

— Грустно потому что. Я болван, и не везучий человек. Из всех девушек выбрать тебя и прикипеть именно к тебе — просто полный провал.

— Ах, бедный! — смеюсь. — Неужели влюбился?

— Вроде того. Но ты смеёшься? — приподнимает бровь и натянуто улыбается.

Парень выглядит сейчас таким неуверенным, что это умиляет меня. Он смотрит с опаской, надеждой, и при этом изо всех своих сил изображает беспечность. Только вот глаза всё равно выдают. Боится.

А что ответить? Я ведь... тоже боюсь. Сердце забилось чаще от понимания, что, кажется, мне прямо сейчас признаются в любви. Всё тело в миг запело от счастья, какой-то лёгкости и свободы. Теперь я понимаю, что значит выражение про крылья за спиной.

Ну, Крылова, смотри только слишком высоко не взлетай! И когда я успела стать такой ванильной?

— Смеюсь! — подтверждаю и тут же взрываюсь хохотом.

Только вскоре желание потешаться пропадает: Артём мрачнеет прямо на моих глазах. Надо полегче со своими шутками в такой момент. «Уж хотя бы сейчас, Ри, давай без колкостей», — одёргиваю саму себя.

— Потому что я тоже неудачница, — добавляю.

А у самой коленки затряслись. А каково было Угольнику в момент моего смеха? Если он сам сейчас засмеётся, то сгорю со стыда. Или отшучусь...

— Так и знал, что поведёшься! — на лице парня вновь наступает рассвет в виде широкой ухмылки.

— На твою шутку? И не жди! — фыркаю.

Так он реально шутит сейчас? Меня скоро всю колотить начнёт от неоднозначности ситуации. Да пошло оно всё! Не могу так больше! Это же просто невыносимо: поверить в признание в любви и начать признаваться самой, а затем понимать, что всё это один большой розыгрыш и насмешка!

— Пойду-ка я в душ, — разворачиваюсь спиной, чтобы покинуть комнату, ставшую такой опасной сейчас.

Опасной для меня, моего душевного равновесия и, может быть, моей жизни.

— погоди, — Артём ловит меня за запястье и разворачивает лицом к себе. — Мы же не договорили!

— Правда?

— Так ты правда повелась? Ты тоже, как и я, втрескалась?

— А я думала ты сейчас шутил, — проглатываю ком в горле.

— Когда я говорил «повелась», то имел в виду влюбилась. А сейчас я не шутил ни капли.

— Вау, — выдыхаю в растерянности.

Чувствую себя загнанной в угол. Угольников теперь не отпустит меня без ответа. Он удерживает своими широкими ладонями мои и смотрит прямо в глаза. Выжидательно и на этот раз настойчиво. Что же, видимо, и правда пришло время расставить всё по своим местам и внести ясность между нами. Хватит игр. Раз парень готов сделать этот шаг, то и я шагну навстречу.

— Просто «вау?». Ничего не хочешь мне сказать?

— Да, говорю же, что неудачница.

— Может и не неудачники мы вовсе, раз всё взаимно, — довольно улыбается.

— Так ты влюбился в меня? — довольно ухмыляюсь.

— Да. А ты влюбилась в меня?

— Да.

— Всё ещё считаешь меня клоуном? — спрашивает уже более серьёзно. — Может

хватит нам дурачиться уже. Если бы не я и моя настойчивость, то не держала бы ты в руках заветную книгу. Есть ли тебе вообще смысл и дальше держаться от всех на расстоянии, выдумывая новые острые слова? А от меня так и будешь отщучиваться? Ты была настолько не настоящая полтора месяца назад, что я принял тебя за серую тихоню, когда увидел впервые. Но ты ведь не такая, а сам я тебе на самом деле нравился. Если бы не мои «клоунские» выходки, то так бы и рылась в пыльных книгах в поисках «Философии», которая всё это время была у меня. Я всё это время был тут, рядом. Так когда мы перестанем делать вид, что чувства это не про нас с тобой? Надо снять маски и быть настоящими хотя бы друг с другом, Рия. А иначе сама забудешь, кто ты. Потеряешься и будешь искать на этот раз саму себя. Долго и мучительно. Такая вот «Философия. Курс для бакалавров».

— Вот это ты выдал сейчас...

— Умею иногда, — пожимает плечами.

— Не знаю, что ответить. Наверное, ты прав, и в знак согласия с тобой, просто поцелую тебя. И нет: ты не клоун.

— Тогда целуй скорее, не злая и не собака, — улыбается.

И мы целуемся, позабыв обо всём остальном. Теперь ощущается всё иначе: более нежно, искренне, трепетно... Произнесённые нами слова осветили всё какой-то странной магией, изменившей вкус поцелуев. Так странно, что я, Одария Крылова, и он, Артём Угольников, только что признались друг другу в любви. А ведь всего несколько недель назад клялись, что ни за что на свете! Ну, точно — магия!

Она появилась в моей жизни вместе с этим парнем. Вместе с ним и благодаря ему, я теперь начинаю жить по-новому.

Больше книг на сайте - Knigoed.net